

А.А. Музафаров

СЕМЕЙНЫЕ ДРАМЫ РОССИЙСКИХ МОНАРХОВ

СЕМЕЙНЫЕ ДРАМЫ
РОССИЙСКИХ
МОНАРХОВ

Тайны
Российской
Империи

А.А. Музафаров

***Семейные драмы
российских монархов***

Москва
ВЕЧЕ
2010

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)46
М90

Музафаров, А.А.

М90 Семейные драмы российских монархов / А.А. Музафаров. — М. : Вече, 2010. — 320 с. — (Тайны Российской империи).

ISBN 978-5-9533-4841-6

Семейная жизнь государя — его личное дело или долг перед всей династией и его подданными? Потребовалось целое столетие дворцовых переворотов и смут, чтобы русские цари поняли, что их семейная жизнь — важнейший фактор устойчивости всей конструкции монархической государственности, живой пример для подданных. Как семейные драмы российских монархов оказывали влияние на ход русской истории — рассказывается в очередной книге из серии «Тайны Российской империи».

**УДК 94(47)
ББК 63.3(2)46**

ISBN 978-5-9533-4841-6

© Музафаров А.А., 2010
© ООО «Издательский дом «Вече», 2010

СЕМЬЯ И ВЛАСТЬ

(ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ)

Современный российский обыватель, как правило, имеет слабое представление о том, что такое монархическое государственное устройство, то есть та система государственных отношений, при которой жили наши предки — подданные Российской империи. Большинство наших современников воспринимает монархию как нечто архаичное, давно ушедший в прошлое тип государственного устройства, опыт которого не применим в наше время и в нашей реальности.

На первый взгляд такое представление кажется верным — в большинстве государств современного мира установлена республиканская форма правления, а там, где сохранились монархии, в большинстве случаев они играют чисто декоративную роль. Лишь в нескольких государствах Арабского Востока государи, как встарь, решают судьбы подданных. Казалось бы, монархия безвозвратно ушла в прошлое.

Но наблюдения за окружающей нас современностью — слишком слабое основание для выводов. Во все времена и в любой точке мира существующий миропорядок кажется обывателю логичным и чуть ли не единственно возможным.

Представим себе, что думал о республике европейский обыватель середины XVIII века. А думал он так: республика и прочие формы демократии — это давно отжившее прошлое человечества. Это осталось где-то там, в древности, вместе с гладиаторскими боями и гонениями на христиан. Все цивилизованные народы давно сделали свой выбор в пользу монархии. Да, бывают отдель-

ные рудименты, вроде Венецианской республики, но это лишь исключение из правил.

Пройдет всего каких-то 30 лет, и сначала Война за независимость Северо-Американских Соединенных Штатов, а потом Великая французская революция заставят изменить эту точку зрения.

Одной из важнейших составляющих монархической системы управления, которая остается совсем непонятной нашим современникам, является механизм передачи высшей власти по наследству — от отца к сыну. Вернее, не то чтобы совсем непонятной — на первый взгляд все выглядит просто, непонятым остаются смысл такого механизма передачи власти и его преимущества. Более того, нашим современникам наследственная передача власти кажется одной из наиболее архаичных и слабых сторон этого политического строя.

Как так, рассуждает обыватель, правителем становится не самый умный, не самый достойный, не тот, кто доказал свои способности, а всего лишь тот, кому повезло родиться в царской семье?

Однако монархическая система управления и не подразумевает того, что монарх является наиболее совершенным и подготовленным человеком в стране. Сущность монарха — не в мудрости или гениальности, а в том, что он представляет собой точку опоры, конечное и абсолютное звено в цепи принятия решений, человека, который несет ответственность за все происходящее в государстве, и не перед людьми, а перед Богом. Как и всякий человек, государь не может быть лишен недостатков. Но одна из главных задач подготовки будущего монарха к престолу и заключается в том, чтобы научить правителя осознавать свои недостатки и учитывать их. Этим монарх отличается от диктатора, которому для сохранения легитимности в обществе необходим ореол идеализирующей его харизмы. Для того чтобы наглядно проиллюстрировать разницу между монархом и диктатором, приведем один пример.

После изгнания французской Великой армии из пределов России, государь император Александр I повелел наградить все чины армии и ополчения, действовавшие против неприятеля, особой медалью, которая получила название «В память Отечественной войны 1812 года».

В мае 1945 году была учреждена медаль «За победу над Германией», на одной стороне которой надписи: по окружности — «ЗА ПОБЕДУ НАД», в центре — «В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1941—1945 гг.», в нижней части — пятиконечная звездочка. На другой — портрет И.В. Сталина в маршальском мундире, с измененной цитатой из речи В.М. Молотова от 22 июня 1941 года: «Наше дело правое, мы победим». Так всемогущий диктатор попытался навеки связать свое имя с победой в войне.

Впрочем, у механизма передачи власти по наследству есть и свои сильные стороны.

Во-первых, передача власти по наследству является хорошей гарантией от правления в стиле «после нас хоть потоп». Так как каждому нормальному человеку свойственно заботиться о своих детях, то естественно, что всякий монарх стремится передать государство своим наследникам в полном порядке.

«Мы должны передать Бэби сильную страну и не смеем быть слабыми — ради Него, иначе Ему будет еще труднее царствовать, исправляя наши ошибки и крепко натягивая вожжи, которые Ты распускаешь. Тебе приходится страдать за ошибки Своих царственных предшественников, и одному Богу известны Твои муки»¹, — писала императрица Александра Федоровна своему мужу императору Николаю II в 1916 году.

Преемственность и стабильность наследственной власти обеспечивает и возможность реализации долгосрочных проектов. В 1842 году, объявляя о начале строительства железнодорожной магистрали Москва — Петербург, император Николай I сказал, указывая на своего наследника: «Человек смертен, и потому, чтобы

иметь уверенность в довершении этого великого дела, я назначаю председателем Комитета железной дороги вот его: пусть он доделает, если не суждено мне»².

Во-вторых, передача власти по наследству обеспечивает возможность высокой профессиональной подготовки наследника к занятию высшего государственного поста. В отличие от главы демократического государства, монарх — это профессионал, подготовка которого к занятию высшего государственного поста начинается с раннего детства и включает в себя как соответствующее обучение, так и постепенное приобщение наследника к практической деятельности.

Например, в 1462 году на престол Великого княжества Московского взойшел 23-летний великий князь Иван III. Несмотря на молодость, за плечами нового монарха была суровая школа практической деятельности.

В 1452 году он в возрасте 12 лет участвует в крупном военном походе московских войск против мятежного князя Дмитрия Шемяки. Летом того же года вступает в династический брак, а с 1456 года упоминается в официальных документах как соправитель отца — великого князя Василия II. В 1459 году Иван Васильевич уже самостоятельно командует войсками, развернутыми на Окском оборонительном рубеже («Береге») против казанской орды, в 1460-м он руководит Москвой во время похода своего отца к Новгороду, и одной угрозой расправы с его стороны оказывается достаточно, чтобы смирить восставших новгородцев. Таким образом, «в марте 1462 года во главе великого княжения Владимирского оказался достаточно опытный политический деятель, прошедший практическую школу феодальной войны, борьбы с Ордой и Казанью и участия в управлении великим княжеством», — с удовлетворением отмечает современный историк³.

С течением времени система подготовки будущих правителей развивалась и совершенствовалась, начиная с конца XVIII века русские великие князья обучались по специальным (сейчас бы

сказали — индивидуальным) программам, а к преподаванию привлекались лучшие ученые и педагоги страны. Вот как современный биограф описывает учителей будущего императора Николая I.

Для преподавания был приглашен известный статистик академик А.К. Шторх, который читал лекции по политической экономии и на их основе издал свое учебное пособие в 1819 году на французском языке.

Среди преподавателей Николая Павловича в разное время были А.И. Маркевич, приглашенный из Австрии М.А. Багульянский, читавший курс истории права, профессор кафедры римского права Педагогического института В.Г. Кукольник, преподававший естественное право. Бывший профессор русского языка и словесности Дерптского университета коллежский советник Г.А. Глинка вместе с европейски эрудированным знатоком изящных искусств генерал-майором Н.И. Ахвердовым изучал с великим князем русский язык, русскую историю, географию, статистику и русскую словесность. Впрочем, Николай под руководством Н.И. Ахвердова с большим удовольствием учился строить крепости, делать бомбы, картечи, ядра. Преподаватель Первого кадетского и Горного корпусов статский советник и член Академии наук Крафт отвечал за математику и механику, Вольгемут преподавал физику. Именно в физике и точных науках Николай достиг наибольших ученических успехов. Швейцарский уроженец профессор всеобщей истории Дю Пюже (du Peget Duverdon) учил великого князя также и французскому языку, пастор англиканской церкви Питт и К.И. Седжер — входящему в моду английскому, цензор немецких книг и директор немецкого театра Ф.П. Аделунг — немецкому. Он же занимался с великим князем латинским и древнегреческими языками, логикой и «моралью», то есть нравоучительным чтением в основном из античной истории⁴.

Будущий император получил не только прекрасное по тем временам образование, но и твердые нравственные представления

о роли и ответственности государя за «счастье и несчастье подданных». Как отмечает биограф, к моменту, когда мировоззрение Николая Павловича уже сложилось, понятия «ответственность», «долг» были в этом мировоззрении ключевыми⁵.

Эти же качества государь старался передать детям и внукам: «Всякий из вас должен всегда помнить, что только своей жизнью он может искупить происхождение великого князя»⁶.

При этом сам император Николай I не считал свое образование верхом совершенства; признавая его недостатки, государь сделал соответствующие выводы при обучении своих сыновей, в первую очередь Александра и Константина, и внуков.

Вот, к примеру, как была составлена учебная программа великого князя Александра Александровича — второго внука Николая I, будущего царя-мироотворца: «В 1857 году (в возрасте 12 лет) он имел в неделю обязательных занятий: Закон Божий (2 часа), математика (3), география (2), всеобщая история (2), русская история (2), русский язык (2), французский язык (4), немецкий (3), английский (2), чтение (6), чистописание (1), рисование (2), гимнастика (6), верховая езда (2), фехтование (1), фронтовые приемы (1), музыка (1), практические занятия по механике (1)»⁷. А теперь, читатель, вспомните свою школьную программу в 12 лет и сравните. При этом учтите, что часы в скобках не «академические», а самые что ни на есть настоящие — по 60 минут каждый.

И еще обратите внимание: вопреки расхожим представлениям, образование великого князя не было ни милитаризованным, ни «солдафонским», — на обучение военному делу внук Николая I тратил всего 2 часа в неделю. Не более чем советский школьник 80-х годов XX века на уроки начальной военной подготовки.

Воспитание было достаточно строгим: «Ни я, ни Великая Княгиня не желаем делать из них оранжерейных цветов. Они должны хорошо молиться Богу, учиться, играть, шалить в меру. Мне нужны нормальные здоровые русские дети», — писал император Алек-

сандр III в инструкции для А.П. Олленгрэн, первой учительницы своих сыновей⁸.

Помимо образования подготовка будущего государя заключается и в постепенном приобщении его к делам государственного управления на самом высоком уровне. Выше мы уже отмечали этот аспект в биографии великого князя всея Руси Ивана III, который за шесть лет до своего вхождения на престол считался соправителем своего отца.

Последний российский император Николай II по завершении образования (которое включало в себя в том числе и кругосветное путешествие) начинает принимать активное участие в государственном управлении — становится председателем Комитета по сооружению Великого Сибирского пути (Транссиба), возглавляет Комитет по борьбе с голодом в 1891—1892 годах, принимает участие в заседаниях Государственного совета и Комитета министров⁹, и хотя из-за своей внезапной кончины Александр III не сумел полностью завершить подготовку сына к престолу, новый император сумел достаточно быстро войти в курс дел.

Профессиональная подготовка правителя не делает его гениальным управленцем, но позволяет не совершать элементарных ошибок, вызванных некомпетентностью, так как правитель точно знает, что именно нельзя делать.

В-третьих, само появление наследника престола религиозным сознанием, характерным для традиционного общества, воспринималось как проявление благодати Божией царскому дому и вместе с ним всей России. В манифесте государя императора Николая I, выпущенном по случаю рождения его внука, будущего Александра III, говорится: «Таковое Императорского нашего Дома приращение, приемле новым ознаменованием благодати Божией, в утешение Нам ниспосланной»¹⁰.

И наконец, в-четвертых, получение власти по наследству устраняло сомнения самого самодержца в наличии у него права управлять страной и нести ответственность за нее.

«Мы не отняли ни у кого царства, но по Божью изволению и по благословению своих прародителей и родителей как родились на царстве, так и были воспитаны и выросли, и Божиим повелением воцарились, и взяли все родительским благословением, а не похитили чужое»¹¹, — писал о своем восшествии на трон первый русский царь Иван Грозный.

Передача власти по наследству затрагивает и еще один важный аспект устройства монархического общества — отношение государственной и семейной сфер. Эта проблема имеет не только исторический интерес, но является важной с точки зрения устройства общества. Речь идет об отношении государства к такому институту, как семья.

Что такое семья? Это слово принадлежит к тем немногим понятиям, смысл которых на первый взгляд очевиден, но точно описать которые весьма сложно. Вот, к примеру, современное законодательство Российской Федерации не содержит определения семьи. У нас в стране есть статья в Конституции о семье, есть целый Семейный кодекс, есть Гражданский кодекс. Во всех этих документах говорится о семье, ей гарантируется защита, да вот беда — не разъяснено, что же именно защищают.

Дело заключается в том, что семья представляет собой институт более древний, чем общество и государство. Институт уникальный, который сочетает в себе биологические и социальные начала. В официальном комментарии к своду семейного права Российской империи говорилось следующее: «Союз между родителями и детьми, как и союз супружеский, трудно поддается регулированию права, так как отношения, возникающие из этого союза, являются более естественно-нравственными, чем юридическими, вследствие чего и законодательство не может дать в этом случае точных предписаний. Поэтому, при определении этих отношений, оно ограничивается только общими чертами»¹². Традиционное государство стремилось закрепить юридически уже существующие религиозные нормы, но не пыталось определять отношения между членами семьи.

Во все времена теории монархии указывали на необходимость для государя быть образцовым семьянином. И не только потому, что монарх и его семья являются примером для подданных, но и потому, что отношения в семье монарха оказывают влияние на политические процессы в возглавляемой им стране.

Темой предлагаемой вниманию читателя книги и является рассказ о том, как семейные драмы российской царской семьи оказывали влияние на ход русской истории. Рассмотрение исторических событий под таким углом поможет читателю, с одной стороны, лучше понять историю нашего Отечества, а с другой — задуматься и о собственных семейных проблемах и конфликтах. Как совершенно справедливо заметил в свое время автор замечательных исторических романов Дмитрий Михайлович Балашов, «мы с полной верой принимаем за истинно великое какую-нибудь семейную распрю в королевской семье, не видя, что такие же по накалу страстей события сплошь и рядом происходят у нас на глазах, в обычных, “рядовых”, семьях, где есть и свои Борджиа и свои Катоны, где найдутся и Иваны Грозные, и Марфы Борецкие. Но исходы трагедий, случающихся здесь, мало тронут наше внимание. Размах и величие страстям придает мощь вовлеченного в семейную распрю множества иных волей и судеб человеческих»¹³.

При этом обычные семейные драмы редко бывают изучены столь же подробно, как исторические, каждая деталь которых скрупулезно собрана и проанализирована историками. Значит, и здесь монархи прошлого могут дать нам наглядный пример.

Скажем несколько слов и о жанре нашей книги. Она не является полноценным историческим исследованием в классическом понимании. Дело в том, что большинство предлагаемых вниманию читателей исторических эпизодов хорошо изучены историками-профессионалами. Да вот беда — эта информация остается практически неизвестной широкой публике, среди которой имеют хождение самые разные мифы. А что такое миф? Говоря современным языком, недостоверная информация, которая может

быть как положительной, приукрашивающей действительность, так и отрицательной, рисующая человека черной краской. Миф гладок, логичен, понятен, и за ним совершенно теряется реальный человек.

Откуда берутся мифы? Некоторые из них складываются еще при жизни правителя, иногда — даже при его участии, как, например, мифы о Петре I, который «сам ружьем солдатским правил, сам и пушки заряжал». Некоторые — сразу после смерти государей, свергнутых с престола. Нужно оправдать злодеяние, и сочиняются истории о «психически ненормальном» (!) Иоанне Антоновиче, «глупом и взбалмошном» Петре Федоровиче, о «властолюбивой и алчной» царевне Софье и т. д. Эти мифы входили в «канон» официальной истории и по меньшей мере до конца правления победителей не могли быть отвергнуты под угрозой расправы со стороны соответствующих органов.

Другие мифы о государях складывались стихийно, в массовом сознании русского общества, в народных песнях, духовных стихах, сказках, сказаниях. По мнению специалиста, «в песнях фантастический элемент, как правило, отсутствовал, события выбирались значительные и изображались без деталей, а исторические лица были представлены в наиболее значимые и общественно значимые моменты их жизни»¹⁴. Из числа русских государей наиболее популярными в крестьянской среде были Иоанн IV Грозный, Петр I и его внук Петр III, Екатерина II и Александр I — победитель Наполеона.

В отдельную категорию мифов мы должны выделить те, которые складывались в XIX веке в рамках революционно-освободительного движения в России. Его деятели решали важную задачу — десакрализировать в глазах населения и своих собственных царскую власть и ее носителей. Оборвать ту связь между народом и государем, о которой мы писали выше. И здесь революционеры руководствовались простым принципом «Цель оправдывает средства» и не стеснялись в последних. Клевета,

сплетни самого грязного толка, откровенная ложь и выдумка — все шло в ход. Так рождались мифы о «звериной жестокости» Николая I, «пьянстве» Александра III, «безвольности» Николая II. Революционеры клеветали не только на своих непосредственных противников, но и обращались к прошлому. Так появились мифы о Екатерине Великой, Петре I и т.д.

В советское время именно эти представления о русских царях, сформировавшиеся в среде их политических противников, были положены в основу уже историографии о русских государях. Квинтэссенцией этого подхода стала книга Георгия Чулкова «Императоры», вышедшая из печати в 1927 году. Фактически этот «труд» представляет собой собрание сплетен и презрительно-уничижительных оценок в адрес монарших особ, для которых автор не жалеет черной краски:

«Это жалкое крошечное существо был будущий самодержец всероссийский, князь эстлянский, лифляндский, курляндский повелитель и государь царей грузинских, наследник норвежский, герцог шлезвиг-голштинский и ольденбургский, великий магистр Державного ордена святого Иоанна Иерусалимского и прочая, и прочая...»¹⁵

«Александр сидел в кресле, сутулясь, как будто чьи-то незримые руки давили ему на плечи. Наследник и, быть может, завтра император вел себя как испуганный заяц»¹⁶.

«Будущий царь-освободитель вообще был плакса. Он часто, слишком часто плакал — то от радости, то от огорчений»¹⁷.

Классовый подход, который исповедовали советские историки школы М. Покровского, вообще отрицал значимую роль личности в истории. Объективные процессы (в первую очередь — социально-экономические) были локомотивами развития, а деятельность отдельных личностей не имела никакого значения. Уже упомянутый нами Г.И. Чулков пишет: «На самом деле никакого самодержавия в петербургский период русской истории не было. Сами цари были игрушкой в руках господствующих классов»¹⁸.

Однако уже в 30-е годы советской исторической науке пришлось пересмотреть свои позиции. Складывание культа советских вождей — Ленина и Сталина — привело к новой постановке вопроса о роли личности в истории. Первой ласточкой можно считать издание в 1936 году книги академика Е. Тарле «Наполеон», вызвавшей большой интерес самого «вождя народов».

А поворот вождей большевизма от оголтелой русофобии к признанию за русским народом права на место в новой мировой коммунии привел и к новым оценкам деятельности русских государей. Особенное внимание советские историки уделяли двум фигурам — Иоанну IV Грозному и Петру I. При этом трактовка личностей обоих государей существенно отличалась от объективной оценки. Складывались новые мифы — о близком к народу царе-реформаторе, о «необходимой во имя общего дела жестокости». Образы государей, созданные советским кинематографом, оказывали влияние не только на массовое сознание, но и на историческую науку.

Падение советского режима, снятие цензурных ограничений в сочетании с огромным интересом нашего народа к познанию собственной истории привели к тому, что полки книжных магазинов заполнили самые разнообразные книги, но, увы, доброкачественные составляли лишь каплю в море. Наступило время торжества мифов.

Обидно то, что большинство распространенных в массовом сознании мифов о русских государях давно рассмотрены и опровергнуты исторической наукой. Но доходят ли открытия историков до общества? Увы, профессиональные исторические исследования издаются в нынешние времена крошечными тиражами в 1000, а то и 500 экземпляров. А место популярной исторической литературы, которая бы позволяла публике ознакомиться с научной точкой зрения на наше прошлое, занято огромной армией шарлатанов, тиражирующих мифы, да еще и потешающие публику веселыми (или, напротив, ужасными) выдумками. И тиражи таких произ-

ведений порой превышают десятки тысяч экземпляров. А еще выступления на радио, телевидении...

Предлагаемая вниманию читателя книга и призвана стать своего рода мостом между историческими исследованиями и равнодушной к истории Отечества публикой. При ее написании автор опирался на работы российских профессиональных историков и видит свою цель в том, чтобы в простой и понятной читателю форме описать некоторые моменты в биографиях десяти российских государей. Хотя эта книга и не является научной, а относится к научно-популярному жанру, автор считал необходимым снабдить ее ссылочным аппаратом, который, во-первых, должен подтвердить излагаемую нами информацию, а во-вторых, снабдить заинтересованного читателя возможностью для дальнейшего самостоятельного изучения истории.

Поскольку книга не является строго научной, то мы можем позволить себе чуть больше, чем авторы исследований. Там, где историк вынужден пасовать перед отсутствием исторических фактов, интересующийся историей обыватель может позволить себе при помощи логических конструкций достраивать неизвестное, находить связи между фактами, строить версии. Впрочем, во всех подобных случаях в тексте будет сделана особая оговорка.

Временные рамки этой книги ограничены XVIII столетием. Это не значит, что до правления Петра Великого и после царствования Павла I семейные отношения не влияли на политические процессы в Российской империи. Но никогда это влияние не было столь сильным в век, который нынешние любители истории склонны называть галантным, а современники называли «железным»... Дело в том, что в это время модернизационная трансформация российской государственности с превращением Русского царства в Российскую империю совпала с кризисом семейных отношений, вызванным распространением идеологии Просвещения. Этот кризис не был столь масштабным, как в XX веке, он затронул только верхние слои общества. Однако в это время роль этих слоев была

значительно выше, чем сейчас, так же как и значение наследственных и семейных связей. Никогда в истории российской монархии не было такого количества династических коллизий, запутанности в вопросах наследства, передачи власти вопреки закону. На XVIII столетие приходится несколько важных, ключевых точек, когда судьба страны могла пойти по-другому. Такие точки можно найти в любой период нашей истории, но в выбранное нами для анализа время их причинами, как правило, являлись семейные драмы внутри российской царствующей династии. Но еще важнее описания эпохи заговоров и переворотов, то, каким образом был преодолен этот перманентный кризис.

Император Павел Петрович первый понял, что нужно делать на уровне рациональном, но на уровне семейном, личном, он во многом оставался человеком XVIII века, что и предопределило его трагический конец. Но его сыновья — императоры Александр и Николай — сумели найти выход. Какой? Об этом написано в книге.

Говоря о роли семейных драм в истории российской монархии, нельзя не упомянуть о наиболее известной из них, хотя последняя и произошла на 120 лет раньше, чем начинаются хронологические рамки нашего повествования. Речь идет об историческом эпизоде, хорошо знакомом каждому со школьной скамьи, — об убийстве первым русским царем Иоанном Васильевичем Грозным своего сына царевича Ивана.

При словах «Иван Грозный убивает своего сына» мы сразу вспоминаем знаменитое полотно И.Е. Репина, которое находится в Третьяковской галерее. Сумрачная палата, опрокинутое кресло, брошенный посох, государь в темной одежде, с обезумевшим взглядом прижимает к себе полулежащего, залитого кровью царевича в нарядной одежде... Нет никого более, только отец и сын — кровавый финал семейной трагедии...

Впрочем, сам Илья Ефимович дал своему произведению несколько другое название — «Иван Грозный и сын его Иван

16 ноября 1581 года», а сюжетная основа была взята из труда Н.М. Карамзина «История государства Российского»:

«Царевич исполнился ревности благородной, пришел к отцу и требовал, чтобы он послал его с войском изгнать неприятеля, освободить Псков, восстановить честь России. Иоанн в волнении гнева закричал: “Мятежник! Ты вместе с Боярами хочешь свергнуть меня с престола!” и поднял руку. Борис Годунов хотел удержать ее: Царь дал ему несколько ран острым жезлом своим и сильно ударил им Царевича в голову. Сей несчастный упал, обливаясь кровию. Тут исчезла ярость Иоаннова. Поблуднев от ужаса, в трепете, в исступлении он воскликнул: “Я убил сына!” и кинулся обнимать, целовать его; удерживал кровь, текущую из глубокой язвы; плакал, рыдал, звал лекарей; молил Бога о милосердии, сына о прощении. Но Суд Небесный совершился!.. Царевич, лобызая руки отца, нежно изъявлял ему любовь и сострадание; убеждал его не предаваться отчаянию; сказал, что умирает верным сыном и подданным... жил четыре дни и скончался 19 Ноября в ужасной Слободе Александровской...»¹⁹

Современные историки предлагают несколько иную версию событий. По мнению Р.Г. Скрынникова, поводом для конфликта стало то, что Иван Грозный застал супругу сына в неподобающей для царевны одежде²⁰. Царь побил беременную сноху, вызвав у нее выкидыш, а царевичу, пытавшемуся защитить жену, нанес смертельную рану.

Основанием для обеих версий служат сообщения зарубежных дипломатов, которые спустя некоторое время после смерти царевича пытались получить информацию о ее причинах.

Если бы царь действительно нанес царевичу кровавую рану острым концом посоха, вызвавшую обильное кровотечение — «кровь, текущая из глубокой язвы», — то вряд ли агония наследника затянулась бы аж на 4 дня. К тому же русские источники указывают не на рану, а на болезнь царевича.

Так, сам царь пишет боярам: «...Которого вы дня от нас поехали, и того дни Иван сын разнемогся и нынече конечно болен... а

нам, докудово Бог помилует Ивана сына, ехати отсюды невоз-
можно...»

«Яко от отца своего ярости прията ему болезнь, от болезни
же и смерть...»²¹

Я обратился за консультацией к московскому врачу Игорю
Андрианову, и тот обрисовал ситуацию с медицинской точки
зрения.

По его мнению, побои со стороны отца «могли привести к
серьезной травме головы — вдавленному перелому. При этом, так
как воздействие локальное, первичная утрата сознания проис-
ходит далеко не всегда: часто пострадавший остается в сознании,
и даже без какого-либо неврологического дефицита.

Варианта развития при отсутствии современной медпомощи
три: первый — при отсутствии повреждений ТМО будет долго-
долго гнить рана, но в итоге заживет, оставив большой рубец.
Второй вариант — повреждение оболочечного или мозгового
сосуда отломками кости (как правило, ветвь средней менинге-
альной артерии). В этом случае следует ожидать формирование
внутричерепной гематомы, которую, если ее вовремя не удалить
(а нейрохирурга поблизости не было!), в течение очень короткого
срока отправит человека на тот свет. Третий вариант — при отсут-
ствии повреждения крупных сосудов, но при повреждении твердой
мозговой оболочки практически гарантирован менингит, что так
же в данное время гарантирует летальный исход, хотя, возможно,
потребуется несколько более длительный срок.

Менингит проявляется:

1. Жуткой головной болью.
2. Колоссальной температурой.
3. Интоксикацией.

Так как это все происходит в паутинной оболочке головного
мозга, то есть непосредственно прилежит к мозговому веществу,
неизбежны чудовищная местная интоксикация и отек. Кроме того,
при отсутствии лечения гной распространяется по ликворным

пространствам, в итоге поражая желудочковую систему головного мозга (вентрикулит). А это 90% летальный исход даже в современных условиях — слишком быстро поражаются жизненно важные центры ствола и с высокой вероятностью — закупорка ликворных пространств (гидроцефальный синдром).

Следствием всего этого будут:

4. Спутанность сознания с его последующей утратой,

5. Летальный исход на фоне поражения дыхательного и судодвигательного центров».

Известно, что царевич болел и раньше — источники свидетельствуют о том, что в 1570 году он сделал богатый вклад на погребальный помин души в Кирилло-Белозерский монастырь²².

Таким образом, можно предположить, что череда трагических событий — поражение в войне с поляками и т. д. — значительно ухудшили состояние психического и физического здоровья наследника престола, который не отличался крепким здоровьем. Последней каплей стала ссора с отцом, во время которой царь действительно мог ударить сына по голове и тем самым спровоцировать обострение болезни, приведшее к трагическому финалу. А сцена, изображенная на картине великого художника, вряд ли имела место в действительности.

Откуда же сложился миф о собственноручном убийстве царем своего сына? Во-первых, из поведения царя после смерти наследника. Иван Васильевич был потрясен случившимся. Он навсегда покинул место трагедии — некогда любимую им Александровскую Слободу. Царь отправился на покаяние в Троице-Сергиев монастырь, и даже через два года после смерти сына при упоминании о нем он «плакал и рыдал, и умолял царь и государь, шесть поклонов в землю челом положил со слезами и рыданием»²³.

Во-вторых, деятельность царя Грозного вызывала осуждение в глазах русского общества. Вопреки распространенным утверждениям публицистов об одобрении «простым народом» жестокостей Ивана Грозного в отношении «злых бояр», специалисты,

занимающиеся изучением фольклора, приходят совсем к другим оценкам:

«В конце 60—70-х годов XVI века народное представление о Грозном как о борце с изменой бояр (при этом беззакония опричнины списывались на худых советников, доносчиков и колдунов) сменяется критикой царя: он сам завел измену на Руси, и теперь ее уже не искоренить...

Разными были оценки Ивана IV в народной памяти. Но никогда крестьянство не принимало, не оправдывало его жестокости, тиранства, гибели многих людей»²⁴.

Такое поведение православного государя, с точки зрения религиозного человека, не могло не вызвать наказания от Господа. Поэтому и смерть сыновей Ивана Васильевича (напомним, что в 1591 году будет убит царевич Дмитрий), и пресечение его рода после кончины царя Федора Иоанновича не могли восприниматься в русском обществе иначе как кара Господня. Не сильным ударом посоха в висок, а своими неправыми делами, злодействами, «яростью» погубил государь своего сына и весь свой род, вызвав на него карающий гнев Господень.

В сочетании с недостоверными известиями западных источников эти представления и привели к появлению мифа о собственноручном убийстве царем собственного сына. Создание репинского полотна привело к визуализации и закреплению мифа в массовом сознании.

Было бы ошибкой представлять смерть царевича Ивана как некий поворотный момент русской истории. Традиционное представление о том, что Грозный сам обрек страну на безвластие, убив умного старшего сына и передав трон «слабоумному» Федору Иоанновичу, не выдерживает проверки фактами. Вопреки расхожим представлениям, Иван Иоаннович не многим отличался от своего младшего брата. Примечательно, что ни в одном из трех своих браков он не смог произвести на свет наследника. В отличие от Федора, он запятнал себя участием в жестокостях опричнины

и к тому же не имел того высокого, нравственного религиозного чувства, которое отличало его младшего брата. «Слабоумный» и кроткий Федор Иоаннович умел при необходимости проявлять и храбрость и твердость*. Так что, займи бы место на троне не младший брат, а старший, катастрофа Смутного времени могла бы обрушиться на страну раньше, а ее итог — быть заметно худшим, чем в реальности.

Но трагедии избежать не удалось — младший сын Ивана Грозного царя, царевич Дмитрий, погиб в Угличе в результате несчастного случая, средний — благочестивый, кроткий и умный царь Федор Иоаннович — скончался, не оставив потомства. Род государей московских, род Ивана Калиты пресекся. Властолюбие Бориса Годунова не позволило сразу возвести на трон законных наследников — представителей рода Романовых. Началась Смута. Пресечение династии едва не привело к пресечению исторического бытия страны.

Нарушение принципа легитимизма — станового хребта монархической государственности — привело к тому, что на русском троне оказался безродный авантюрист, выдававший себя за сына Грозного, потом...

Взошел на трон Василий,
Но вскоре всей землей
Его мы попросили,
Чтоб он сошел долой.

* Достаточно сказать, что, в отличие от отца, бросившего столицу на произвол судьбы и бежавшего от крымских орд в 1571 году, Федор Иоаннович во время очередного набега крымского хана Казы-Гирея в 1591 году остался в Москве. Неизвестно, занимался ли он непосредственно организацией обороны столицы, но сам факт нахождения государя в городе, несомненно, оказал сильное моральное воздействие на гарнизон. В отличие от старшего брата, который дважды ссылал жен в монастырь по приказу отца, Федор Иоаннович сумел защитить свой брак даже перед лицом Грозного..

Вернулись поляки
Казачков привели,
Потел сумбур и драки:
Поляки, казаки...
Казаки и поляки
Нас паки бьют и паки
Мы ж без царя как раки
Горюем на мели....

Так совсем не смешно описал Смуту русский поэт А.К. Толстой...

К 1611 году состояние Русского государства было критическим, собственно, и говорить о существовании государства можно было лишь условно. В Кремле сидел польский гарнизон, армия польского короля осаждала Смоленск, земли Новгорода оккупировали шведы. Попытавшиеся было освободить Москву войска Первого земского ополчения рассорились друг с другом, а его вождь рязанский дворянин Прокопий Ляпунов был убит... По всей стране бродили отряды поляков, наемников, казаков, местных «воров»...

Что же спасло русскую землю и русский народ? Призывы заточенного патриарха Гермогена? Воля к действию? Полководческий талант князя Дмитрия Пожарского? Или все вместе? Но итог известен — объединенные войска Первого и Второго земских ополчений под командованием князя Дмитрия Пожарского и князя Дмитрия Трубецкого освободили столицу и фактически восстановили русскую государственность. На престол взошел Михаил Романов.

Его главным достоинством было близкое кровное родство с пресекшейся династией — последнему законному государю Федору Иоанновичу Михаил доводился двоюродным племянником. А слабые на первый взгляд стороны — молодость и неучастие в событиях Смуты — обернулись преимуществом — его фигура стала

одинаково приемлемой для сторонников самых разных взглядов и социальных групп. Молодой, незапятнанный участием в гражданской войне, благочестивый отрок, родственник последнего законного государя — таким представлялся Михаил Федорович участникам Земского собора.

«У жителей Московского государства после Смуты велико было стремление возвратиться к прежнему порядку, к “старине”, “как при прежних государях бывало”. Имя Михаила Романова, хотя и косвенно, но могло олицетворять такую преемственность. Это и была в 1613 году главная объединяющая идея, фундамент компромисса, позволившего достичь относительного замирения после стольких лет междоусобной борьбы», — резюмирует итоги собора современный историк²⁵.

Смута кончилась, новой же династии предстояло пройти через череду испытаний на прочность, в том числе и семейных уз.

ПЕРВЫЙ ИМПЕРАТОР И ЕГО «НЕПОТРЕБНЫЙ СЫН»

Нет в русской истории государя, чей образ не был бы столь популярен среди народа, как Петр I. Разве что Грозный может сравниться с ним по уровню известности, но... Но именем Грозного не назван город, его не рассматривают как пример для подражания, да и ни одного памятника Ивану Васильевичу в России вы ни найдете. Даже на знаменитом монументе «Тысячелетие России» не нашлось места первому царю, что, впрочем, неудивительно, если вспомнить, что памятник стоит в Новгороде Великом.

Памятников же Петру Великому в России — великое множество, и самый знаменитый — второй по величине город страны, северная столица России — Санкт-Петербург.

Сам образ Петра Алексеевича настолько оброс мифами и легендами, что реальный человек, реальный правитель еле различим в этом тумане. Образ порой настолько утрачивает связь с реальным государем, что ведет в мифе себя так, как настоящий Петр никогда бы не поступил...

Миф о Петре начал творить еще сам Петр, которого по справедливости надо было бы назвать не плотником, а пиарщиком на троне, столь много сей государь уделял внимание своему образу в глазах современников и потомков. Впоследствии образ Петра-титана, царя-преобразователя, «Россию пробудившего ото сна», стал частью наиболее официозной российской истории, в стране сложился своеобразный культ Петра Великого. При этом, если в Российской империи наряду с апологетической существовала

и критическая традиция по отношению к первому императору, то в советское время апологетика была возведена в абсолют, а исследований, пытавшихся оценить деятельность Петра под критическим или хотя бы объективным углом, практически не появлялось.

Важную часть петровского мифа составляет история об убийстве государем собственного сына. В популярных книгах и фильмах излагается красивая и на первый взгляд логичная версия, полностью оправдывающая сыноубийцу и не рассматривающая подробно ни причин событий, ни их последствий. Если вкратце, то суть ее такова — наследник царя Алексей Петрович был человеком ленивым, трусливым и к делам государственным непригодным. Он полностью зависел от своего окружения, которое, в свою очередь, состояло сплошь из ретроградов и противников преобразований. В случае прихода царевича к власти он собирался отменить большинство реформ отца, пересмотреть итоги Северной войны в пользу Швеции и т. д. Когда царь возмутился подобным поведением сына, тот бежал за границу, где пытался найти вооруженную силу для захвата престола. Иноземные державы были готовы его поддержать (небескорыстно, конечно), но удалые петровские дипломаты сорвали их планы. По возвращении в Россию царевич не оставил своих козней, скрыл от отца свои планы, но опять же был изобличен, единогласно приговорен судом к смерти, и по тайному приказу убит в Петропавловской крепости.... Царь-титан с корнем вырвал змею из сердца, переступил через родительскую любовь, пожертвовал своим сыном, но тем самым спас Отечество от деградации и развала. Сюжет приобретает черты античной драмы, Петр беспристрастно наблюдает судилище над сыном, как первый консул римской республики Луций Юний Брут смотрел на казнь своих сыновей, изобличенных в заговоре.

Так или примерно так представляют себе дело царевича Алексея большинство наших сограждан, интересующихся историей. Эта легенда с теми или иными деталями ходит по страницам книг

и фильмов. Но так ли все было на самом деле? Внимательное изучение этой истории позволит нам увидеть царя Петра Алексеевича реального, а не мифического персонажа, что, в свою очередь, поможет лучше понять и деятельность самого преобразователя, и эпоху, в которой он жил.

Мало кто из исследователей подвергал сомнению справедливость осуждения царского сына, и еще меньшее число указывали на прискорбные последствия этого факта. Историки царского времени не могли выделить эти аспекты, потому что в противном случае ставилась под сомнение легитимность правящей ветви рода Романовых, а историки советского времени были, как говорит французская поговорка. «Etre plus royaliste que le roi»* и не только безусловно оправдывали жестокое деяние Петра Великого, но и видели в нем пример для подражания. Лишь в последнее время стали появляться исследования, которые рассматривают этот конфликт отца и сына более взвешенно, а главное — обращают внимания на трагические последствия этого события для российской монархии и России. Впрочем, добросовестность историков, даже тех, кто безусловно оправдывал деяние Петра, снабдила нас множеством достоверной информации, тщательно выверенных фактов, которые позволяют составить свое мнение о произошедшем**.

* Большим роялистом, чем король (фр.).

** Читатель часто требует от историка «объективности», но на самом деле это требование невозможно. Историк — человек, и ничто человеческое не является ему чуждым. Он изучает деяния людей прошлого и не может оставаться равнодушным к их поступкам, мыслям, стремлениям. Исследуемые персонажи невольно вызывают у него симпатию или антипатию. Но историк может и должен быть добросовестным исследователем, то есть собирать и доносить до читателя исторические факты не только приятные ему, но и все известные, в том числе и те, которые негативно характеризуют любимых им героев. Примером такого добросовестного подхода является исследование Н.И. Павленко «Царевич Алексей», увидевшее свет в 2008 году в серии «ЖЗЛ». Хотя сам автор и не скрывает своего негативного отношения к царевичу и восторженного по отношению к его отцу, но это не мешает ему опубликовать множество фактов, позволяющих вдумчивому читателю прийти к прямо противоположным выводам.

В этой истории тесно переплелись семейные, политические и династические сюжеты, и для того чтобы разобраться в ней, нам придется углубиться в прошлое и для начала ответить на вопрос: как родившийся в 1672 году шестой и последний сын царя Алексея Михайловича оказался на русском престоле?

Казалось, он не имел никаких шансов его занять. К моменту смерти отца шестилетний Петр был лишь третьим в очереди престолонаследия. Однако о его правах на престол заговорили уже тогда. Причина заключалась в том, что в Русском государстве даже в конце XVII века отсутствовало законодательство о престолонаследии! Рассмотрим историю вопроса. Со времен Ярослава Мудрого на Руси утвердилась так называемая «лестничная система», согласно которой власть передавалась от брата старшего к брату младшему, а потом от детей старшего брата к детям среднего. Сыновья братьев, не дождавшихся великого стола, из лестницы наследования исключались. Первоначально порядок подразумевал постоянную ротацию князей в их уделах в зависимости от положения в лестнице, но со времен Владимира Мономаха возобладал принцип «каждый да держит отчину свою» и передаваться стал только киевский престол. В удельных княжествах эпохи феодальной раздробленности существовали свои маленькие лестницы.

Отход от лестничного порядка произошел, когда московские князья (сыновья Даниила Александровича), формально не имевшие прав на престол Великого княжества Владимирского, получили его благодаря милости хана Узбека. Попытки других князей отобрать у москвичей первенство в Залесских землях натывались на волю ханов Золотой Орды, а потом и на возросшую военную мощь Московского княжества.

При этом в самой московской княжеской семье вопрос о престолонаследии на протяжении долгого времени не вставал — престол передавался и от отца к сыну и от брата к брату, но всегда наследник был один.

Даниил Александрович оставляет свой стол старшему сыну Юрию, после смерти в Орде бездетного Юрия Даниловича ему наследует брат Иван Данилович (Калита), который передает престол своему сыну Симеону Гордому. Симеон оставляет престол брату Ивану Красному (дети Симеона умерли от чумы), тот — своему сыну Дмитрию Ивановичу (Донскому), последний своему сыну — Василию Дмитриевичу. То есть московский стол передавался как от отца к сыну, так и от брата к брату.

Важным условием передачи власти была духовная грамота великого князя, в которой называлось имя наследника. Отсутствие установленного порядка наследования не могло не привести к смуте, что и произошло в 1425 году. Тогда претензии на московский стол предъявили сразу два князя — Василий II (старший сын Василия Дмитриевича) и его дядя, Юрий Дмитриевич. Первый апеллировал к духовной грамоте своего отца, а второй — к духовной грамоте Дмитрия Донского, где он был упомянут в качестве наследника вслед за Василием Дмитриевичем. Итогом стал многолетний конфликт, вылившийся в гражданскую войну между двумя линиями потомков Дмитрия Донского, продолжавшуюся с перерывами вплоть до 1455 года.

Следующая династическая коллизия возникла во времена правления Ивана III, который был вынужден решать, кому оставить престол — старшему внуку или своему второму сыну. Сначала государь сделал выбор в пользу первого, а потом — в пользу второго.

Следующий раз «династическая бомба» сработала после смерти царя Федора Иоанновича — последнего из рода потомков Калиты. Положение осложнялось тем, что царь не оставил духовной грамоты и не назвал наследника. Если руководствоваться нормами обычного, гражданского права, действовавшими в России в тот момент, то престол должен был бы быть передан старшему представителю рода Романовых — ближайших кровных родственников почившего государя. Однако царский шурин Борис Годунов организовал собственное избрание на царство, прибегнув к помо-

щи сословно-представительного органа — Земского собора (в чью компетенцию изначально вопросы о выборе династии не входили). Итогом этого стало Смутное время — семилетняя гражданская война, осложненная внешней интервенцией. В 1613 году Земской собор избрал на русский престол Михаила Романова именно как ближайшего родственника пресекшейся династии.

Удивительно, но даже после этого никакого закона о престолонаследии принято не было. Даже в основном законодательном акте страны — Соборном уложении 1649 года о принципах передачи высшей власти нет ни слова. То ли Алексей Михайлович и его помощники не придали этому вопросу значение, то ли намеренно его избегали. Дело в том, что, подобно своему отцу, Алексей Михайлович был утвержден на троне специально для того созданным Земским собором. Возможно, что государь хотел изменить этот порядок. В 1674 году официальной царской грамотой наследником престола был провозглашен старший из оставшихся в живых на тот момент сыновей царя — царевич Федор Алексеевич. Примечательно, что, большой поклонник земских соборов (в годы его правления они собирались особенно часто), Алексей Михайлович полностью проигнорировал этот институт в вопросе о наследовании, назначив преемника своей державною волей. Поговаривали, что один из ближайших сподвижников царя боярин Артамон Матвеев предлагал изменить завещание в пользу младшего сына, но не преуспел в этом. Образованный и умный царь Федор Алексеевич, чье недолгое, но насыщенное событиями царствование слабо известно нашим соотечественникам, умер, не оставив завещания, чем спровоцировал новый династический кризис. Почему он так поступил? Ведь государь не мог не понимать, в какое положение он ставит страну. И если его державный тезка, последний из Рюриковичей, Федор Иоаннович, мог испытывать затруднения, в чью пользу составить завещание, то для Федора Алексеевича все было довольно просто — престол надлежало завещать следующему по возрасту брату — Ивану,

или если обстоятельства не позволяли последнему занять трон (об этом подробнее чуть ниже), то следующему брату — Петру. Возможно, что царь надеялся на выздоровление и на то, что его второй брак окажется не бесплодным. В этом случае объявление наследником брата могло породить ненужные трудности. Но в итоге все получилось еще хуже — Федор Алексеевич скончался, не назвав преемника.

В условиях отсутствия завещания и законодательства о престолонаследии царем должен был бы быть провозглашен следующий сын Алексея Михайловича — царевич Иван Алексеевич. Но и Боярская дума, и Патриарх, и наскоро опрошенные ими земские представители выдвинули кандидатуру самого младшего брата покойного государя — царевича Петра. Почему же был обойден старший брат?

Царь Иван V Алексеевич — одна из загадочных фигур русской истории. Не только интересующиеся прошлым обыватели, но и профессиональные историки могут сказать о нем очень немного. Мы знаем, что он не отличался крепким здоровьем (что, впрочем, не помешало ему прожить дольше других сыновей Тишайшего от первого брака и иметь пятерых дочерей) и что он никогда не участвовал в политической деятельности. Хотя на его недолгое правление пришлось несколько политических кризисов, он ни разу никак не проявил себя, не выразил свою волю. Но, с другой стороны, не выражая ее сам, он не допускал, чтобы кто-то действовал от его имени. Марионеткой в руках родственников Иван Алексеевич не был, хотя партия Милославских крайне нуждалась в этом. Что стоит за этим — душевная болезнь, «малоумие» или сознательный отказ от власти? Неизвестно. Вокруг фигуры этого царя сложился своеобразный заговор молчания — и современники, и историки сообщают о нем весьма мало сведений. Для нас важно отметить следующее — официально Иван Алексеевич не был признан недееспособным до самой своей смерти. Петр всегда подчеркивал свое уважение к старшему брату, а после его смерти

неизменно дружелюбно и благожелательно относился к его вдове и дочерям.

Казалось бы, вопрос был решен, и десятилетний Петр стал русским царем, но в столице нашлись несогласные с таким решением.

Обычай русских царей женится на дочерях своих подданных обладал серьезным недостатком — родня царицы получала значительные преимущества при дворе государя и усиливала свое политическое влияние. Осложняло ситуацию то, что Алексей Михайлович был женат дважды. При этом обе его супруги были креатурами крупных политических деятелей разных периодов его царствования. Избрание Петра было результатом соглашения между двумя придворными группировками — Нарышкиными и ближайшим окружением Федора Алексеевича, в руках которого были наиболее значимые государственные посты. Таким образом, интересы родственников царя по его первому браку — Милославских были принесены в жертву, что не устроило последних.

Взбунтовав столичный гарнизон, они добились изменения ситуации в свою пользу. Боярская дума приняла уникальное решение — в дополнение к Петру был коронован и его старший брат Иван Алексеевич, а регентская власть была вручена умной и решительной дочери Алексея Михайловича царевне Софье.

Использование в политической борьбе такого «инструмента», как Стрелецкий бунт, дорого обошлось государству. В отличие от характерных для XVIII века гвардейских выступлений, хорошо организованных и управляемых, выступления стрельцов носили характер русского бунта, бессмысленного и беспощадного. Восстание 1682 года привело к практически полному физическому истреблению советников и приближенных Федора Алексеевича. От рук стрельцов погибли видный воевода князь Г.Г. Ромодановский, начальник Стрелецкого приказа князь Долгоруков, ближайший советник покойного государя боярин И.М. Языков, думный дьяк Ларион Иванов, стольник Ф.П. Салтыков и многие другие...

Досталось и Нарышкиным — был убит фактический глава этой партии, видный дипломат и политик А.С. Матвеев, братья царицы Иван и Афанасий Нарышкины, другие сторонники этой фамилии были отправлены в ссылку.

Естественно, что Нарышкины не смирились с поражением и жаждали реванша. Хотя эта партия и была серьезно ослаблена, она все же сохраняла шансы на успех в политической борьбе. Правительство Софьи носило временный характер — по достижении царями-братьями совершеннолетия исчезали юридические основания для регентства. Единственным шансом правительницы было добиться таких успехов во внутренней и внешней политике страны, которые бы подняли его авторитет на изрядную высоту. От Софьи Алексеевны требовалось стать Екатериной Великой. Но такая ноша ей оказалась не под силу. Положение правительства усугублялось тем, что «в результате событий 15—17 мая 1682 года восставшими стрельцами были убиты ведущие думные и придворные деятели, с которыми было связано проведение реформ конца 70-х — начала 80-х гг.»²⁶. Единственный уцелевший «министр» правительства Федора Алексеевича Василий Васильевич Голицын возглавил правительство, но «один в поле не воин».

К концу 80-х годов политическая ситуация в стране изменилась в благоприятную для Нарышкиных сторону — правительство увязло в войне с Крымским ханством, в которой не смогло добиться успеха. Прекрасный дипломат, один из умнейших государственных деятелей России конца XVII столетия князь Василий Васильевич Голицын не сумел достойно проявить себя на военном поприще, война с Крымом затянулась, население роптало, и оппоненты правительства решили использовать свой шанс.

Сведения о политической борьбе в верхах Русского государства в конце XVII века приведены на этих страницах не просто так. Дело в том, что первый брак Петра Алексеевича, в котором и родился царевич Алексей, был составной частью именно этого политического процесса.

Нарышкиным нужно было лишить Софью законных оснований для регентства, а для этого необходимо было показать всему обществу, что младший государь достиг совершеннолетия, и наиболее простым способом это сделать была женитьба молодого царя. Историки обычно описывают это событие как малозначимое, уделяя ему совсем немного внимания. Даже скрупулезный М.М. Богословский в своих пятитомных «Материалах для биографии Петра I» ограничился лишь одним абзацем:

«27 января 1689 года царица Наталья Кирилловна на семнадцатом году женила сына на дочери окольного Федора Абрамовича Лопухина Евдокии. Свадьба была сыграна скромно. Венчался Петр в маленькой дворцовой церкви Апостолов Петра и Павла, построенной в 1684 году. Таинство совершил его духовник протопоп Меркурий. К красавице жене Петр не почувствовал никакой склонности»²⁷.

Между тем со свадьбой Петра Алексеевича связано несколько необычных обстоятельств, оказавших влияние и на его последующую семейную жизнь, и на отношения с сыном. Именно тогда, в холодные январские дни 1689 года, завязался первый узелок этой истории.

Какие же это обстоятельства?

Во-первых, выбор невесты проходил без малейшего участия жениха. На этот факт историки не обращают внимания, а если и обращают, то ограничиваются ремаркой — «так в те времена было принято». Между тем, вопреки популярной песне о невозможности для государя жениться по любви, все предшествующие русские цари сами выбирали себе спутниц жизни.

По любви женился первый царь — Иван Грозный. Примечательно, что даже он при своем деспотическом характере не ограничивал сыновей в выборе невест. Далеко не всегда царь был доволен этим выбором: так, старшего сына он дважды заставлял разводиться, а ссора из-за третьей супруги наследника по одной из версий закончилась убийством царевича Ивана. Требовал царь развода и

от царевича Федора, указывая на бесплодие его супруги — Ирины Годуновой. Но Федор Иоаннович в споре с отцом проявил достойную твердость и категорически отказался разрывать отношения с любимой женой. Царь в гневе побил подвергнувшегося под руку Бориса Годунова и... смирился с волей сына²⁸.

Дед Петра — первый государь из династии Романовых Михаил Федорович — в 1616 году возжелал жениться на Марии Хлоповой — дочери худародного дворянина. Царский выбор пришелся не по нраву родственникам, и они расстроили свадьбу, объявив царскую невесту опасно больной. Царь вынужден был подчиниться, но через несколько лет учинил розыск и строго покарал людей, помешавших его личному счастью²⁹.

Второй раз государь сыграл свадьбу в сентябре 1624 года, выбрав себе в жены княжну Марью Владимировну Долгорукову. Этот союз оказался недолгим — 7 января 1625 года молодая царица умерла. «Год прошел как сон пустой — царь женился на другой» — 5 февраля 1626 года Михаил Федорович женился на Евдокии Лукьяновне Стрешневой³⁰.

Отец Петра, «тишайший» государь Алексей Михайлович, был женат дважды. История его первого брака чем-то напоминает историю его отца. О намерении царя жениться было объявлено в 1647 году, по обычаю, государю были представлены несколько девушек, сочтенных Боярской думой достойными стать царицей. Алексею приглянулась Афимья Всеволожская, по свидетельству современников — «красавица необыкновенная». Но она не устраивала тогдашнего главу правительства боярина Морозова и накануне свадьбы... неожиданно упала в обморок, что было сочтено свидетельством слабого здоровья. Свадьба не состоялась. Все тот же Морозов познакомил государя с дочерьми боярина Милославского, старшая из которых — Мария Ильинична — приглянулась Алексею Михайловичу, и он женился на ней³¹. В этом браке государь счастливо прожил 21 год, однако частые роды подорвали здоровье царицы, и 4 марта 1669 года она скончалась,

оставив мужу двоих сыновей и 6 дочерей. Уже осенью государь объявил о своем намерении жениться, и в Кремле начались смотры красавиц. Впрочем, скорее всего, это было просто соблюдением старинного обычая — свой выбор Алексей Михайлович уже сделал. Ему приглянулась молодая воспитанница боярина Артамона Матвеева Наталия Нарышкина. Женитьба государя по любви на бедной девушке из незнатного боярского рода произвела заметное впечатление на русское общество и отразилась не только в появлении нескольких версий этого романа, сохраненных традицией, но даже в народных песнях³².

Старший брат и предшественник Петра на престоле царь Федор Алексеевич также был женат дважды, и оба раза сам выбирал себе невесту. Первый раз это была Агафья Симеоновна Грушевская, скончавшаяся от родов в 1680 году, а второй раз — Марфа Матвеевна Апраксина, на которой царь женился, уже будучи смертельно больным³³. Конечно, обеих невест знающие люди связывали с некоторыми группировками в окружении государя, но сам факт личного выбора несомненен.

Подведем краткий итог сделанному нами небольшому историческому экскурсу. Как мы видим, брак царя почти всегда был вопросом не только личным, но и политическим, и поэтому придворные группировки не могли оставаться в стороне от вопроса выбора царской невесты. Но при всем при этом последнее слово всегда оставалось за самим царем. В крайнем случае придворные могли помешать государю жениться на выбранной им девушке, но навязать царю кого-то помимо его воли — такого еще не было.

Почему же Наталия Кирилловна Нарышкина пошла на такой шаг и, не интересуясь мнением сына, сама выбрала ему невесту? Прямого ответа на этот вопрос нет, но мы можем сделать предположение, обратив внимание на следующую особенность жизни молодого Петра, которую отмечают многие его биографы. Молодой царь был практически полностью равнодушен к прекрасному полу. Военная и морская потехи, фейерверки, пирушки и попой-

ки — вот круг его интересов. Связи с женщинами в этот период возникают почти исключительно под чужим влиянием, и брак тут не исключение. С дочерью немецкого виноторговца Анной Монс царя свел Лефорт (имея в виду усилить свое личное и немецкой партии влияние), с будущей второй супругой — «лифляндской портомоей» Мартой Скавронской — Меншиков (тоже с целью упрочнить свое влияние на царя). Это под конец жизни, в 20-е годы XVIII века, число женщин в жизни Петра значительно увеличится, а в молодости они государя не слишком интересовали.

Подчеркнем, речь не идет о каких-то психических или, более того, физических пороках царя, а лишь об особенностях характера. Примечательно, что противник Петра на полях сражений Северной войны шведский король Карл XII также с молодых лет избегал женщин и к моменту своей гибели так и не женился. Семейная жизнь не привлекала молодого Петра, и если бы ему предоставили возможность выбора невесты, то он бы, скорее всего, использовал ее, чтобы... никого не выбрать и, затянув таким образом дело, снять вопрос о свадьбе вообще. Однако царский брак был необходим Нарышкиным по политическим соображениям, и мать государя взяла решение вопроса о выборе невесты на себя.

Вторая загадка, связанная с первым браком Петра, — кандидатура его невесты. Казалось бы, Нарышкины были заинтересованы максимально использовать женитьбу молодого царя в политических целях. Помимо наглядного подтверждения царского совершеннолетия брачный союз мог бы скрепить союз политический с каким-нибудь влиятельным боярским родом. Лопухины же заметным влиянием в политике или вооруженных силах не пользовались. Достаточно сказать, что место в Боярской думе они получили только после того, как Евдокия стала царицей. В политическом плане Нарышкины ничего не приобрели от этого союза.

При этом породниться с царским родом почла бы за честь любая боярская семья в Русском государстве. Почему мать Петра остановила свой выбор на Евдокии Лопухиной? Автор «Гистории

о царе Петре Алексеевиче», очевидец событий князь Б.И. Куракин, пишет: «И к тому выбору многие были из знатных персон привожены девицы, а особливо — княжна Трубецкая, которой свойственник был князь Борис Алексеевич Голицын, и старался всячески, чтобы на оной женить»³⁴.

По мнению мемуариста, выбор в пользу «худородной» Лопухиной был обусловлен тем, что «партия Нарышкиных и Тихон Стрешнев опасались, что через тот марьяж оный князь Голицын с Трубецкими и другими своими свойственниками великих фамилий возьмут повоир (власть. — *Ред.*) и всех других затеснят»³⁵.

Итак, все объясняется довольно просто — худородные Нарышкины, не имевшие среди своего узкого круга сколько-нибудь выдающихся деятелей, боялись, что Петр может попасть под влияние родовитой родни со стороны жены. Вот и нашли ему невесту среди столь же незнатных и невлиятельных Лопухиных.

Впрочем, есть и еще важное обстоятельство, которое могло сыграть свою роль. Как уже упоминалось выше, большинство историков связывают первый брак Петра Алексеевича с политической борьбой за власть среди российской элиты. Однако есть и другое мнение. Его высказал знаменитый русский историк Николай Костомаров, который полагал, что у Наталии Кирилловны, помимо политических соображений, было желание воздействовать на характер и стиль жизни сына, которые вызывали все большие опасения у матери. В самом деле, как воспитатель вторая супруга «тишайшего» государя оказалась не на высоте. Петр рос, фактически предоставленный самому себе. Рано закончив обучение, он выглядел почти полным невеждой в сравнении со своим старшим братом Федором или сестрой Софьей. Природная любознательность и живость не могли компенсировать отсутствие серьезной воспитательной работы. К 16 годам царь целиком отдался военным и корабельным увлечениям и не проявлял ни малейшего интереса к ожесточенной политической борьбе, в которой решалась участь его престола. Без сомнения, не будь вокруг него преданных род-

ственников и умных сторонников вроде князя Бориса Алексеевича Голицына, никакой угрозы для Софьи он бы не представлял.

Вот царица и прибегла к такому средству воздействия, как женитьба, чтобы остепенить сына. Важно отметить, что, вопреки русским тогдашним обычаям, жена была старше Петра на два года. Видимо, мать выбирала сыну невесту не только по политическим соображениям, но и намеревалась сделать из нее послушное орудие влияния.

Несмотря на эти сложности, поначалу семейная жизнь Петра выглядела удавшейся. Князь Куракин отмечает, что в первый год после женитьбы «любовь между супругами была изрядная». Плодом этой любви и стал царевич Алексей.

Он родился 16 февраля 1690 года, уже после успешного переворота в пользу Нарышкиных и отмены регентства. Рождение сына-наследника значительно укрепляло политические позиции Петра и его сторонников — у его старшего брата наследника мужского пола не было.

Не случайно и имя, выбранное царем для сына. Как известно, Петр всегда с величайшим почтением и глубоким уважением относился к памяти своего отца. Что лежало в основе этого чувства — ранние детские воспоминания (в свое время Алексей Михайлович очень обрадовался появлению на свет своего последнего сына) или восхищение тем, что сделал для России государь, прозванный Тишайшим, а бывший, по существу, Великим, сказать сложно. Но называя младенца в честь своего деда, Петр однозначно указывал на него как на наследника российского престола.

Но все же первый брак царя оказался недолгим. После смерти матери (в 1694 году) Петр все больше отдаляется от жены. А в 1696 году задумал и вовсе избавиться от нее и сослать в монастырь. В чем причина такого решения царя? Дореволюционные историки «прогрессивного» и либерального толка, а вслед за ними и практически все советские указывали в качестве причины неудачи брака неприятие Евдокией увлечений Петра и его стремлений

к преобразованию России. «Покорная, не способная воспринимать новизну, она тем более не годилась в помощницы своему энергичному супругу, человеку, несомненно, во всех отношениях выдающемуся»³⁶.

Цель такой аргументации понятна — снять с Петра ответственность за распад семьи, возложить ее на царицу, а вдобавок связать личную жизнь Петра с самой привлекательной частью петровского мифа — деятельностью по преобразованию страны. Если же рассмотреть ситуацию непредвзято, то мы увидим ее несостоятельность и даже некоторую абсурдность — ведь получается, что женщинами, достойными Петра-титана, являются дочь немецкого кабатчика Анна Монс или вовсе не получившая никакого воспитания неграмотная Марта Скаврнская.

Что послужило причиной развода? В 1692 году в жизни Петра появилась Анна Монс. Дочь содержателя кабака в Немецкой слободе, женщина легкого и обходительного поведения, любовница близкого друга молодого государя Франца Лефорта, она быстро пленила сердце молодого царя. Бывать в устроенном на европейский манер доме бывшего виноторговца Петру нравилось куда больше, чем вести нормальную жизнь семейного человека. Однако само по себе наличие любовницы не могло послужить основанием для развода. Для Европы того времени наличие при дворе монарха фаворитки — вещь обыкновенная, не приводившая, как правило, к каким-то семейным проблемам. Но «просвещенный царь» повел себя совсем не по-европейски. Н.И. Костомаров предположил в свое время, что на разрыв с супругой царь решился под деятельным давлением со стороны Лефорта и других иноземцев из своего окружения. Последние боялись, что легко внушаемый Петр может неожиданно снова попасть под влияние супруги, а «знатные по годности» иноземцы потеряют его расположение.

Обычно, когда авторы популярных книг рассказывают о разводе Петра, они указывают, что царь действовал по образцу своих предшественников на троне, и приводят в пример Василия III и

Ивана Грозного. Но, во-первых, эти государи правили более чем за столетие до Петра, и нравы русского общества с той поры серьезно изменились, а во-вторых, окончание первого брака Петра Алексеевича было совершенно необычным для русской истории. Дело в том, что обычно такая мера, как ссылка жены в монастырь, была связана с новой женитьбой государя. Было ли тому причиной бесплодие первой супруги (как у Василия III) или просто желание царя к перемене (как у Ивана Грозного), но в любом случае на смену одной царице сразу же являлась новая. Но в случае Петра все было по-другому. Царь просто хотел избавиться от надоевшей ему супруги. Нет никаких сведений, что он собирался вступить в брак с Анной Монс (что было невозможно по многим соображениям) или с другой неизвестной нам особой. Нет, царь просто хотел избавиться от семьи, не задумываясь ни о том, какой пример он подает своим подданным, ни о том, в какое опасное положение он ставит династию.

Важно отметить еще одно обстоятельство — царь не пожелал лично объясниться с супругой. Будучи в составе Великого посольства в Европе, Петр поручает своим родственникам, боярам Льву Нарышкину и Тихону Стрешневу, уговорить царицу добровольно уйти в монастырь. О том же он написал и ее духовнику³⁷. План государя был прост — во время его пребывания за границей жена «добровольно» уходит в монастырь и он оказывается свободным от семейных уз без малейшего ущерба для своей репутации. Решение на первый взгляд простое и изящное, но оно является показателем весьма легкомысленного отношения Петра к династическим вопросам. Ведь в случае ухода царицы в монастырь сразу же возникает несколько проблем: кто будет заниматься воспитанием наследника? Что будет с государством, если наследник умрет? Последнюю возможность нельзя было исключать, так как детская смертность в то время была весьма высока: так, отец Петра Алексей Михайлович пережил трех из шести своих сыновей. Да и из троих детей Петра и Евдокии выжил только Алексей.

Вернувшись в Россию в 1698 году, Петр, помимо прочих дел, нашел время на долгий, четырехчасовой разговор с женой, во время которого снова пытался уговорить ее уйти в монастырь. Отстаивая свои права, Евдокия проявила «недюжинную твердость»³⁸, а в качестве одного из аргументов указывала на необходимость воспитания Алексея. Однако царь был неумолим и, так и не добившись согласия супруги, сослал ее в Суздальский Спасо-Евфимиев монастырь, где условия ее содержания были на первых порах весьма суровыми.

Таким образом, Петр снова поставил страну на грань династического кризиса — в течение 14 лет (с 1698 по 1712 год) царь не был женат, и, случись что с Алексеем, страна бы осталась без наследника. И все из-за чего? Из-за каприза монарха, который так и не смог построить нормальную семейную жизнь.

К моменту развода родителей Алексею было уже 8 лет, возраст достаточный, чтобы осознавать происходящее и сделать свой выбор, кто прав, а кто нет. До этого времени Алексей жил с матерью, которая о нем заботилась и к которой он был нежно привязан. Отца же видел редко, и отец не проявлял к нему особого интереса. Даже после ссылки матери в монастырь он не взял сына к себе, а поручал его разным людям, порой не всегда хорошо справлявшимся со своими обязанностями.

Образование царевича началось в шестилетнем возрасте, когда к нему был приставлен учитель Никифор Константинович Вяземский. «Человек не слишком образованный, не располагавший способностью внушить к себе уважение, не владевший педагогическими навыками, но честно относившийся к своим обязанностям и справедливо считавший, что его знаний достаточно, чтобы научить наследника читать и писать»³⁹. Этот персонаж чем-то напоминал учителя его отца — Никиту Зотова, но был лишен многих достоинств последнего. Подобно тому как Зотов до конца своих дней оставался доверенным человеком Петра, так и Никифор Вяземский весьма долгое время сохранял расположение царевича.

Надо отметить, что сам Петр так и не получил в детстве нормального образования: «После прихода к власти царевны Софьи его воспитание было совершенно заброшено. Учителя, Никиту Моисеевича Зотова, от него удалили; другого ему не дали; он проводил время в потехах, окруженный ровесниками без всяких дельных занятий: такая жизнь, конечно, испортила бы и изуродовала всякую другую натуру, менее даровитую. На Петра она положила только тот отпечаток, что он, как сам после сознавался, не получил в отроческих годах тех сведений, которые необходимы для прочного образования. Через это небрежение Петру приходилось учиться многому уже в зрелом возрасте. Сверх того, проведенное таким образом отрочество лишило его той выдержки характера в обращении с людьми, которая составляет признак образованного человека»⁴⁰. Этим обстоятельством царь-реформатор разительно отличался от своих предшественников на троне — царя Федора Алексеевича, чьим учителем был великий Симеон Полоцкий. Не получил Петр и личного опыта семейного воспитания. Рано лишившийся отца, он плохо представлял себе, как надо воспитывать сына, и не придавал этому особого значения.

Желая видеть сына воспитанным и образованным на европейский манер, Петр нанял ему учителя-иностранца. Выбор, однако, оказался неудачным — немецкий учитель Нейгебауэр был человеком заносчивым, грубым, малокомпетентным. Он с таким презрением относился ко всему русскому, что умудрился на этой почве задеть самого царя, который, как известно, был весьма расположен к иноземцам. Так что Нейгебауэр недолго был учителем царевича и вскоре был выставлен из России.

К 1700 году царь задумал отправить наследника учиться за границу — решение по тем временам невиданное не только для России, но и для Европы. Подготовка наследника престола обычно велась по индивидуальным планам, с учетом особенностей его личности и склонностей. К тому же пребывание наследника за границей не могло обеспечить его безопасность, что было чревато

для государства в целом. Сама эта идея показывает, как мало внимания уделял Петр проблеме образования сына. Об этом же говорит и выбор вельможи, которого государь назначил ответственным за воспитание и образование царевича. Этим человеком стал Александр Данилович Меншиков. Выбор более чем странный: во-первых, происходивший из низов бывший торговец с лотков пирогами не получил вовсе никакого образования и едва умел читать и писать; во-вторых, в то время еще холостой, он имел весьма смутные представления о воспитании; и, в-третьих, будучи одним из наиболее близких соратников Петра, он почти постоянно либо сопровождал государя в его многочисленных разъездах и походах, либо выполнял его важные поручения, то есть попросту не имел времени следить должным образом за воспитанием и образованием наследника престола. Почему же выбор царя пал именно на Меншикова? Главным достоинством последнего в глазах царя была безусловная преданность. Вознесенный на вершину власти из низов исключительно милостью Петра, не имевший прочных связей в аристократической элите Русского государства, «полудержавный властелин» должен был не столько контролировать образование и воспитание наследника, сколько не допустить ничего вмешательства в него. Его роль — надзиратель, а не воспитатель.

В 1702 году у царевича появился новый учитель — барон Гюйссен. Он был профессиональным педагогом, хотя и не блистал выдающимися достоинствами, но свое дело знал хорошо. Начал он свою деятельность с составления программы обучения, которая предусматривала совершенствование русского и изучение французского языков, обучения географии и чтению карт, геометрии и математики, истории и современной политики. Наследник должен был также овладеть военными экзерцициями, получить представление о фортификации и артиллерии, а также об архитектуре и навигации, ежели проявит к тому склонность⁴¹.

В целом программа Гюйсена выглядит логичной и достаточно насыщенной. В отличие от программы обучения царя Федора

Алексеевича, составленной в духе схоластики с упором на латынь и гуманитарные науки, образование Алексея Петровича должно было иметь практический уклон — основное место уделяется естественным наукам, а изучение латыни не предполагалось вовсе. Главным же недостатком программы является не ее содержание, а весьма короткий срок — всего два года, которые барон Гюйссен отводил на ее реализацию.

Впрочем, может быть, педантичный немец и преуспел бы в своем деле, если бы не вмешательство царя. Не считаясь с «учебным планом» сына, Петр вызывает его в действующую армию, для того чтобы тот на деле познал солдатскую науку. Пятнадцатилетним юношей царевич в чине рядового солдата участвует в штурме Ниеншанца (1703 год), и во второй осаде Нарвы (1704 год). Участие в военных действиях одновременно и государя, и наследника престола создавало большой риск для страны, поэтому в дальнейшем царь не привлекал Алексея к участию непосредственно в боевых действиях.

Участие в войне было не единственной причиной, помешавшей царевичу нормально завершить образование. Уже в 1705 году царь отправляет барона Гюссена за границу с дипломатическим поручением, а наследник оказывается предоставлен самому себе. Его «воспитатель» Меншиков занимается строительством Санкт-Петербурга, отец тоже часто находится в отъезде... Чтобы заполнить свободное время, Алексей увлекается токарным ремеслом, к которому был неравнодушен и его отец.

К 1707 году относится первое свидетельство о конфликте отца и сына. Поводом послужило то, что Алексей, несмотря на строгий запрет отца, посетил мать, о чем Петру донесла его сестра царевна Наталия Алексеевна, которой племянник имел неосторожность довериться. Царь жестоко выбранил сына за этот поступок, выразив свое крайнее неудовольствие. Уже это столкновение показывает, насколько по-разному его участники смотрели на одно и то же. Петр полагал, что, нарушая запрет на посещение его бывшей

супруги, царевич бросает ему вызов, пренебрегая царской волей. Алексей, в свою очередь, просто хотел посетить мать, которую очень любил.

Отметим и еще одну особенность ситуации — царь выражает свое недовольство наследником на основании доноса.

Начиная с 1708 года Петр поручает Алексею выполнение разного рода заданий, связанных с обеспечением армии продовольствием, набором рекрутов, представительскими функциями и т. д. Как отмечает Н.И. Павленко, в течение десяти лет (1707—1716) переписка между отцом и сыном носит почти исключительно деловой характер. По содержанию писем можно узнать и о полученных царевичем заданиях, и об усердии, с которым он их выполнял⁴². Для нас важно отметить два момента — царевич не был включен отцом в круг своих ближайших соратников, тех, кого потом назовут «птенцы гнезда Петрова», с порученными ему заданиями царевич в целом справлялся — претензии царь высказывал ему редко.

В 1710 году царь осуществляет свое намерение и отправляет наследника для продолжения образования за границей. На первый взгляд такое решение может быть оправданно — в пределах России существовали только два высших учебных заведения, и специализировались они в богословии (Академия имени Петра Могилы в Киеве и Славяно-греко-латинская академия в Москве). Поэтому направление наследника на учебу в один из университетских городов, этих интеллектуальных центров тогдашней Европы, было бы весьма целесообразно.

Но Алексей по воле отца отправился в столицу союзной Саксонии — Дрезден, где его образованием занялись все те же нанятые учителя. То есть по сравнению с пребыванием в России его образование не претерпело существенных изменений. Зато царь мог всем и каждому показывать, как он стремится в Европу.

Впрочем, пребывание царевича в Саксонии имело и еще одну цель — государь решил наследника женить, и женить в Европе. По-видимому, Петр хорошо запомнил трагические события своего

детства и решил прекратить практику женитьбы государей на собственных подданных. Искать спутниц жизни им отныне надлежало среди равных себе, то есть государей христианского мира. Однако при этом царь пренебрег собственным горьким опытом женитьбы по чужому выбору, для своих детей и племянников он выбирал невест и женихов сам, исходя исключительно из политических соображений. Стоит ли удивляться, что из четырех устроенных Петром Алексеевичем династических браков только один (брак его старшей дочери Анны) оказался более-менее удачным.

Возможно, первоначально Петр планировал предоставить Алексею свободу выбора в Европе, благо выбирать там было из кого, но потом все же выбрал невесту сыну сам. Почему? Потому что Алексей жениться на иностранной принцессе не хотел. Повторялась ситуация с женитьбой самого Петра — если бы сыну дали волю, он бы тянул время до самого своего возвращения из Европы. Отличие ситуаций 1689 и 1711 годов состояло лишь в том, что никакой острой политической необходимости женить сына у Петра в тот момент не было.

Невесту Алексею разыскал все тот же барон Гюйссен. Это была принцесса Шарлотта-Христина-София Бланкенбургская, внучка герцога Брауншвейг-Вольфенбюттельского Антона Ульриха. С шести лет она воспитывалась своей родственницей, женой курфюрста Саксонского и польского короля Августа II Сильного. Ее старшая сестра Елизавета была замужем за императором Священной Римской империи Карлом VI⁴³. Таким образом, через брак сына Петр закреплял союз сразу с тремя государствами — Речью Посполитой, Саксонией и Священной Римской империей.

Характер этого брака, как, впрочем, и других, заключенных в годы правления Петра, показывает, насколько невысоко котирировалась русская царская семья среди монархов Европы. Многолетняя политика самоизоляции привела к тому, что виднейшие дворы Европы — французский, австрийский (имперский), британский, испанский — не рассматривали возможность династических бра-

ков с Россией. Немалую роль сыграла и последовавшая вскоре женитьба самого Петра на безродной «лифлянской портомое». Поэтому невесту приходилось искать среди представителей династий мелких германских княжеств. Примечателен и еще один момент — в брачном договоре Алексея и Шарлотты за невестой сохранялось право на исповедание лютеранской веры. Это исключительный случай в истории династических браков между Россией и Европой. Дело в том, что русские государи со времен Василия III и Иоанна IV Грозного полагали себя защитниками и хранителями Православной веры. Русский государь должен был быть рожден от православных родителей. И в допетровское время, и в послепетровское в ходе переговоров о возможных династических браках обязательным условием для невесты наследника русского престола было принятие Православия. Последнему русскому царю Николаю Александровичу стоило больших усилий убедить в необходимости сменить конфессию свою невесту — принцессу Алису Гессенскую. Петр этим условием демонстративно пренебрег. По-видимому, желание показать Европе свою «европейскость» было для царя-преобразователя важнее, чем государственные и династические интересы.

Брак наследника заметно повышал его статус. По распространенным тогда представлениям именно создание собственной семьи делало человека полностью совершеннолетним (вспомним, как торопились женить Петра его родственники). Аристократическое происхождение супруги Алексея, его родство через нее с императором Священной Римской империи импонировало русской аристократии, особенно на фоне последовавшей вскоре женитьбы царя на безродной прачке. Через супругу царевич входил в узкий круг европейских монархов, что должно было, по замыслу царя, повысить авторитет и его самого, и страны в целом.

Примечательно, что в тяжелейшей обстановке неудачного для его армии и страны Прутского похода, царь находил время заниматься организацией свадьбы царевича и обещал лично присутствовать

на ней, заявив: «Это мой единственный сын, и я охотно доставил бы себе радость по окончании похода лично присутствовать на его свадьбе». И действительно, после заключения мирного договора царь отправился в Торгау, где и состоялось торжество⁴⁴.

Таким образом, мы можем с уверенностью утверждать, что, несмотря на то что отношения отца и сына не были идеальными, в 1711 году царь по-прежнему видел в Алексее единственного законного наследника престола и принимал меры по упрочению его положения и в России, и за границей.

Роковым для отношений отца и сына стал следующий, 1712 год. 19 февраля царь вступил в брак с Мартой Скавронской, ставшей таким образом царицей Екатериной. Еще в 1711 году, перед отъездом в Прутский поход, Петр повелел официально именовать свою сожительницу супругой и относиться к ней как подобает. Но все-таки с юридической точки зрения законной царицей она стала только после венчания. Для Алексея этот брак сулил мало хорошего. Во-первых, исчезали последние призрачные надежды на примирение родителей, во-вторых, дети Екатерины, рожденные в браке, приобретали статус законных, и в случае рождения мальчика он мог бы претендовать на престол, в-третьих, его собственная супруга с появлением законной царицы утрачивала негласный статус первой дамы страны, что могло сказаться и на положении самого Алексея.

Вторым важным событием, оказавшим влияние на отношения царя и наследника, стало громкое, как бы сейчас сказали, дело, связанное с коррупцией среди ближайшего окружения царя. Какое оно имеет отношение к нашей теме? На первый взгляд прямой связи нет, но если посмотреть на участников этого скандала, то можно заметить, что он удивительно схож основными фигурантами дела о побеге царевича и последующей расправы над ним.

Итак, в 1712 году до царя неизвестным образом дошел анонимный донос о том, что ряд его ближайших приближенных занимается, говоря современным языком, финансовыми махинациями

в особо крупном размере. Момент донощик выбрал на редкость удачный: главный из обвиняемых — «счастья баловень безродный» Александр Данилович Меншиков — в это время в России отсутствовал. Делу был дан ход — по указу государя была создана следственная канцелярия, которую возглавил князь Василий Владимирович Долгоруков. Комиссия выяснила, что крупные чиновники безбожно наживались, заключая торговые подряды на поставку в Петербург хлеба по завышенным ценам, при этом взятые обязательства не выполнялись. По делу были привлечены Петр Шафиров, Александр Кикин, Федор Апраксин, Гавриил Головкин и другие. До суда дело не дошло по той причине, что хотя эти махинации и причиняли изрядный убыток казне, они не нарушали действовавшее в то время законодательство. Однако царь своим указом наказал виновных, заставив их вернуть в казну полученную прибыль, а двумя другими указами прикрыл «дыру» в законодательстве — отныне должностным лицам под страхом лишения живота воспрещалось заключать контракты на поставку в казну чего-либо, а размер прибыли подрядчиков был ограничен 10%. Общая сумма начета на Меншикова составила 144 788 рублей⁴⁵. Но это было только начало, продолжая работу, канцелярия князя Долгорукова вскрыла куда более масштабные преступления светлейшего — речь шла о, говоря современным языком, нецелевом расходовании казенных средств, то есть попросту о казнокрадстве, причем в масштабах, доселе на Руси невиданных. Следователи потребовали от князя отчета в расходовании 1 018 237 рублей (общая сумма претензий, по некоторым сведениям, достигала 1 518 519 рублей)⁴⁶. Чтобы современный читатель мог себе представить масштабы этой суммы, напомним, что весь годовой бюджет огромного Российского государства в это время колебался от 5 до 7 миллионов рублей. Пойманный с поличным, Меншиков принялся изворачиваться. Он постоянно выдвигал многочисленные придирки и вопросы к работе следственной канцелярии, настаивал на том, чтобы его

деятельность расследовалась только начиная с 1710 года, при этом князь стремился уйти не только от уголовной, но и от финансовой ответственности — возвращать в казну полтора миллиона рублей ой как не хотелось!

В итоге он добился своего — в казну государства вернулось только 615 608 рублей, а само следствие затянулось до смерти Петра, после которой и было прекращено. Избежать справедливого возмездия Меншикову помогла милость царя, который, вопреки сложившемуся о нем мифу, карал казнокрадов весьма выборочно. Безусловно, Петр испытывал некоторое разочарование в своем близком друге, но у князя был мощный ходатай — новая царица Екатерина. Она никогда не забывала, кто свел ее с царем, и всегда оказывала бывшему любовнику покровительство.

Следственное дело о казнокрадстве имело и еще один важный аспект — оно показало, как негативно относится к любимцу царя значительная часть русской знати. Рассмотрим этот аспект подробнее.

Окружение Петра Великого в русской исторической и публицистической литературе принято с легкой руки Пушкина именовать «птенцы гнезда Петрова», объединяя в эту группу ближайших сотрудников царя-преобразователя, представляя их себе как некую команду единомышленников. В действительности же эта группа была довольно разнородной, отличаясь и происхождением, и мотивацией. И тот же Пушкин очень метко обозначил эту разницу. Вспомним строки «Полтавы»:

Сни птенцы гнезда Петрова —
В пременах жребия земного,
В трудах державства и войны
Его товарищи, сыны:
И Шереметев благородный,
И Брюс, и Боур, и Репнин,
И, счастья баловень безродный,
Полудержавный властелин.

Потомок старинного рода, ведущего происхождение от одного из бояр Александра Невского, Борис Петрович Шереметев, обозначает один полюс, симпатию к которому поэт выразил одним словом — «благородный». На другом полюсе — упомянутый последним «счастья баловень безродный» — Александр Данилович Меншиков. Тот самый, о котором Пушкин позже упомянет в стихотворении «Моя родословная»: «Мой дед не торговал блинами, не ваксил царских сапогов».

Отношения между этими полюсами были, мягко говоря, недружелюбными. Родовое русское дворянство, которое, собственно, и обеспечивало воплощение в жизнь разумных и не очень замыслов царя-преобразователя, проливало кровь на полях сражений Северной войны, составляло костяк офицерского корпуса и государственного аппарата, с большим презрением смотрела на кучку безродных выскочек, которые пробились в ближнее окружение царя. Дело было не только в сословной спеси, в те времена происхождение, воспитание в определенной социальной среде формировало на всю жизнь стереотипы поведения человека, понятие о чести, достоинстве, и очень немногие личности могли преодолеть этот барьер и стать своими в «благородном сословии». У Александра Даниловича это не получилось*. И в итоге в среде русской аристократии Меншиков и его клеветры оказались на положении изгоев. С ними считались, перед ними порой заискивали,

* Как пример можно привести случай празднования светлейшим собственного дня рождения 6 ноября 1715 года. Его князь, занимавший пост генерал-губернатора Санкт-Петербурга, отмечал в аустерии — единственном ресторане города. Светлейший упился до такой степени, что потерял «кавалерию» — орден Святого апостола Андрея Первозванного и обнаружил пропажу только на следующий день. В столице было объявлено — нашедшему дорогой орден будет выдано 200 рублей. Когда таковой сыскался, то Меншиков и тут не удержался от обмана — отдал только 190. Конечно, кутежи и пиры раздольные были обычным времяпрепровождением в то время, но подобных случаев с другими вельможами того времени не наблюдалось. А за всю историю ордена Святого апостола Андрея Первозванного — высшей награды Российской империи — это единственный случай, когда наградной знак, что называется, пропивали.

но искренних друзей и союзников любимец царя не приобрел. Князь понимал — единственной гарантией его благополучного существования является царская милость.

Казалось, ему нечего опасаться — Петр прощал своему любимцу все, но как раз в это время здоровье царя серьезно пошатнулось. Меншиков знал это лучше, чем кто-либо другой, — личным медиком царя был англичанин Роберт Эрскин, который до того более 5 лет являлся его личным врачом. История болезни Петра долгое время была предметом мифологии и спекуляций. Даже сейчас в публицистических работах можно встретить утверждения, что царь страдал венерической болезнью, от которой впоследствии и умер. Современные историки медицины, основываясь на сохранившихся документах, определяют болезнь царя как стиктуру уретры, осложнившуюся гнойным циститом и, возможно, хроническим гепатитом⁴⁷. Для лечения Петр неоднократно пользовался минеральными водами, вот и в 1711 году, как раз перед свадьбой сына, он воспользовался услугами знаменитого Карлсбада.

А вот отношения с наследником у Меншикова не сложились. Алексей не любил князя за низкое происхождение, пренебрежительное отношение к себе, а главное — второй брак отца. Меншиков в свою очередь не воспринимал наследника всерьез. Историк Николай Павленко приводит описание примечательного эпизода, показывающего характер их отношений:

«Однажды во время устроенного Меншиковым обеда, на котором присутствовали высшие офицеры дислоцированной в Померании русской армии, в том числе и царевич Алексей Петрович, зашел разговор о дворе его супруги принцессы Шарлотты. Меншиков отозвался о нем самым нелестным образом: по его мнению, двор был укомплектован грубыми, невежественными и неприятными людьми. Князь выразил удивление, как может царевич терпеть таких людей. Царевич встал на защиту супруги: раз она держит своих слуг, значит, довольна ими, а это дает основание

быть довольным ими и ему. Завязалась перепалка. Меншиков возразил: “Ты слеп к своей жене, она тщеславна”.

Царевич воскликнул в ответ: “Знаешь ли ты, кто моя жена, и помнишь ли ты разницу между ней и тобой?!”

Меншиков: “Я это хорошо знаю, но помнишь ли ты, кто я?”

Царевич: “Конечно, ты был ничем, и по милости моего отца ты стал тем, что ты есть”.

Меншиков: “Я твой попечитель, и тебе не следует со мной так говорить”.

Царевич: “Ты был моим попечителем, теперь уже ты не мой попечитель, я сам умею позаботиться о себе, но скажи мне, что у тебя против моей жены?”

Меншиков: “Что у меня против нее: она высокомерная немка, и все от того, что она в родстве с императором, но от этого родства ей, впрочем, будет мало проку, а, во-вторых, она тебя не любит, и она права в этом, ибо ты обращаешься с ней очень дурно; кроме того, ты своим видом не можешь возбудить любви”.

Царевич: “Кто сказал, что она меня не любит? Я очень хорошо знаю, что это неправда, я ею очень доволен и убежден, что и она мною довольна. Да сохранит Господь ей жизнь, я буду с нею очень счастлив”.

Меншиков: “Я своими глазами убедился в противном, она тебя не любит. Плакала она, когда ты уезжал, от досады, видя, что ты ее не любишь, а нисколько не от любви к тебе”.

Царевич: “Не стоил ты того, чтобы на нее смотреть; ее нрав очень кроток, и хотя она не моей веры, должен, однако, сознаться, что она очень благочестива; что она меня любит, в этом я уверен, ибо ради меня она все покинула, и в том тоже я уверен, что она честна; впрочем, неудивительно, что ты так говоришь, ибо ты судишь об имперских княжнах по тем, которые у нас, и особенно по твоей родне, которая никуда не годится, так же, как и твоя Варвара. У тебя змеиный язык, и поведение твое беспородно. Я надеюсь, что ты скоро попадешь в Сибирь за твои клеветы; моя жена честна, и

кто впредь мне станет говорить что-либо против нее, того я буду считать отъявленным врагом”.

Царевич велел наполнить бокалы, выпили за здоровье крон-принцессы, и все офицеры бросились к ногам царевича»⁴⁸.

Прошу прощение у читателя, за столь длинную цитату, но сей эпизод хорошо раскрывает несколько важных аспектов отношений между наследником и любимцем царя. Во-первых, Меншиков ведет себя весьма развязно, если не сказать, нагло. В его поведении нет ничего от почтительности подданного или мудрости наставника. Напротив, он старается уязвить царевича, допуская подлые намеки (именно намеки, других аргументов нет) в адрес его супруги. Алексей держится с достоинством воспитанного человека, осознающего свое превосходство в происхождении, а также свою правоту как мужа и главы семейства. Как не похож этот образ на традиционные представления о царевиче как о человеке забитом, трусоватом!

Важен и финал истории — царевич не просто достойно вступает за честь жены, он выигрывает эту пикировку с Меншиковым, и — что еще важнее — симпатии генералов и офицеров оказываются на его стороне, а не на стороне командующего армией. Перед собравшимися на мгновение предстал их будущий повелитель, и последняя сцена говорит о том, что этот повелитель мог рассчитывать на верность подданных.

После возвращения семьи царевича в Петербург к уже имевшимся проблемам в его отношениях с отцом добавилась еще одна — царевна не поладила с царицей. Поначалу ничто не предвещало такого поворота, напротив, Екатерина приняла невестку весьма ласково. Принцесса писала матери: «Царица со своей стороны не упускает случая выразить мне свое искреннее уважение»⁴⁹. Но потом их отношения резко испортились. Причиной стала банальная женская ревность — необразованная и невоспитанная «лифлянская портомоя», которая до конца жизни так и не освоила грамоту, не могла выдержать сравнения с изящной, утонченной принцессой пусть и не самого родовитого немецкого

двора. Отношения стали натянутыми и напряженными, как отмечает современный историк, прежняя благосклонность Екатерины Алексеевны сменилась враждебностью, которая усугублялась тем, что обе женщины ждали ребенка. Царица ревниво относилась к возможному появлению у царевны наследника мужского пола, то есть соперника ее собственным детям в возможной борьбе за престол⁵⁰. Это, в свою очередь, сказалось и на отношениях Петра и Алексея.

Постепенно вокруг царевича начинает формироваться круг лиц, недовольных политикой его отца. Здесь важно обозначить следующее — обычно в популярной литературе говорится о том, что царевич и его окружение ненавидели все, что делал царь-преобразователь. Это утверждение создано в рамках петровского мифа, одним из основополагающих тезисов которого является утверждение об уникальности роли Петра в модернизации России. Только он один понял, что надо делать, и «Россию поднял на дыбы». В реальности же вопрос о модернизации страны стоял на повестке дня еще с середины XVII века, и процесс этот шел при предшественниках Петра на троне порой куда более последовательно и продуманно*. Курс на модернизацию страны и сближение с Западной Европой был определен не личной волей монарха, а объективными процессами развития России.

Неприятие Алексея и его окружения вызывал не сам процесс модернизации страны, а лишь некоторые его аспекты, связанные, в частности с церковной политикой Петра, или с защитой царем от справедливого наказания того же Меншикова, а также второй брак царя.

* Рекомендуем вниманию читателя недавно вышедшую в издательстве «Вече» книгу А.П. Богданова «Несостоявшийся император Федор Алексеевич», в которой подробно рассматривается деятельность старшего брата Петра Великого. Автор приходит к выводу, что начавшиеся при Федоре процессы модернизации страны были значительно более глубокими и продуманными, чем сумбурные и неожиданные петровские преобразования. В книге А.В. Манько «Великих посольских дел оберегатель. Политическая биография князя В.В. Голицына» подробно описывается деятельность в этом направлении правительства царевны Софьи.

Вопреки распространенному в популярной литературе мнению, окружение царевича составляли отнюдь не «бояре», попы и чернецы — замшелые ретрограды. Нет, среди его ближайших советников мы видим людей деятельных, прекрасно зарекомендовавших себя на государственной службе. Мы коротко расскажем читателю о них.

Конечно, пресловутые «попы» в окружении царевича были, и первым из них был его духовник протоиерей Яков Игнатьев. Он был одним из представителей наиболее образованной прослойки русского духовенства. Его знали и почитали представители самых разнообразных слоев общества. Среди его корреспондентов — канцлер Гавриил Иванович Головкин, архимандрит Досифей, митрополит Стефан Яворский и многие другие. Яков Игнатьев обладал силой убеждения и даром понимания людей. Царевич слушался его беспрекословно, причем добился такого послушания священник не угрозами, а внушением, авторитетом и разумными советами наставника⁵¹.

Ближайшими советниками царевича в период конфликта с отцом были князь Василий Владимирович Долгоруков и Александр Васильевич Кикин.

Князь Василий Владимирович Долгоруков происходил из старинного и влиятельного рода. Он родился в 1667 году. Принимал активное участие в Северной войне, отличился при взятии Митавы, в 1708 году его отряд усмирал бунт донских казаков под предводительством Кондратия Булавина, в Полтавском сражении князь командовал отрядом конницы и принял активное участие в преследовании бегущих шведов. В 1711 году он участвует в трагически окончившемся Прутском походе. Когда русская армия была окружена турками, Долгоруков присоединился к предложению Шереметева «проложить дорогу штыками или умереть». В 1713 году отличился при взятии Штеттина; в 1716-м был назначен командовать русскими войсками в Польше (впрочем, за этим назначением стоял Меншиков, который таким образом

отстранял князя от руководства следственной канцелярией). Впоследствии Василий Владимирович дослужится до звания генерал-фельдмаршала, будет руководить Военной коллегией и сделает немало для развития российской армии. Убедившись в невозможности добиться справедливости в деле Меншикова, которое расследовала руководимая им следственная канцелярия, он сблизился с царевичем, связывая свои надежды с его возможным восшествием на престол.

Александр Васильевич Кикин происходил из старинного дворянского рода, чей основатель прибыл из Литвы на службу к самому Дмитрию Донскому. В 1693 году он бомбардир потешного полка. Участник Азовских походов и Великого посольства. Вместе с царем работает на верфях в Голландии. Однако то, что для Петра было лишь одним из увлечений, для Александра Васильевича становится делом всей жизни. Он в течение двух лет изучает кораблестроение в Европе, по возвращении в Россию работает на Воронежской и Олонецкой верфях. С момента основания Санкт-Петербургского адмиралтейства в 1707 году Кикин становится его бессменным руководителем, а также вице-губернатором города. Помимо адмиралтейской деятельности он выполнял многочисленные поручения царя и пользовался его полным доверием. Оставаясь в скромном чине адмиралтейств-советника, Александр Васильевич фактически руководил всем сложным процессом создания и снаряжения российского Балтийского флота. В 1715 году Кикин был привлечен к ответственности по уже упоминавшемуся делу о подрядах. Наказанием ему стала высылка в Москву. Однако обойтись без толкового руководителя Адмиралтейства царь не мог и в 1716 году вернул его к прежнему месту службы. Возможно, что причиной первоначально сурового наказания Кикина (а оно было наиболее строгим среди всех участников «подрядного дела») стала не мера его вины, а откровенные показания, которые он сделал на следствии против Меншикова. Будучи вице-губернатором новой столицы, Кикин лучше, чем

кто-либо другой, знал о махинациях светлейшего и не преминул их разоблачить.

Хорошее отношение к царевичу высказывали такие видные деятели Петровской эпохи, как митрополит Стефан Яворский (местоблюститель патриаршего престола — фактически глава Русской Церкви в то время), фельдмаршал Борис Петрович Шереметев, князь Михаил Михайлович Голицын — один из наиболее отважных и умелых генералов русской армии и «множество сенаторов и других чинов».

Важно отметить и положительное отношение к царевичу со стороны дворянства и простолюдин. В глазах русского общества образ наследника противопоставлялся образу отца. Важной особенностью традиционного сознания является представление об ответственности монарха за происходящее в стране. Причем ответственности не столько политической, сколько нравственной. Бог карает монарха за грехи страны и страну за грехи монарха. Одной из причин потери поддержки общества царем Борисом в ходе авантюры первого Лжедмитрия стало массовое убеждение в том, что и трехлетний голод, и мятежи, и самозванец — все это является следствием виновности царя в убийстве последнего сына Грозного и занятии трона не по праву, в обход законных наследников.

Первые десятилетия XVIII века были для страны очень тяжелым временем. Непрерывающаяся война, которая вызывала ассоциации с Ливонской войной Ивана Грозного, постоянные и все растущие денежные поборы с населения, невиданные прежде рекрутские наборы, введение иноземного платья и принудительное бритье бород, снятие колоколов и насилие над Церковью, длительное отсутствие патриарха, личная жизнь самого Петра вкупе с его женитьбой на солдатской девке — все это вызывало глухое раздражение в обществе.

Алексей же представлялся в некоторой степени антиподом отца — благочестивый, с уважением относившийся к духовенству,

рочительный хозяин (принадлежащими ему селами он управлял куда лучше, чем отец), сын от безвинно сосланной царем жены, и, главное, единственный законный наследник трона в глазах большинства населения страны. Все это увеличивало симпатии к царевичу в самых разных слоях русского общества.

Эти чувства подданных, совершенно нормальные для русского общества, весьма тревожили ближнее окружение царя, в первую очередь Меншикова и Екатерину Алексеевну. Они очень хорошо понимали, что их единственная опора — это царь Петр Алексеевич и, случись с ним что, временщику и его ставленнице несдобровать. Единственной возможностью удержаться у власти было устранение Алексея от наследования престола и замена его ребенком от брака Петра и Екатерины. Летом 1714 года, к немалому облегчению царицы, царевна Шарлотта разрешилась от бремени дочерью, которую называли Наталией. Но и царица в сентябре родила дочь Маргариту.

В следующем году обе дамы вновь забеременели и на сей раз у обеих родились мальчики, которых называли одного в честь деда, а другого в честь отца — то есть одинаково — Петр. Для принцессы Шарлотты эти роды оказались смертельными, и через несколько дней она умерла на руках безутешного супруга.

Обратим внимание на то, какие имена выбрал царевич для своих детей. Наталией звали единственную единокровную сестру царя, с которой у него были наиболее близкие отношения из всех родственников. Наталией также звали и прабабушку новорожденной — царицу Наталию Кирилловну, мать Петра.

Называя в честь отца своего сына (при этом дед и внук получались полными тезками и по имени-отчеству), Алексей, с одной стороны, подчеркивал свою лояльность отцу, а с другой — утверждал права своего сына на российский престол.

Но у царя были на этот счет иные планы. Вернувшись с похорон невестки, он вручил сыну письмо следующего содержания:

♦ Объявление сыну моему.

Понеже всем известно есть, что пред начинанием сея войны, как наш народ утеснен был от шведов, которые не толико ограбили толь нужными отеческими пристаньми, но и разумным очам к нашему нелюбозрению добрый задернули занавес и со всем светом коммуникацию пресекли. Но потом, когда сия война началась (которому делу един Бог руководителем был и есть), о коль великое гонение от сих всегдашних неприятелей ради нашего неискусства в войне претерпели и с какою горестью и терпением сию школу прошли, дондеже достойной степени вышереченного руководителя помощью дошли! И тако сподобилися видеть, что оный неприятель, от которого трепетали, едва не вящшее от нас ныне трепещет. Что все, помогающе Вышнему, моими бедными и прочих истинных сынов Российских равноревностными трудами достигнуто. Егда же сию Богом данную нашему отечеству радость разсмотря, обозрюсь на линию наследства, едва не равная радости горесть меня снедает, видя тебя наследника весьма на правление дел государственных непотребного (ибо Бог не есть виновен, ибо разума тебя не лишил, ниже крепость телесную весьма отнял: ибо хотя не весьма крепкой природы, обаче и не весьма слабой); паче же всего о воинском деле ниже слышать хочешь, чем мы от тьмы к свету вышли, и которых не знали в свете, ныне почитают.

Я не научаю, чтоб охоч был воевать без законной причины, но любить сие дело и всею возможностию снабдевать и учить, ибо сия есть едина из двух необходимых дел к правлению, еже распорядок и оборона. Не хочу многих примеров писать, но точию равноревных нам греков: не от сего ли пропали, что оружие оставили, и единым миролюбием побеждены, и желая жить в покое, всегда уступали неприятелю, который их покой в некончаемую работу тиранам отдал?

Аще кладешь в уме своем, что могут то генералы по повелению управлять, но сие воинству не есть резон, ибо всяк смотрит начальника, дабы его охоте последовать, что очевидно есть, ибо во дни владения брата моего не все ли паче прочего любили платье и

лошадей, и ныне оружие? Хотя кому до обоих дела нет, и до чего охотник начальствуяй, до того и все; а от чего отращается, от того все. И еще сии легкие забавы, которые только веселят человека, так скоро покидают, колыми же паче сию зело тяжкую забаву (сиречь оружие) оставит!

К тому же, не имея охоты, ни в чем обучаешься и так не знаешь дел воинских. Еще же не знаешь, то како повелевать оными можеш и как доброму доброе воздать и нерадивого наказать, не зная силы их в деле? Но принужден будешь, как птица молодая, в рот смотреть. Слабостию ли здоровья отговариваешься, что воинских трудов понести не можешь? Но и сие не резон! Ибо не трудов, но охоты желаю, которую никакая болезнь отлучить не может. Спроси всех, которые помнят вышепомянутого брата моего, который тебя несравненно болезненнее был и не мог ездить на досужих лошадях, но, имея великую к ним охоту, непрестанно смотрел и перед очми имел, чего для никогда бывала, ниже ныне есть такая здесь конюшня. Видишь, не все трудами великими, но охотою.

Думаешь ли, что многие не ходят сами на войну, а дела правятся? Правда, хотя не ходят, но охоту имеют, как и умерший король Французский, которые немного на войне сам бывал, но какую охоту великую имел к тому и какие славные дела показал в войне, что его войну театром и школою света называли, и не точию к одной войне, но и к прочим делам и мануфактурам, чем свое государство паче всех прославил!

Сие все представляя, обращаю паки на первое, о тебе рассуждая: ибо я есмь человек и смерти подлежу, то кому вышеписанное с помощью Вышнего насаждение и уже некоторое возвращенное оставляю? Тому, иже уподобился ленивому рабу евангельскому, вкопавшему талант свой в землю (сиречь все, что Бог дал, бросил)! Еще же и сие вспомяну, какого злого нрава и упрямого ты исполнен! Ибо сколь много за сие тебя бранивал, и не точию бранивал, но и бивал, к тому ж сколько лет почитай не говорю с тобою, но ничто сие успело, ничто пользует, но все даром, все же

на сторону, и ничего делать не хочешь, только б дома жить и им веселиться, хотя от другой половины и все противно идет. Однако ж всего лучше, всего дороже безумный радуется своею бедою, не ведая, что может от того следовать (истину Павел святой пишет: како той может церковь Божию управить, иже о доме своем не радит?) не точию тебе, но и всему государству.

Что все я с горестию размышляя и видя, что ничем тебя склонить не могу к добру, за благо изобрел сей последний завет тебе написать и еще мало пождать, аще нелицемерно обратишься. Ежели же ни, то известен будь, что я весьма тебя наследства лишу, яко уд гангранный, и не мне себе, что один ты у меня сын, и что я сие только в устрашение пишу: воистину (Богу извольшу) исполню, ибо за мое отечество и люди живота своего не жалел и не жалею, то како могу тебя непотребного пожалеть? Лучше будь чужой добрый, неже свой непотребный»⁵².

Перед нами весьма интересный документ. Но прежде чем перейти к его анализу, зададимся вопросом: почему он вообще появился на свет? Ведь и царь, и наследник пребывали в одном месте — Петербурге. Что помешало Петру лично высказать Алексею свои претензии и потребовать ответа? Если государь хотел, чтобы его внушение сыну сохранилось в истории, то он мог произнести свою речь с высоты трона, а придворные борзописцы не замедлили бы занести на скрижали его слова. Если же, напротив, хотелось соблюсти тайну в столь деликатном вопросе, то что мешало поговорить с сыном с глазу на глаз? Зачем царю понадобилось излагать свои мысли на бумаге? Писателем, в отличие от того же Ивана Грозного, Петр не был и литературным творчеством не увлекался. По авторитетному мнению Н.И. Павленко, представленное выше послание царь написал не самостоятельно, а обратившись к помощи своих помощников — П.П. Шафирова или А.И. Остермана⁵³. Н.И. Костомаров, подробно проанализировав момент вручения послания, предположил, что инициатором постановки вопроса о наследнике был не сам Петр, а его супруга и стоящий за ее спиной

Меншиков. И все-таки почему царь уклонился от разговора с сыном? Может быть, ответ подскажет нам текст письма?

Проанализируем его. И по смыслу, и по стилю оно распадается на три составные части. В первой государь сообщает наследнику о мотивах, побудивших его обратиться к теме наследования, а вернее, объясняющие, почему он столь долго к ней не обращался, — шла война, и, лишь добившись перелома в ней, царь смог «обозреться на линию наследства». Отметим, что государь лукавит. Военные труды не помешали ему принять деятельное участие в организации свадьбы наследника, когда как раз и было бы уместно рассмотреть вопрос о наследстве. Как мы увидим ниже, реальный повод для письма был совсем другой. Впрочем, военная тема логически связывает первую часть со второй.

В этой второй части Петр подробно разъясняет сыну необходимость изучения военного дела. Текст полон нравоучений и ссылок на исторические примеры. В этом тексте можно увидеть сходство со знаменитым «Поучением Владимира Мономаха», который также призывал своих сыновей учиться военному делу. Характер этого отдела послания скорее педагогический, чем обличительный, и тем неожиданнее переход к третьей, заключительной его части.

В ней царь сообщает наследнику о его (царевича) несовершенстве и непригодности к правлению. Вина за эту способность возлагается на самого Алексея. Петр отмечает, что и разумом и здоровьем Бог наследника не обидел, а потому вся вина за злой и упрямый нрав лежит на царевиче. При этом о своей роли и ответственности как воспитателя самодержец предпочитает и вовсе умолчать. С его точки зрения, отец за сына не отвечает. Впрочем, доступный царю воспитательный инструментарий — ругань, побои и молчание — вряд ли помог добиться успеха. Под конец царь сообщает, что принял беспрецедентное решение лишить сына наследства и выражает готовность лишь «пождать малость» его «нелицемерного обращения».

Обратим внимание на одну особенность письма — оно предельно неконкретно. Свои обвинения царевичу Петр не считает необходимым подтверждать какими-либо аргументами или фактами. Историки прогрессивного толка и до революции, и в советское время принимали эти обвинения на веру, считая, что царь прав в суровой и беспощадной критике наследника. Но так ли это?

Безусловно, царевич не был таким ярым поклонником военного дела, как его отец. Его не привлекали шагистика, муштра — неотъемлемые части тогдашней военной науки, — оставляла равнодушной пушечная пальба, но значит ли сие, что он ничего не понимал в военном деле? Мы уже знаем, что в качестве рядового солдата Алексей в юношеские годы принимает участие в штурме Ниеншанца, в 1704 году он участвует в осаде и взятии Нарвы, в 1707-м заготавливает провиант и набирает рекрутов для армии, в 1708-м руководит (пусть номинально) фортификационными работами по укреплению Москвы, в 1711 году участвует в походе русских войск в Померанию, в 1712-м участвует в походе в Финляндию. Неужели во время всех этих походов царевич ничему не научился? В это сложно поверить, тем более что нам неизвестно ни о каких-либо крупных провалах русских войск, ни о каком-то особенном неудовольствии царя действиями наследника.

Видимо, в этой неконкретности и кроется ответ на вопрос: почему Петр предпочел сочинить письмо, а не поговорить с сыном? Потому что в ходе разговора царю пришлось бы не только говорить, но и отвечать на вопросы. А ответить ему было, в сущности, нечего. Такое уклонение от ответственности было для царя не в новинку. Еще в ходе событий 1689 года, когда Нарышкины совершали переворот в пользу Петра, его сестра, царевна Софья, попыталась было лично изъясниться с братом и, скорее всего, выхлопотать помилование для своих ближайших соратников. Однако их встреча не состоялась — ее не допустили сторонники молодого царя. Мы помним, как Петр до последнего оттягивал

личное объяснение с первой супругой, и вот сейчас он избегал откровенного разговора с сыном*.

Хотя послание на первый взгляд и предлагает царевичу выбор — нелицемерно обратиться или отречься от престола, именно отсутствие конкретики и заставляет нас вслед за Н.И. Костомаровым увидеть в нем прямой приказ об отречении. Повторяется история с разводом — царь предлагает наследнику «уйти по собственному желанию», чтобы со стороны все выглядело гладко и корректно — «непотребный сын», осознавая свое несовершенство, отказывается от престола, и государю ничего не остается, как провозгласить наследника, рожденного от новой супруги.

Впрочем, на сей раз у Петра была еще одна причина действовать окольным путем. Дело в том, что, ставя вопрос о выборе наследника, он тем самым выходил за пределы своих практически безграничных царских полномочий. Ведь одним из базовых принципов, обеспечивающих стабильность монархической системы, является отстранение людской воли, пусть даже воли самого самодержца, в вопросе выбора наследника. Безусловно, монарх мог сказать свое решающее слово в условиях династического кризиса, наличия неочевидного наследства, но полномочий лишить наследника престола у него не было. Далеко не всегда личные качества наследника устраивали правителя, но для решения этой проблемы был наработан целый арсенал средств — подбор толковых советников-опекунов, подготовка самого наследника и т. д. Но для Петра эти приемы не годились, ибо он думал не о благе государства, а благе своей второй семьи.

* Эта особенность Петра Великого проявлялась не только в семейной жизни. Другим ее проявлением был постоянный отказ царя от принятия на себя формального командования армией и флотом. Всем известно активное личное участие Петра в войне со Швецией и Османской империей, но при этом царь, почти постоянно присутствуя при армии, никогда не возлагал на себя обязанности главнокомандующего. На суше этот пост занимали генералиссимус Шейн, генерал-фельдмаршалы фон Круа, Огильви, Шереметев. На море — генерал-адмирал Апраксин.

Что оставалось делать Алексею? Через четыре дня он отправил отцу следующее послание:

«Милостивый государь-батюшка!

Сего октября в 27 день 1715 году, по погребении жены моей, отданное мне от тебя, государя, выchel; на что иного донести не имею, только буде изволишь за мое непотребство меня наследия лишить короны Российской, буди по воле вашей. О чем и я вас, государя, всенижайшее прошу: понеже вижу себя к сему делу неудобна и непотребна, понеже памяти весьма лишен (без чего ничего невозможно делать) и всеми силами умными и телесными (от различных болезней) ослабел и непотребен стал к толикого народа правлению, где требует человека не такого гнилого, как я. Того ради наследия (дай Боже вам многолетнее здравие!) Российского по вас (хотя бы и брата у меня не было, а ныне, слава Богу, брат у меня есть, которому дай Боже здравие) не претендую и впредь претендовать не буду, в чем Бога свидетелем полагаю на душу мою, и ради истинного свидетельства сие пишу своею рукою. Детей моих вручаю в волю вашу, себе же прошу до смерти пропитания. Сие все предав в ваше разсуждение и волю милостивую, всенижайший раб и сын Алексей»⁵⁴.

Ответ царевича показывает, что послание отца он воспринял именно как приказ отказаться от наследства, который и исполнил. Поступить по-другому он не мог — оспорить решение царя о лишении сына наследства мог бы только патриарх, но его в Русской Церкви в тот момент не было, и Петр уже задумал и вовсе ликвидировать этот пост.

Было и еще одно обстоятельство — перед тем как написать ответ, царевич посоветовался со своими ближайшими соратникам — князем Долгоруковым и Кикиным. Оба советовали покориться воле отца, и оба же намекнули, что в глазах русского общества Алексей всегда будет оставаться законным наследником и его шансы взойти на престол по-прежнему будут высокими.

Ответа на свое послание царевичу пришлось ждать несколько месяцев. Дело в том, что царь опасно заболел, и приближенные даже опасались трагического конца. Поведение самого наследника во время царской болезни было безупречным. Но многие из придворных и высших чинов государства настолько открыто выражали свои симпатии Алексею, что Меншиков и Екатерина перепугались не на шутку. В результате едва оправившийся от болезни царь написал сыну новое послание:

«Последнее напоминание еще.

Оное ответствую: письмо твое на первое письмо мое я вычел, в котором только о наследстве воспоминаешь и кладешь на волю мою то, что всегда и без того у меня. А для чего того не изъясил ответу, как в моем письме? Ибо там о вольной негодности и неохоте к делу написано много более, нежели о слабости телесной, которую ты только одну воспоминаешь. Также что я за то столько недоволен тобою, то все тут пренебрежено и не упомянуто, хотя и жестоко написано. Того ради рассуждаю, что не зело смотришь на отцово прещение. Что подвигло меня сие остатнее писать: ибо когда ныне не боишься, то как по мне станешь завет хранить? Что же приносишь клятву, тому верить невозможно для вышеписанного жестокосердия. К тому ж и Давидово слово: всяк человек ложь. Також хотя б и истинно хотел хранить, то возмогут тебя склонить и принудить большие бороды, которые ради тунеядства своего ныне не во авантаже обретаются, к которым ты и ныне склонен зело. К тому ж, чем воздаешь рождение отцу своему? Помогает ли в таких моих несносных печалех и трудах, достигши такого совершенного возраста? Ей, николи! Что всем известно есть, не паче ненавидишь дел моих, которые я для людей народа своего, не жалея здоровья своего, делаю, и конечно по мне разорителем оных будешь. Того ради так остаться, как желаешь быть, ни рыбою, ни мясом, невозможно; но или отмени свой нрав и нелицемерно удостой себя наследником, или будь монах: ибо без сего дух мой

спокоен быть не может, а особенно, что ныне мало здоров стал. На что по получении сего дай немедленно ответ или на письме, или самому мне на словах резолюцию. А буде того не учинишь, то я с тобою как с злодеем поступлю»⁵⁵.

Как мы видим, государя, а вернее, тех, кто стоял за его спиной, весьма напугала та поддержка, которую Алексей получил от общества во время болезни царя. Письменное отречение царевича от престола, мотивированное к тому же слабым здоровьем и проблемами с памятью, легко могло быть взято назад — физическое состояние человека находится в воле Божией, и немочь телесная и слабость памяти могут и пройти. Вот если бы Алексей отрекся, объявив причиной свою лень и неохоту к государственному правлению... Поэтому царь требует теперь от наследника не просто отречения от престола, но и отречения от мирской жизни вообще — пострижения в монахи. Дело в том, что, принимая монашеский постриг, человек добровольно отрекается и от всей своей прошлой мирской жизни, в том числе и от социального статуса и происхождения. Меняется даже имя. Человек фактически умирает для мира. Помимо ужесточения условий отречения, Петр прибег и к прямым угрозам — поступить с царевичем «как со злодеем». Эта угроза хорошо показывает, в каком раздраженном состоянии пребывал царь. Современному читателю, представляющему монархию царством произвола, не видно в ней того, что наверняка заметили современники. Дело в том, что одной из основных миссий монарха является отправление правосудия. Вспомним формулировку, с которой древние славяне призывали на княжение легендарного Рюрика: «В лето 6370 изгнаша Варягов за море и не Даша им дани и почаша сами себе володети и не бу в них правды и вста род на род и быша усобицы в них и вовевати сами на ся почаша и рекоша поищем сами в себе князя иже бы володел нами и рядил (судил. — А.М.) по ряду по праву»⁵⁶.

В письме сыну Петр прибегает к угрозе, не предъявляя каких-либо обвинений. Сама формулировка «как со злодеем» позволяет

предположить, что «злодеем» царевич не является, и тем не менее отец уже готов расправиться с сыном.

Ответ царевича был готов уже на следующий день:

«Желаю монашеского чина и прошу о сем милостивого позволения».

Что стояло за этим решением Алексея? Он был весьма благочестив и набожен, и мысли о монашестве, вполне возможно, посещали его и раньше. Вспомним, что царевича осуждали за пребывание в его компании попов и чернецов. Смерть супруги, неожиданный отцовский гнев, недовольство происходящим в стране вполне могли побудить царевича искать спасения (и в духовном, и в физическом смысле) за монастырскими стенами.

С другой стороны, в этом решении Алексея поддерживали и его ближайшие советники, которые руководствовались не благочестивыми размышлениями, а политическим расчетом. Каким же? Во-первых, они полагали, что и под монашеским клобуком царевич сохранит свои права на престол. «Клобук не гвоздем к голове прибит», — говорил по этому поводу Александр Кикин. Историческим прецедентом для такого заявления могла послужить история Лжедмитрия I, который, признавая себя бывшим монахом Григорием Отрепьевым, указывал на вынужденность своего пострижения. Как мы помним, поначалу история рассказанная самозванцем, не вызвала неприятия у русского общества.

Возможно, что сторонники Алексея имели в виду другой исторический пример — историю первого царя династии Романовых Михаила и его отца — патриарха Филарета. Как мы помним, одной из причин для недовольства Петром со стороны консервативной оппозиции была его церковная политика, в частности фактическое упразднение патриаршества. Возможно, Кикин и Долгоруков предполагали в случае пострижения Алексея возвести на престол его сына, царевича Петра, а его самого сделать предстоятелем Русской Церкви, разрешив таким образом кризис в церковно-государственных отношениях.

Неожиданно в отношениях отца и сына произошла перемена к лучшему. Причиной этому стал наконец-то состоявшийся личный разговор царя и наследника. Впервые за год Петр и Алексей беседовали с глазу на глаз. Что побудило царя к прямому общению, которого до этого он столь тщательно избегал? Возможно, государь почувствовал, что в конфликте с наследником зашел слишком далеко и находится на грани необратимых шагов.

Так или иначе, но после встречи напряженность в отношениях царя и наследника как будто исчезла. Петр дал Алексею срок в полгода для окончательного выбора, а по истечении этого срока не торопил с ответом. Казалось, конфликт исчерпан и остался в прошлом. Тем неожиданнее для Алексея было письмо отца из Копенгагена, в котором тот требовал от сына либо принять постриг, причем сделать это в ближайшее время, либо ехать к нему для участия в морской баталии.

Это письмо открывало царевичу возможность выехать за границу, которой он решил воспользоваться. Алексей и его сторонники хорошо понимали, что Меншиков и Екатерина, стоявшие за спиной царя, не остановятся, пока не вынудят отца расправиться с сыном. В России наследник постоянно находился под угрозой, а потому и возник план бегства царевича за границу, где он мог спокойно дожидаться кончины отца и впоследствии вернуть себе престол.

Советники уже не раз предлагали Алексею найти убежище за границей. Так, Александр Кикин предлагал царевичу не возвращаться еще в 1714 году, когда он ездил лечиться на минеральные воды в Карлсбад. Однако тогда конфликт царя и наследника еще не перешел в открытую фазу, и Алексей этим советом пренебрег.

Теперь же у него фактически не было выбора. Побег царевича был хорошо продуман и подготовлен. Предварительную работу проделал все тот же Кикин, а также российский резидент в Священной Римской империи Авраам Веселовский. Да и сам царевич

провел достаточно много времени в Европе, чтобы не испытывать препятствий в передвижениях.

Заняв некоторые денежные средства, Алексей с небольшой свитой, инкогнито, под именем то подполковника Кохановского, то под именем польского кавалера Кременецкого, пересек территорию Речи Посполитой и Германии и 10 ноября 1716 года благополучно прибыл в Вену. Где при посредничестве вице-канцлера графа Шёнборна обратился к императору с просьбой об убежище.

Документы, раскрывающие подробности пребывания царевича в Австрии и его переговоров с имперскими властями, сохранились в венском архиве и были опубликованы русским историком Н.Г. Устряловым еще в 1859 году. Приведем подлинные слова, с которыми Алексей обратился к австрийскому дипломату:

«Я пришел сюда просить императора, моего шурина, о покровительстве, о спасении самой жизни моей. Меня хотят погубить, меня и детей моих хотят лишить престола.

Император должен спасти мою жизнь, обеспечить мои и детей моих права на престол. Отец хочет лишить меня и жизни, и короны. Я ни в чем пред ним не виноват, я ничего не сделал отцу моему. Согласен, я слабый человек, но так воспитал меня Меншиков. Здоровье мое с намерением расстроили пьянством. Теперь говорит мой отец, что я не гоюсь ни для войны, ни для правления; у меня, однако ж, довольно ума, чтоб царствовать. Бог дает царства и назначает наследников престола, но меня хотят постричь и заключить в монастырь, чтобы лишить прав и жизни. Я не хочу в монастырь. Император должен спасти меня»⁵⁷.

Это обращение дает нам редкую возможность увидеть ситуацию глазами наследника. Отвечая на послания отца, он из чувства долга или из страха писал только то, что отец хотел бы прочесть, здесь же он полностью откровенен. Не имея возможности законным путем защитить свои законные права в России, царевич обращается к иностранному монарху, своему родственнику и

союзнику своего отца. Сам факт такого обращения показывает, что «ретроград и любитель старины» Алексей вполне проникался европейскими традициями, допускавшими третейский суд в подобных вопросах.

Заслуживает внимание и аргументация царевича — он подчеркивает, что «ни в чем не виноват» перед отцом, а потому царь превышает свои полномочия, пытаясь лишить его престола, посягая на prerogatives Господа Бога.

Для Алексея не было секретом, кто является основными виновниками его злоключений:

«Я не виноват пред отцом; я всегда был ему послушен, ни во что не вмешивался. Впрочем, отец был ко мне добр, но с тех пор, как пошли у жены моей дети, все сделалось хуже, особенно когда явилась новая царица и сама родила сына. Она и Меншиков постоянно вооружали против меня отца; оба они исполнены злобы, не знают ни Бога, ни совести»⁵⁸.

Вопреки распространенным в популярной литературе версиям, царевич не интриговал против отца и не просил у императора войск для похода на Россию. Он просил лишь убежища, причем на не очень большой срок — как раз в это время состояние здоровья Петра резко ухудшилось, и он отправился лечиться на воды в Спа.

Появление царевича в Вене поставило имперское правительство в весьма щекотливое положение. Вопреки распространенной в популярной и особенно художественной литературе версии, власти Священной Римской империи увидели в российском беглеце не повод для вмешательства в русские дела, а лишнюю головную боль. Чтобы понять это, сделаем короткий экскурс в международную политику того времени.

К началу XVIII века наиболее мощными державами на европейском континенте были Франция, Великобритания, Священная Римская империя (в просторечии именуемая просто — Империя) и Голландия. Борьба за гегемонию на континенте вылилась в крово-

пролитную Войну за испанское наследство, которую вели, с одной стороны, Франция и Испания, а с другой — Империя, Голландия и Великобритания. Боевые действия в Европе, Северной Америке, на морях и океанах шли с переменным успехом с 1701 по 1714 год. И хотя Империя оказалась в числе победителей, значительно расширив свои владения в Европе, победа далась ей нелегко. Более того, не смирившаяся с утратой своих итальянских владений Испания готовилась к новой войне (она начнется в 1718 году и войдет в историю как Война четвертного альянса), что заставляло Империю в свою очередь готовиться к ответу на этот вызов.

В условиях постоянных войн с сильными противниками на западе имперское правительство было заинтересовано в поддержании стабильности своих границ на востоке и юге. Фактором, игравшим важную роль в обеспечении этой стабильности, были хорошие отношения с Россией. Оба государства были союзниками по Священной лиге — коалиции христианских государств, ведущих войну против Османской Турции. Хотя этот союз и не сохранился в юридической форме в дальнейшем, однако обе страны придерживались его де-факто. Россия и Австрия согласованно не допустили избрания королем Речи Посполитой французского ставленника принца Конти, русские и имперские дипломаты совместно действовали в Стамбуле против происков Франции, Империя оказывала России военно-техническую помощь в ходе Северной войны. Необъявленный союз России с Империей был подкреплён и браком самого Алексея.

И теперь имперское правительство оказалось в сложном положении — предоставление наследнику русского престола убежища означало неминуемый конфликт с Петром Алексеевичем, войска которого стояли в Германии. Отказать Алексею в убежище означало сильно подорвать престиж венского двора, испортить отношения с будущим русским царем, а в случае примирения наследника с отцом можно было испортить их и с нынешним. В общем, куда ни кинь, всюду клин. Идеальной ситуацией для

имперских властей было бы примирение отца с сыном при посредничестве императора или даже без такового. Тогда бы конфликт получал не политическую, а семейную окраску. Именно в этом направлении действовала австрийская дипломатия, и ее главным требованием было соблюдение приличий, чтобы не пострадал престиж Империи. Поэтому имперское правительство хотя и предоставило убежище Алексею, но в то же время не позволяло ему обмениваться письмами со своими сторонниками в России. В частности, в венских архивах осталось и послание, которое царевич предназначал российскому Сенату и в котором объяснял причины своего поступка:

«Превосходительнейшие господа сенаторы!

Как вашей милости, так, чаю, и всему народу не без сомнения мое от Российских краев отлучение и пребывание по се время безысвестное, на что меня принудило от любезнейшего отечества отлучиться не что иное, только (как вам уже известно) всегдашнее мне безвинное озлобление и непорядок, а паче же, что было в начале прошлого года, едва было и в черную одежду не облекли меня нуждою без всякой (как вам всем известно) моей вины. Но всемилостивый Господь, молитвами всех оскорбляемых утешительницы Пресвятые Богородицы и всех святых избавил мя от сего и дал мне случай сохранить себя отлучением от любезного отечества (которого, аще бы не сей случай, никогда бы не хотел бы оставить), и ныне обретаюсь благополучно и здорово под охранением некоторой высокой особы до времени, когда сохранивший мя Господь повелит возвратиться во отечество поки, при котором случае прошу не оставите меня забвенна, а я всегда есмь доброжелательный как вашей милости, так и всему отечеству до гроба моего.

Алексей.

Р. S. Будет есть ведомости об мне (хотя память об мне людей загладить⁵⁹), что меня в живых нет, или ино что зло, не извольте верить: Богу хранящу и благодетелем моим, жив есмь и во благопо-

лучии обретаюся; того ради и сие писание посылаю, дабы отразить противное мнение обо мне».

Отметим, что это послание царевич составлял самостоятельно, не имея возможности прибегнуть к помощи секретарей и советников. Это — единственный известный нам документ, в котором Алексей обращается к русскому обществу в лице его политической элиты. Наследник апеллирует к общественному мнению, выставляет себя жертвой несправедливых гонений со стороны отца и заявляет о своей полной невиновности. Выбор Правительствующего Сената в качества адресата послания показывает, что царевич прекрасно разбирался в сущности созданной его отцом политической системы — именно Сенат мог быть тем органом власти, который теоретически имел возможность вмешаться в вопрос о наследстве. Если бы письмо Алексея Петровича попало бы в Россию, то развитие событий могло бы пойти совсем по-другому.

Петр и его дипломаты достаточно быстро определили, куда мог направиться царевич, а через самое малое время русский офицер Александр Румянцев нашел крепость в Тироле, где имперские власти в строгом секрете содержали царевича. Кажется невероятным, что русский гвардейский офицер, впервые оказавшийся в Австрии, сумел столь быстро раскрыть охранявшийся на самом высоком уровне секрет Империи. Конечно, Александр Румянцев был незаурядным человеком, вряд ли бы такое сложное и деликатное поручение было доверено царем первому подвернувшемуся под руку преображенцу. Видимо, Александр Иванович успел себя зарекомендовать как человек, чья преданность монарху не вызывала ни малейших сомнений, а также успел себя должным образом проявить. Но, скорее всего, имперские власти допустили намеренную утечку информации — в действиях царских дипломатов они видели выход из ситуации.

В ходе переговоров в Вене эмиссар русского царя Петр Андреевич Толстой понял, что имперское правительство не до-

пустит какого-либо насилия в отношении царевича, но не будет препятствовать разрешению конфликта в царской семье мирным образом и даже готово принять в этом разрешении участие в качестве посредника. От посредничества императора Петр отказался, но правила игры принял — его посланцы должны были обещать царевичу полное царское прощение в случае возвращения домой. Чтобы ни у Алексея, ни у императора не осталось сомнений, Толстой и Румянцев передали царевичу собственноручное послание царя следующего содержания:

«Мой сын!

Понеже всем есть известно, какое ты непослушание и презрение воли моей делал, и ни от слов, ни от наказания не последовал наставлению моему, но наконец, обольстя меня и заклинаясь Богом при прощании со мною, потом что учинил? Ушел и отдался, яко изменник, под чужую протекцию, что не слыхано не точию междо наших детей, но ниже междо нарочитых подданных. Чем какую обиду и досаду отцу своему и стыд отечеству своему учинил.

Того ради посылаю ныне сие последнее к тебе, дабы ты по воле моей учинил, о чем тебе господин Толстой и Румянцев будут говорить и предлагать. Буде же побоишься меня, то я тебя обнадеживаю и обещаю Богом и судом Его, что никакого наказания тебе не будет, но лучшую любовь покажу тебе, ежели воли моей слушаешь и возвратишься. Буде же сего не учинишь, то, яко отец, данною мне от Бога властью, проклиная тебя вечно, а яко государь твой, за изменника объявляю и не оставлю всех способов тебе, яко изменнику и ругателю отцову, учинить, в чем Бог мне пожжет в моей истине. К тому помяни, что я не насильством тебе делал, а когда б захотел, то почто на твою волю полагаться? Чтоб хотел то б сделал»⁶⁰.

Судя по тексту, царь полагал, что читателем этого послания будет не только Алексей, но имперское правительство, а потому постарался несколькими штрихами набросать свою версию

конфликта с сыном. Так, из первых строк письма мы узнаем о некоем неповиновении сына отцу, исправить которое не помогли ни слова, ни наказания (!). Упоминание, что поступок Алексея беспрецедентен не только для члена царской семьи, но и для подданного, опять же рассчитано на незнакомого с российской историей читателя.

Ключевыми словами, обращенными к самому Алексею, является обещание отца, и не просто обещание, а клятва именем Божиим освободить сына от наказания и явить ему лучшую любовь. Царское слово в России было равно закону, и, таким образом, царевич получал гарантию неприкосновенности от отца.

К этому времени царевич уже понял истинные намерения имперских властей и не испытывал в их отношении иллюзий — отсидеться в безопасности до смерти Петра ему не удастся. Раз так, надо было довольствоваться достигнутым и, полагаясь на обещание отца, возвращаться в Россию.

4 октября 1717 года Алексей пишет отцу:

«Всемиловитейший государь-батюшка!

Письмо твое, государь, милостивейшее чрез господ Толстого и Румянцева получил, из которого также изустного мне от них милостивое от тебя, государя, мне, всякие милости недостойному, в сем моем своевольном отъезде, будет я возвращуся, прощение; о чем со слезами благодаря и припадая к ногам милосердия вашего, слезно прошу о оставлении мне преступлений моих, мне, всяким казням достойному. И надеясь на милостивое обещание ваше, полагая себя в волю вашу и с присланными от тебя, государя, поеду из Неаполя на сих днях к тебе, государю, в Санктпитебурх.

Всенижайший и непотребный раб и недостойный называться сыном Алексей»⁶¹.

Примечательно, что ни отец, ни сын в этих посланиях не затрагивали вопроса о престолонаследии, полагая, что его необходимо решать без иноземного посредничества.

В ноябре 1717 года Алексей, посетив мощи святителя Николы в Бари, в сопровождении все тех же Толстого и Румянцева двинулся в обратный путь. Драма царя и наследника подходила к своему финалу.

Среди сторонников царевича в России известие о его возвращении вызвало недовольство и разочарование. В отличие от самого Алексея, они не верили в царские обещания и ждали худшего как для наследника, так и для себя. Не столь искушенные в политике представители простого народа и низового дворянства радовались возвращению царевича и приветствовали во время проезда по России. Один из иностранных дипломатов доносил своему правительству: «Во время проезда царевича народ кланялся ему и говорил: благослови, Господи, будущего государя нашего! Помещики, духовные, простой народ — все отзывались в то время с любовью о царевиче Алексее»⁶².

3 февраля 1718 года в Московском Кремле, оцепленном для надежности верными царю войсками, имевшими при себе боевые патроны, в присутствии многочисленной знати и иностранных дипломатов царевич получил из рук царя полное прощение, но тут же подписал торжественный акт, в котором отрекался от престола, так как чувствовал себя неспособным царствовать.

В ходе этой же церемонии Алексей назвал царю имена некоторых своих сторонников, которые будто бы вынудили его пойти против отцовской воли. В ближайшее время он дал обширные письменные показания. Это не вполне соответствовало букве полученного им в Империи обещания полного прощения без всяких условий, но должно было помочь царю сохранить лицо — поступок наследника объяснялся заговором неких злодеев.

Расправе в первую очередь подверглись ближайшие слуги царевича. Им ставили в вину то, что они, зная о его готовящемся побеге, не сообщили о нем «куда следует». Ближайших советников царевича — князя Долгорукова и Кикина — также взяли под стражу, но их судьба оказалась различной. Кикин

был подвергнут мучительной и жестокой смертной казни — четвертованию, Василий Долгоруков отделался лишением всех чинов и ссылкой — аристократия оказала на царя давление и не позволила ему казнить представителя знатного рода. Точно так же не удалось привлечь к делу и других представителей служилой знати. Слишком уж широк был круг сочувствующих «делу царевича».

В поле зрения Тайной канцелярии Петра Толстого, проводившего это следствие, попала и первая супруга царя — Евдокия Лопухина, по-прежнему жившая в суздальском монастыре. Следствие не выявило ее причастности к побегу царевича, но открыло некоторые подробности жизни бывшей царицы, в частности ее любовную связь с капитаном Глебовым. Несмотря на то что Петр расстался с Евдокией по собственному желанию более двадцати лет назад, его мужское самолюбие было глубоко уязвлено открывшимися фактами. Он предельно жестоко расправился и с самим Глебовым, и суздальским епископом Досифеем, постриженная государыня была переведена в куда более жесткие и суровые условия — из простой монахини она стала фактически узницей.

Казалось, дело сделано. Царевич публично отрекся от престола, его ближайшие сотрудники казнены, и никаких препятствий к наследованию трона детьми Петра от второго брака не осталось. Так полагали и иностранные дипломаты, сообщавшие в своих донесениях об окончании кризиса.

Но подлинные инициаторы «дела царевича» — Меншиков, Екатерина и узкий круг их клеветников — хорошо понимали, что на самом деле ничего не изменилось. Из числа многочисленных сторонников царевича среди аристократии к ответственности был привлечен лишь князь Василий Долгоруков, но и он подвергся весьма мягкому наказанию. По ряду внутри- и внешнеполитических соображений царь не рискнул привлечь к следствию представителей правящей элиты.

Тревожные сигналы поступали и снизу. Как мы помним, царевич пользовался популярностью среди простонародья и низового дворянства. И это расположение общества было не поверхностным. 2 марта 1718 года некий человек простого звания подал царю бумагу. Эта бумага оказалась присяжным листом на верность царевичу Петру Петровичу, объявленному наследником престола, на которой стояла следующая надпись:

«За неповинное отлучение и изгнание от всероссийского престола царского Богом хранимого государя наследника Алексея Петровича христианскою совестью и судом Божиим и пресвятым Евангелием не клянусь и на том животворящего креста Христова не целую и собственною своею рукою не подписуюсь; еще к тому и прилагаю малоизбранное от богословской книги Назианзина могущим вняти в свидетельство изрядное, хотя за то и царский гнев на мя произлиется, буди в том воля Господа Бога моего Иисуса Христа, по воле Его святой за истину аз раб Христов Иларион Докукин страдати готов. Аминь, аминь, аминь»⁶³.

Илариона Докукина пытали и казнили, его желание «пострадать за имя Христово» исполнилось. Но его пример показал Петру и его окружению, что среди сторонников царевича есть люди отчаянные, готовые на смерть ради своего законного государя.

Несмотря на отречение Алексея, династические позиции царевича Петра Петровича были весьма непрочными. Даже после отстранения сводного брата от престола он не являлся единственным человеком, имеющим на него права. Партия сторонников Алексея могла сплотиться вокруг нового претендента, которым являлся его сын — царевич Петр Алексеевич. Будучи рожденным до отречения отца от престола и в силу своего малого возраста защищенный от каких-либо обвинений в свой адрес, он куда более импонировал и аристократии, и русскому обществу в целом в качестве законного наследника престола. По смерти отца Алексей мог формально сдержать свою клятву, но стать регентом при своем сыне.

Для Меншикова и Екатерины это означало одно — поражение в политической борьбе и справедливое возмездие. Поэтому для них пусть и отрекшийся, но живой и здравствующий Алексей по-прежнему был опасен и потому должен был быть уничтожен.

Ведущую роль в расправе над царевичем сыграл глава Тайной канцелярии Петр Андреевич Толстой — один из самых авантюрных, циничных и жестоких деятелей эпохи Петра Великого. Спустя два века его прямой потомок, граф Лев Николаевич Толстой, задумает написать роман о своем предке и начнет собирать исторические материалы. И такое в этих материалах отыщет, что откажется от первоначального замысла — больно непривлекательный образ получался.

Проблема противников Алексея заключалась в наличии царского прощения за все его вины. После возвращения в Россию царевич находился под строгим контролем и никакого повода для нового преследования дать не мог. Но Толстой быстро нашел возможность обойти это препятствие. Как уже упоминалось выше, после своего торжественного отречения в Кремле царевич дал отцу письменные показания, назвав тех, кто «побудил его к побегу». Показания были даны в виде ответов на вопросы, составленные царем, которые предвзяли следующие условия:

«Понеже вчерашь прощение получил на том, дабы все обстоятельства донести своего побегу и прочаго тому подобного, а ежели что утаено будет, то лишен будешь живота».

«А если что укроешь, а потом явно будет, на меня не пеняй: понеже вчерашь пред всем народом объявлено, что сие пардон не в пардон»⁶⁴.

Этим условием царь несколько отступал от своего обещания о полном прощении без всяких условий. Но тогда, в Москве, это отступление не грозило непосредственно царевичу, а сейчас начальник Тайной канцелярии увидел в нем возможность для расправы над Алексеем.

Закрытое было, дело началось снова и вошло в историю под названием «Петербургского розыска». Если прежде в Москве и Суздале царские следователи искали сторонников царевича, их связи, покровителей и т.д., то теперь розыск сосредоточился непосредственно на фигуре бывшего наследника. По своему характеру следственное дело царевича Алексея сильно напоминает политические процессы в СССР в 30-е годы — в распоряжении следователей Петра Андреевича Толстого практически не попали изобличающие царевича и его сторонников письменные документы или другие материальные улики. Только признания, выбитые часто под пытками. Хотя в XVIII веке пытка считалась легальным и допустимым инструментом следствия, но ее применение было, как правило, довольно ограниченным — следствие уже тогда предпочитало опираться на материальные улики.

Так, например, в ходе расследования гибели царевича Дмитрия в далеком 1591 году боярин Василий Шуйский и его коллеги обошлись практически без пыток, но достаточно быстро и подробно восстановили картину событий. Следователи даже умудрились провести аналоги современных судебно-медицинской и материаловедческой экспертиз. По мнению специалистов, итоговый документ их работы во многом удовлетворяет даже современным нормам процессуального права.

Главной фигурой в следствии по делу Алексея стала его любовница крестьянка Ефросинья. Она вернулась в Россию значительно позже царевича (задержка была вызвана беременностью и родами) и сразу же была взята в оборот Тайной канцелярией. Современные исследователи полагают, что так называемые «показания Ефросиньи» были в действительности составлены Петром Толстым. Опытный интриган, он хорошо знал, что должен прочесть царь, чтобы позабыть о своем обещании сыну. Ефросинья очень мало говорит о конкретных фактах — «писал царевич письма и сенаторам, но каким не знает», но очень много — о высказываниях и

настроениях Алексея. То есть о том, что практически невозможно проверить. Она сообщала, что царевич желал и ждал смерти отца, говорил о своих многочисленных сторонниках в России (но никого конкретно не называл), верил слухам о мятеже русских войск в свою пользу, писал с неясными целями австрийскому императору и даже шведскому королю, ругал отцовские преобразования и мечтал об отмене многих из них, не забывая упомянуть и о судьбе любимого детища Петра — Санкт-Петербурга.

Ловушка сработала. Алексей, отвечая на опросные пункты отца, назвал конкретные имена и события, но естественным образом умолчал о своих мыслях и чаяниях. Толстой и внушаемый им Петр оценили это умолчание как утаивание и нераскаianie. Как пишет современный историк, ознакомившись с показаниями Ефросиньи, Петр увидел царевича «не в образе любящего сына, а в образе человека, воспринимающего отца как личного врага, а его деятельность, то есть преобразовательные начинания, — как никому не нужную затею, с которой он тут же расстанется, как только займет трон»⁶⁵.

Алексей был подвергнут домашнему аресту, а потом заключен в крепость и был вынужден отвечать на вопросы палачей под пытками. Следствие уцепилось за фразу из показаний Ефросиньи «отцу своему смерти желал» и стремилось выудить у царевича признание в этом желании. Дело в том, что, согласно действовавшему тогда законодательству злоумышление на жизнь государя являлось одним из тягчайших преступлений, за которое полагалась только смертная казнь*. Обвинение царевича в том, что он утаил от отца «злоумышление» на его жизнь позволяло привлечь его к суду, игнорируя царское прощение.

* Соборное уложение 1649 года в главе II «О государевой чести, и как его государское здоровье оберегати» в первой же статье определяло смертную казнь за один только умысел против жизни и здоровья царя: «на царское величество злое дело мыслил и делать хотел — да повинен смерти будет» (см.: Маньков А.Г. Уложение 1649 года — кодекс феодального права России. М.: ГПИБ, 2003. С. 207).

Насколько это обвинение было справедливым? Этот вопрос является важным, так как многие историки и публицисты трактуют сыноубийство Петра как вынужденное: дескать, Алексей и его сторонники составили заговор против государя, и как после этого его миловать?

Отметим, что ни показания самого Алексея, ни даже «изобличающие» его показания Ефросиньи не содержат упоминаний о какой-либо активности царевича с целью ускорить кончину отца. Наследник лишь мечтал об этой смерти как об избавлении от источника неприятностей в настоящем и как о возможности для вступления на престол.

В показаниях духовника царевича отца Якова Игнатьева говорится о том, что Алексей говорил о своем желании отцовской смерти во время исповеди. Для следователей Тайной канцелярии этого было достаточно для подтверждения намерения царевича избавиться от отца. Но если посмотреть на ситуацию непредвзято, то становится очевидно, что показания духовника фактически оправдывают Алексея. Любой православный знает, что во время таинства исповеди человек говорит о своих грешных помыслах, в которых раскаивается и которые намерен отринуть от себя. То есть царевич не просто говорил своему отцу духовному о желании смерти отца (отметим, о желании смерти, но не о намерении совершить отцеубийство), а раскаивался в этом желании, поскольку оно несовместимо с выполнением заповеди «Почитай отца своего».

Таким образом, пресловутое желание смерти отцу было не злоумышлением на особу царствующего монарха, а лишь греховным помыслом настрадавшейся от отцовской черствости души наследника.

Впрочем, Толстой и его люди на этом не остановились. Они обвинили царевича в намерении добиваться трона, опираясь на иноземные штыки, то есть в государственной измене. Это обвинение должно было лишить Алексея последних шансов на помило-

вание. Петр прощал его как отец сына, а в этом случае могло быть прощено и злоумышление на жизнь отца, но, как государь, он не мог простить изменника. Обвинение в государственной измене, которая по Уложению 1649 года также каралась только смертью*, окончательно превращало конфликт государя и наследника из семейного дела в политическое.

Разумеется, никаких доказательств измены в распоряжении Петра Толстого и его следователей не было и быть не могло — имперские архивы для них были недоступны, а царевич, по свидетельству Ефросиньи, «подрал и сжег» все компрометирующие его бумаги. Однако в распоряжении Тайной канцелярии были опытные палачи — заплочных дел мастера — и разрешение царя пытаться обвиняемого. Не выдержав пытки, Алексей сделал следующее признание:

«Ежели б до того дошло и цесарь бы начал то проводить в дело, как мне обещал, и вооруженной рукою доставить меня короны Российской, то б я тогда, не жалея ничего, доступал наследства, а именно, ежели бы цесарь за то пожелал бы войск Российских в помочь себе против какого-нибудь своего неприятеля, или бы пожелал великой суммы денег, то б я все по его воле учинил, также министрам его и генералам дал бы великие подарки. А войска его, которые бы мне он дал в помощь, чем бы доступать короны Российской, взял бы я на свое иждивение, и одним словом сказать, ничего бы не жалел, только чтобы в том свою волю»⁶⁶.

В этих признаниях наследника ложно все от первого до последнего слова. Доступные историкам австрийские архивы раскрывают до мельчайших подробностей истинное содержание переговоров царевича с имперским правительством. Никогда император не обе-

* Следователи стремились подвести реальные и мнимые действия царевича под статью 2 II главы Уложения, которая предусматривала наказание смертью и лишением чести и имущества за «сбор рати, переписку или иные формы контактов с зарубежными правителями, оказание им иной помощи» с целью самому «государем быть» или передать русский престол иноземцу. (см.: Маньков А.Г. Уложение 1649 года – кодекс феодального права России. М.: ГПИБ, 2003. С. 208–209).

щал вооруженной силой посадить его на трон в России, и никогда Алексей не просил об этом.

Не мог царевич встречаться в Империи и с неким французским офицером, который будто бы обещал ему помощь шведских войск в борьбе за корону, а такое тоже пришло в голову следователям. Не мог хотя бы потому, что вероятность встретить в Империи французского офицера была столь же велика, как встретить немецкого офицера на улицах Москвы или Лондона в 1946 году.

Абсурдность этих обвинений не могли не понимать ни опытный дипломат Толстой, ни сам царь, прекрасно разбиравшийся в хитросплетениях европейской политики. И тем не менее, на основании этого оговора был составлен обвинительный акт для будущего суда.

Как государь и как отец, Петр имел все права и был обязан лично рассмотреть дело бывшего наследника и вынести ему приговор. Но царь в очередной раз уклонился от персональной ответственности и возложил ее на чужие плечи. По его замыслу судить царевича должны были сенаторы вместе с высшими чиновниками страны — тем самым царь думал связать их круговой порукой и вынудить поддерживать своего наследника от второго брака. Петр не в первый раз прибегал к этому приему. В 1698 году царь заставил членов Боярской думы лично принять участие в казнях мятежных стрельцов.

Желая снять с себя ответственность за нарушение обещания простить сына, царь обратился к высшим церковным иерархам с просьбой о совете, как поступить в такой ситуации. Впрочем, ответ святителей вряд ли порадовал Петра. По словам Н.И. Костомарова, духовенство отвечало хотя уклончиво, но замечательно мудро. Выписав разные места из Священного Писания, свидетельствующие об обязанности детей повиноваться родителям, оно представляло на волю государя действовать по Ветхому или по Новому Завету; хочет руководствоваться Ветхим Заветом — может наказать сына, хочет предпочесть учение Нового Завета — может пощадить и

простить его по образцу, указанному в притче о блудном сыне и в поступке Спасителя с женою-прелюбодейницею: «Сердце царю в руке Божией есть; да избрет тую часть, аможе рука Божия преконяет!»⁶⁷

24 июня 1718 года светский суд, состоящий из министров, сенаторов, высших военных и гражданских чинов в количестве 127 человек, вынес решение:

«Единогласно и без всякого прекословия суд приговорил, что он, царевич Алексей, за вышеобъявленные все вины свои и преступления главные против государя и отца своего, яко сын и подданный его величества, достоин смерти»⁶⁸.

В примечании суд оговорил, что царское прощение, данное сыну, недействительно, поскольку тот утаил от отца свой главный умысел — добиться трона любой ценой.

Впрочем, суд не взял на себя ответственность за жизнь члена царской семьи, а представил свой приговор на «милосердное рассмотрение самодержавного монарха». Как ни пытался Петр уйти от личной ответственности в деле царевича, это ему не удалось.

У читателя не должно возникнуть иллюзии относительно того, что светский суд объективно и непредвзято рассмотрел дело царевича. Члены суда прекрасно знали, чего на самом деле хочет царь, и послушно выполнили его волю.

Существует легенда, что среди высших государственных чинов России нашелся человек, для которого честь была дороже повиновения. Фельдмаршал граф Борис Петрович Шереметев отказался участвовать в судилище. Старый полководец, которому Петр был обязан большинством своих побед на полях сражений Северной войны, истинный создатель новой русской армии отказался прибыть в столицу для вынесения приговора невиновному. В ответе на приказ царя были прописаны полные достоинства слова: «Я рожден служить своему государю, а не судить его кровь».

По мнению историков, эти красивые и эффектные слова никогда не звучали в реальности. Прославленный фельдмаршал

действительно отсутствовал в Петербурге в момент суда и действительно не подписывал смертного приговора Алексею. Но причиной этого была болезнь, не позволившая полководцу покинуть Москву. Именно о болезни писал Шереметев Петру и Меншикову, прося в этих письмах не искать других причин своего отсутствия.

Но так ли уж оторвана от реальности легенда? Биограф фельдмаршала А.И. Заозерский, автор единственной научной биографии полководца, отмечает, что Шереметев искренне сочувствовал царевичу и не раз выражал ему свои симпатии⁶⁹. И болезнь не помешала Борису Петровичу встретиться со своим старым знакомым по Киеву — митрополитом Киевским Иосафом Кроковским, которого под конвоем везли в Петербург по делу царевича. Святитель даже стал одним из свидетелей при подписании духовной фельдмаршала. Ясно одно: на суд Борис Петрович Шереметев не поехал, а приказать доставить его силой царь не рискнул — слишком уж громким и неудобным получился бы скандал.

Петр так и не утвердил вынесенный судом приговор. Кстати, его вынесение не прекратило страданий несчастного узника — и 25 и 26 июня он снова был подвергнут пыткам. Каких еще показаний добивались от приговоренного к смерти палачи Тайной канцелярии, сказать сложно.

По официальной версии, пытки 26 июня царевич не пережил и умер после ее окончания. Есть и другие версии смерти Алексея. Согласно одной из них, узник был тайно убит по приказу отца, который не хотел публично проливать царскую кровь*. Согласно

* Наиболее известной версией убийства царевича по приказу отца является так называемое «письмо Румянцева». Авторство этого документа приписывают капитану лейб-гвардии Преображенского полка Александру Румянцеву, который принимал деятельное участие в возвращении царевича на родину. Согласно этому письму, после получения им приговора светского суда Петр вызвал к себе группу особо доверенных лиц, в том числе и Румянцева, и приказал им той же ночью тайно убить Алексея, что и было ими исполнено. Впервые этот документ был опубликован в 1858 – 1859 годах и сразу же вызвал серьезные сомнения в своей подлинности. Исследователям трудно было поверить, что столь осторожный человек, как Румянцева (кстати, единственный из всех участников операции по выманиванию

другой, опасаясь того, что царь может помиловать сына, Толстой и Меншиков применили куда более жестокие истязания по сравнению с обычно практиковавшимися в Тайной канцелярии и тем самым убили не отличавшегося крепким здоровьем царевича.

На следующий день после смерти царевича, 27 июня, в Петербурге прошли пышные празднества, посвященные очередной годовщине Полтавской виктории, а через два дня, 29-го, пышно праздновались царские именины, отмеченные одним из развлечений Петра — спуском на воду военного корабля. «Все весело пили и пировали, — сообщал в своем донесении в Вену австрийский резидент при русском дворе, — ночью был сожжен на берегу фейерверк, и общее веселие продолжалось до двух часов полночь»⁷⁰.

Это кровавый тиран Иван Грозный плакал над трупом нечаянно убитого им сына, каялся в своих грехах и отправился по монастырям замаливать их. Царь-преобразователь был чужд подобных мыслей. Он официально простился с сыном в день его похорон 30 июня. Вместе с государем в церемонии погребения участвовали высшие военные и придворные чины, дипломаты и множество народа, что уже два дня шли через Троицкую церковь, чтобы проститься со своим несостоявшимся повелителем.

Казалось, царь и его приближенные добились, чего хотели. Но уже через год скончался царевич Петр Петрович — единственный сын Петра от Екатерины, и перед Российским государством высветились контуры приближающегося династического кризиса. Вот тут-то царю пришлось уже всерьез обратиться к делам наследства. И здесь Петр совершил одну из самых больших ошибок своего царствования. Утвержденный им 5 февраля 1722 года «Устав о наследии престола» формализовал наиболее архаичную и нежизнеспособную часть традиционного механизма передачи

царевича в Россию, не пострадавший при будущих царствованиях), всего через месяц после событий доверил бумаге государственную тайну особой важности, то есть фактически подписал себе смертный приговор. Наиболее подробно эта фальшивка разобрана в книге В.П. Козлова «Тайны фальсификации. Анализ подделок исторических источников XVIII—XIX веков». М.: Аспект-пресс. С. 186).

власти в России — личный выбор царствующего монарха. Отныне государь сам мог избирать себе наследника из числа своих родственников, кого сочтет более достойным.

Современный исследователь русского самодержавия А.Н. Боханов так оценил значение этого документа:

«Этот закон иначе как деспотическим назвать невозможно. Акт, вытекающий непосредственно из сложной династической ситуации, когда прямого наследника мужского пола у правителя не было, показал узость мышления первого императора. Стремясь во всех сферах жизни России ввести “регламенты”, Петр в самом главном сегменте державного “устроения” утвердил принцип личной прихоти, или, проще говоря, произвола»⁷¹.

Петровский «тестament» стал бомбой замедленного действия под зданием русской государственности, причем бомбой многоразового использования, неоднократно вызывавшей смуту в XVIII веке. Как мы уже отмечали выше, особенностью монархии как формы правления является предопределенность в вопросе выбора главы государства. Если же выбор царя осуществляется не Божиим соизволением, а человеческой волей (пусть даже волей самого монарха), то легитимность такого государя всегда будет под вопросом. Нет запретительного ответа на вопрос: почему выбрали того, а не этого? Почему он царь, а не вот он? И почему нельзя изменить выбор? Стоит ли удивляться, что ни один из государей, вступивших на трон по петровскому «тестamentу» не сумел удержаться у власти. Все они пали жертвами дворцовых переворотов, прекратить которые смог только император Павел Петрович, да и то ценой своей жизни...

По иронии судьбы сам Петр воспользоваться своим «тестamentом» не успел. После его смерти большая часть государственной и политической элиты России видели на престоле законного наследника — сына царевича Алексея, царевича Петра Алексеевича. Такой поворот не устраивал убийц Алексея — Меншикова и Толстого, поэтому они, опираясь на гвардию, произвели двор-

цовый переворот и в нарушение каких-либо законных оснований провозгласили государыней супругу царя Екатерину I. Высоко же поднялась бывшая прачка!

Заговор удался во многом потому, что сторонники Петра Алексеевича были слишком уверены в правоте своего дела и упустили ситуацию в столице из-под контроля. Однако, внешне признав произошедший переворот, они отнюдь не сложили оружия. Добившиеся успеха приближенные первого императора быстро перессорились между собой. Ловко играя на амбициях и непомерном честолюбии Меншикова, вожди аристократической партии использовали светлейшего как орудие против его же союзников. В результате к моменту смерти Екатерины князь оказался, говоря современным языком, в политической изоляции и был вынужден пойти на союз с аристократической верхушкой Сената и признать сына убитого им царевича своим государем. Дальнейшее было, что называется, делом техники, и уже через два года бывший светлейший князь своими руками строил себе избу в далеком Березове⁷².

Справедливость восторжествовала? Слишком рано вззошел на престол юный Петр II, а на личность его наложило свой отпечаток вынужденное сиротство, и не просто сиротство — одиночество. Волею судьбы у него почти не было родных: родственники матери были далеко за границей, родственников по отцовской линии — Лопухиных — репрессировал коронованный дед. Царская семья смотрела на мальчика как на досадную помеху, напоминание о его отце, а значит, и тут он не встречал родственного тепла. Он мог бы озлобиться, как юный Иван Грозный, и не озлобился. Что удержало? Искренняя забота и любовь со стороны старшей сестры? Умное воспитание Остермана? Унаследованная от отца кротость? Но злым и жестоким юный Петр не стал. Страсть к развлечениям, прежде всего к охоте, — это то, чем он заполнял пустоту вокруг себя, адреналин — чем не наркотик забвения? Увы, ослабленный таким образом жизни юный организм не выдержал

противоборства с болезнью, и того, кто должен был стать русским государем, не стало. С ним прервалась мужская линия потомков Михаила Романова на русском престоле...

Историки часто оправдывают жестокость Петра по отношению к сыну личными качествами наследника. Действительно, в портрете Алексея Петровича много довольно непривлекательных черт (во многом обусловленных обстоятельствами его воспитания). Царевич был трусоват, не имел систематического образования, ленился, подобно отцу, любил выпивку и т. д. Но, при всем при этом, Алексей не был злым и жестоким человеком. Он был подвержен чужим влияниям, но и его отец временами превращался в марионетку в руках собственного окружения. Мировая история знает немало примеров разительной перемены характера монарха после прихода к власти. Кто мог распознать в хулигане и охотнике Карле XII будущего гениального полководца, «северную комету» Европы? Кто мог угадать в слабом, изнеженном принце, бежавшем от деспотичного и сурового отца за границу (!), будущего Фридриха Великого?

Впрочем, примеры благополучного разрешения конфликта отца и сына есть и в нашей, русской, истории. Создатель единого русского государства великий князь Московский и всея Руси Иван III (тоже прозванный потомками Великим), как и Петр, был женат дважды. И первый брак его, молодого двенадцатилетнего княжича, тоже был браком политическим — так его отец, великий князь Василий II Темный, скрепил свой союз с Тверским княжеством⁷³. Молодая княгиня умерла в 1467 году, оставив князю сына и наследника, княжича Ивана, прозванного Молодым. Он был верным и надежным помощником отца во всех его начинаниях. Не раз по воле державного родителя водил полки и правил присоединенными к Москве землями. Порой и спорил с отцом, отстаивая свою точку зрения. В 1490 году он умер, оставив на волю отца сына Дмитрия.

Сам же Иван III в 1472 году женился вторично на племяннице последнего базилевса Византии Софье Палеолог. От этого брака

рождались сыновья, и первым из них был названный по деду Василий. Иван III должен был решить сложный династический вопрос: кто имеет больше прав на престол — старший внук или второй сын? Ситуация осложнялась тем, что Иван Молодой был в свое время очень популярен в русском обществе, а вот Софью Палеолог в России не любили. Пока государь ломал голову над этой проблемой, в окружении княжича Василия созрел заговор с целью возведения его на престол. В 1497 году заговор был раскрыт, заговорщики казнены, а Василий посажен на собственном дворе «за приставы». В 1498 году внук великого князя Дмитрий Иванович был торжественно объявлен наследником⁷⁴.

Но Иван III проявил подлинную мудрость и стал сразу решать судьбу сына-заговорщика, хотя имел все основания для расправы над ним. Вместо этого он стал постепенно и под чутким контролем привлекать Василия к государственной деятельности. А в 1502 году перерешил вопрос о наследстве — Дмитрий был посажен в темницу, а Василий — объявлен наследником и соправителем отца.

В 1505 году Василий вззошел на московский престол и вошел в историю под именем великого князя Василия III. Он стал достойным продолжателем дела отца, строил города и водил полки, укрепил власть государей московских на Руси и расширил пределы отечества. И все это стало возможным благодаря подлинной государственной мудрости его отца, не спешившего разбрасываться таким «ресурсом», как сыновья.

История не дала Алексею Петровичу занять трон, принадлежавший ему по праву, и мы так и не узнаем, каким монархом он мог бы стать. Можно лишь развеять одно заблуждение, прочно укоренившееся в популярной и даже научной литературе — что при Алексее все начинания его отца пошли бы прахом. Об этом пишет даже такой расположенный к царевичу историк как Николай Костомаров, который полагает, что оставив в живых сына, Петр должен был бы « всю жизнь подвергаться опасности заговоров и восстаний и быть всегда уверенным, что после его смерти наступят

смуты и потрясения, которые могут окончиться истреблением его детей, его сотрудников, разрушением того государственного здания, над созданием которого он трудился всю жизнь»⁷⁵. Но так ли это? Выше мы уже показали, что окружение царевича составляли отнюдь не только пресловутые «чернецы да попы» или «никчемные люди». Среди его ближайших сотрудников и сторонников мы видим весь цвет России начала XVIII века. Тех людей, которым, собственно, и его отец был обязан своими победами. Да, со слов Евфросиньи мы знаем, что царевич хотел «жить зиму в Москве, а лето в Ярославле. Петербург будет простым городом; кораблей держать не стану, войны ни с кем иметь не хочу»⁷⁶. Отметим, даже в этом навете речь не идет об отказе от выхода к морям или от Петербурга. Да, царевич не сделал бы град святого Петра своей столицей, но и уничтожать город он не собирался. Корабли? Можно ли поверить в намерение царевича отказаться от кораблестроения, когда мы знаем, что его ближайшим соратником был Александр Кикин. Человек, который и был подлинным создателем Петербургского адмиралтейства и русского Балтийского флота? Что до войн, то слова Алексея выражали волю его народа, который устал от бесконечно затянувшейся Северной войны (становившейся все более похожей на печально известную Ливонскую войну Ивана Грозного), и от агрессивной политики Петра, любившего затевать авантюры вроде печально окончившегося Прутского похода. Страна ждала мира, и наследник понимал это.

Безусловно, Алексей отказался бы от наиболее радикальных реформ Петра вроде учреждения Синода и, скорее всего, восстановил бы патриаршество в Русской Церкви. Возможны и несколько другие такого рода уступки. Но изменить направление развития страны на модернизацию, направление, которое обозначилось еще в правление Алексея Михайловича, которое последовательно реализовывали его дети, начиная от Федора и заканчивая Петром, Алексей бы попросту не смог.

Но он смог бы залечить те раны, которые умышленно или случайно оставил в душе русской державы его отец. Именно Алексей с его развитым религиозным чувством, с его чувством национального мог бы примирить традиционное развитие русского общества с модернизацией его отца. И может быть, тогда не пришлось бы «отцу русской истории» Н.М. Карамзину писать в начале XIX века следующие горькие слова:

«Теперь же, более ста лет находясь в школе иноземцев, без дерзости можем ли похвалиться своим гражданским достоинством? Некогда называли мы всех иных европейцев неверными, теперь называем братьями; спрашиваю: кому бы легче было покорить Россию — неверным или братьям? То есть кому бы она, по вероятности, должна была более противиться? При царе Михаиле или Феодоре вельможа российский, обязанный всем Отечеству, мог ли бы с веселым сердцем навеки оставить его, чтобы в Париже, в Лондоне, Вене спокойно читать в газетах о наших государственных опасностях? Мы стали гражданами мира, но перестали быть, в некоторых случаях, гражданами России. Виною Петр»⁷⁷.

Впрочем, история не знает сослагательного наклония. Повторим еще раз — мы не знаем, каким монархом мог стать Алексей Петрович и как бы изменилась история нашей страны, взойди он на престол. Мы можем лишь отметить развилку, когда семейная драма увела страну с одной дороги на другую.

И что же, спросит читатель, автор хочет навеки заклеить первого императора России как злодея-сыноубийцу, лишить его титула «Великий» и замазать страницы, повествующие о его правлении, в истории черной краской?

Конечно, нет. Царь Петр Алексеевич сделал для России столь много, что прозвище «Великий», полученное им от современников, осталось за ним в истории по праву. Память о Полтавской виктории и строительстве флота, о завершении сложного и долгого процесса создания армии нового типа, который предшественники Петра на троне вели, да так и не довели до конца, о государе, ко-

торый «сам ружьем солдатским правил, сам и пушки заряжал», а когда надо было, не гнушался и самой простой работой ради Отечества, о строителе города, которому суждено было на два столетия стать столицей державы, из нашей истории никуда не денется.

Но, помня о величии дел Петра и масштабе его личности, не надо забывать и о его ошибках, которые порой были не менее велики, чем достижения. И история царевича Алексея наглядное тому подтверждение. В ней проявились и основные пороки личности царя-преобразователя: стремление уйти от личной ответственности за решение «неудобных вопросов», податливость чужому влиянию и способность ради личного пожертвовать интересами государственными (для монархии династические интересы являются государственными). И главное, Петр на добрых сто лет разрушил идеал царской семьи, его вольная в этом отношении жизнь стала образцом для всех монархов XVIII века. Лишь правнук Павел Петрович попытается это исправить.

И тут надо вспомнить евангельское: «Кто из нас без греха?...» Петр Алексеевич стал Великим не потому, что был «идеальным государем», а потому, что, будучи человеком слабым, сумел заставить себя быть сильным, будучи от природы трусоватым, умел преодолевать свой страх и показывать в критические моменты примеры мужества; будучи необразованным, умел учиться всю жизнь при каждом удобном случае; будучи человеком, подверженным чуждым влияниям, умел это влияние преодолевать и объединять вокруг себя людей. История личности Петра — это история борьбы человека со своими слабостями и пороками, в которой были и победы, и поражения. Победам обязан он своему и своей державы величию, поражения еще долго сказывались в нашей истории. Истинный Петр куда интереснее Петра мифического, а его история куда поучительнее, чем красивый миф. И семейная драма первого императора — это действительно драма, а не представление по античным мотивам.

ОКЛЕВЕТАННЫЙ ИМПЕРАТОР И «РЕВОЛЮЦИОНЕРКА» НА ТРОНЕ

Нет в истории императорской России фигуры столь незаслуженно оклеветанной в глазах современников и потомков, как император Петр Федорович, более известный нам как Петр III. Клеветать на государя начали еще при его жизни — очень уж многим не понравилось вступление на престол законного монарха после тридцатилетнего «царства женщин», и не просто женщин, а правительниц, вознесенных на престол удалыми гвардейцами. Новый государь получил власть и по праву рождения, и по действовавшему тогда закону о престолонаследии и повел себя совсем по-другому. Непривычно для многих. Разучились верхи русского общества выполнять долг верноподданных, считаться с монаршей волей.

После переворота, или, как его тогда называли, «революции», 1762 года, когда у власти оказалась и вовсе никаких прав на престол не имевшая неверная супруга государя, клевета и вовсе потекла широким потоком. Только ею и могли оправдаться те, кто лишил законного императора престола, а потом и жизни. Только создав образ человека не просто не пригодного для трона, но и опасного для страны в случае его пребывания у власти, можно было убедить всех и вся в необходимости злодеяния. И тут все средства были хороши. И главное, были предприняты шаги, чтобы скрыть правдивую информацию.

Одним из немногих, кто встретил этот вал клеветы со скепсисом и недоверием и попытался найти хоть крупинку правды, был

сын убитого, цесаревич Павел Петрович. Хотя к моменту переворота ему было уже шесть лет, мальчик мало видел отца. Сначала названная бабушка — императрица Елизавета — забрала его от родителей, потом вступивший на престол отец был слишком занят государственными делами, да и мать стремилась отвратить его от отца...

И все же мальчик, а потом и юноша, Павел питал стойкий интерес и уважение к отцу. Что стояло за этим — детские отрывочные воспоминания о мгновениях отцовской ласки или стремление выразить свое негативное отношение к матери, бог весть. Но если бы Павел Петрович процарствовал дольше, то, возможно, в нашей историографии появился бы и другой взгляд на личность и деятельность Петра III, отличный от екатерининского.

Но Павел I сам стал жертвой заговора и последующей клеветы. А его любовь и интерес к отцу стали толковаться как признак его собственной неадекватности.

Для историков XIX века слишком уж высоко стояла на пьедестале «Семирамида Севера», чтобы пересмотреть устоявшуюся уже в сознании просвещенной части общества оценку ее мужа.

Отдельные голоса, впрочем, раздавались и тогда. А.С. Пушкин в уже цитировавшемся на страницах этой книги стихотворении «Моя родословная» пишет о своем деде:

Мой дед, когда мятеж поднялся
Средь петергофского двора,
Как Миних, верен оставался
Паденью третьего Петра.
Попали в честь тогда Орловы.
А дед мой в крепость, в карантин...

Как отмечает биограф поэта, «Пушкин предполагал, что его дед, как истинный представитель старинного дворянства, верного своему сюзерену, поддерживал императора Петра III, законным

образом взошедшего на престол, против козней выскочки, незаконной императрицы Екатерины. Для него было важно подчеркнуть, что в отличие от недавних выскочек, не обремененных дворянской честью, верностью своему слову, родовым традициям, настоящие дворяне, слуги своего государя и Отечества, не изменяют присяге ради сиюминутных выгод»⁷⁸.

Очевидно, что для поэта император Петр III представлялся законным государем, достойным того, чтобы дворяне хранили ему верность. Государь как бы присоединен к продолжателям и хранителям истинных традиций русской чести и порядка, а Екатерина, напротив, представлена как узурпатор, окруженная такими же, как она, выскочками, «в князья прыгнувшими из хохлов»*.

В середине XIX века увидели свет «Записки» Екатерины II, которые определили образ Петра III на десятилетия вперед. Просвещенная императрица прекрасно знала силу письменного слова и долго и тщательно готовила этот документ. Он не был опубликован при ее жизни и не должен был увидеть свет еще долго, он был рассчитан на внимание потомков. И этот расчет оправдался полностью — теперь весь мир видел Петра Федоровича таким, каким угодно было его изобразить супруге.

В советское время тем более не могло быть и речи о пересмотре устоявшегося отношения к фигуре злосчастного внука Петра Великого, более того, авторы многочисленных публицистических и художественных произведений охотно использовали образ Петра III для наглядной демонстрации деградации русской мо-

* Согласно проведенным С.К. Романюком изысканиям, в реальности дед поэта артиллерии майор Лев Александрович Пушкин никакого участия в событиях 1762 года не принимал и аресту за верность государю не подвергался. Более того, с 1760 года он находился в «отпуске по болезни» в Москве, где в 1762 году принял участие в коронации императрицы Екатерины! В следующем, 1763 году майор Пушкин увольняется в отставку и ведет размеренную жизнь столичного обывателя. Таким образом, образ верного присяге офицера, не покинувшего в трудную минуту законного государя, — либо добросовестное заблуждение поэта, либо художественный вымысел, призванный подчеркнуть и отношение автора к перевороту 1762 года, и к поведению дворянского сословия в то время.

нархии. И лишь отдельные историки, занимавшиеся изучением процессов развития страны, обращали внимание на объективные факты внутренней и внешней политики России во время короткого правления Петра Федоровича.

Казалось, клевета будет торжествовать вечно. Император превратился в малозначительный персонаж времен начала правления Екатерины Великой. В биографических работах об этой императрице да еще о ее предшественнице — Елизавете Петровне — только и можно было встретить упоминание о нем.

Но, как известно, нет ничего тайного, что не стало бы явным. И завеса клеветы вокруг Петра III не могла сохраняться вечно. Прорывом стал выход в 2002 году книги доктора исторических наук Александра Сергеевича Мыльников (1929—2003) «Петр III. Повествование в документах и версиях»⁷⁹. Историк подошел к изучению биографии императора с несколько неожиданной стороны. Дело в том, что долгие годы А.С. Мыльников занимался изучением культуры и истории славянских народов, в том числе такого феномена, как самозванство. Исследователь был поражен, когда оценил, насколько широко использовался образ русского императора Петра Федоровича самозванцами в России и других славянских землях. Это вызвало живой интерес к жизни и деятельности самого государя. Возможно, свою роль сыграло также и то, что, специализируясь в другой области, исследователь не проникся господствовавшими в нашей исторической науке стереотипами. Так или иначе, но его книга, ставшая первой научной биографией Петра III, заставила по-иному посмотреть на этого малоизвестного нам государя. Ее автор предложил научному сообществу не только новый взгляд на личность и деятельность царя, но и ввел в научный оборот множество доселе не востребуемых фактов. В частности, он был первым из российских исследователей, изучившим архивы герцогства Шлезвиг-Гольштейн (в Германии), где нашел много документов, связанных как с российско-голландскими отноше-

ниями в первой половине XVIII века, так и непосредственно с жизнью и деятельностью Петра III.

Появление новой трактовки истории этого периода не могло не вызвать ответной реакции со стороны историков, придерживающихся традиционного подхода. Наиболее полным ответом стала книга О.А. Иванова «Екатерина II и Петр III», увидевшая свет в 2007 году⁸⁰. Ее автор считает своим долгом защитить сложившийся в историографии образ Екатерины Великой. «Хорошо, когда делаются попытки отыскать в исторических личностях действительные положительные стороны, по тем или иным обстоятельствам не замеченные современниками и потомками, но плохо, когда пытаются выдумать, примыслить те качества, которых не было. В случае же с Петром III речь идет о более серьезном прегрешении, поднимая его личность на незаслуженную высоту, одновременно пытаются принизить действительные таланты и заслуги Екатерины II»⁸¹.

Не оспаривая приводимых оппонентом новых фактов и источников, О.А. Иванов проводит усиленный анализ введенной ранее в научный оборот информации, прежде всего, «Записок» Екатерины. Именно в этой работе впервые получили освещение некоторые вопросы, связанные с политической борьбой в элите русского общества в 60-е годы XVIII века, и в частности — в 1762 году. Автор стремится снять с Екатерины ответственность и за разрыв отношений с мужем, и за сам переворот, и за убийство свергнутого императора.

Эту линию продолжает в своей книге «Молодая Екатерина» другой современный историк, О.И. Елисеева⁸². Ее произведение, по сути, представляет собой подробный исторический комментарий к «Запискам» Екатерины с непременно благожелательным отношением к их автору.

Не остались в стороне и критики «Семирамиды Севера». В 2008 году увидела свет весьма неоднозначная и неожиданная по своим трактовкам книга К.А. Писаренко «Ошибка императрицы»⁸³, в которой автор на основании большого объема фактического ма-

териала весьма критически оценивает деятельность Екатерины в первое десятилетие после ее прихода к власти.

Не так уж важно, кто из историков прав в этом интересном споре. Важно, что новый виток научной дискуссии, новые факты и новый анализ позволяют нам лучше узнать то далекое время, а научная полемика — один из немногих видов спора, в котором действительно рождается истина*.

В этой главе мы попытаемся, с одной стороны, рассмотреть основные мифы о государе Петре Федоровиче, а также показать, какую роль в его судьбе сыграла семейная драма — отношения с женой. Ведь именно этот фактор оказал решающее влияние на ход событий в роковом для государя и страны 1762 году.

Но начнем издалека. Как вообще рожденный в далекой Германии принц попал в Россию и почему стал наследником российского престола? История эта началась за несколько столетий до рождения нашего героя, из-за спора вокруг южной части Ютландского полуострова, известной как Шлезвиг-Гольштейн. Эти земли были предметом спора между Датским королевством и Священной Римской империей германской нации. В конце

* При условии, конечно, что она ведется добросовестным образом. Поясним этот момент. Обычно считается, что историк должен быть объективным по отношению к изучаемым им личностям и историческим процессам. Однако трудность заключается в том, что историк, сам будучи человеком, изучает жизнь и деяния других людей. А человеческая природа такова, что невозможно оставаться равнодушным к другим людям, не испытывая симпатии или антипатии к ним. Поэтому в расположенности историков к фигуре Петра III или Екатерины II нет ничего удивительного. Критерием же качественной работы является добросовестность исследователя, то есть публикация и анализ фактов, противоречащих его личным симпатиям. На основании фактов, приведенных в добросовестном исследовании, читатель может прийти к выводам, совсем не согласующимся с желаниями автора, а порой и прямо противоположным. Негативное отношение О. Елисеевой к личности Петра III не мешает ей использовать материалы, открытые в германских архивах А.С. Мыльниковым. И напротив, критическое отношение к Екатерине не мешает К.А. Писаренко использовать факты, введенные в научный оборот ее апологетом О.А. Ивановым. Тщательный подбор и анализ исторических фактов — наиболее ценная часть работы добросовестного историка, каких бы позиций ни придерживался он лично.

XVI века датчане фактически захватили Шлезвиг и значительную часть Голштинии. Копенгаген хотел контролировать Ютландию целиком. Но немецкие герцоги, которых после раздела земель стали именовать Гольштейн-Готторпскими (по названию замка Готторп), не смирились с утратой своих земель и по-прежнему заявляли о своих правах на Шлезвиг. В борьбе против Дании им нужны были союзники, и они нашлись на противоположном берегу Балтийского моря, в Швеции. У шведов с датчанами были свои давние счеты. В Стокгольме не забыли о временах, когда вся Швеция принадлежала датской короне, и жаждали реванша. Тем более что в XVII веке усилиями королей Густава II Адольфа и Карла IX Швеция обзавелась первоклассной армией.

Союз Швеции и Голштинии был подкреплён тесными династическими связями между герцогами Гольштейн-Готторпскими и королями династии Ваза. Вот и получилось, что бабушкой нашего будущего императора всероссийского была родная сестра Карла XII принцесса Гедвига-София Шведская, а его дедушка герцог Фридрих IV погиб в битве при Клишове, командуя левым флангом шведской армии против союзных России саксонцев и поляков. Однако Полтавская виктория уничтожила шведскую военную силу и переломила не только ход Северной войны, но и изменила баланс сил в Северо-Восточной Европе. Дания, вспомнившая о своем членстве в северном аккорде, снова заинтересовалась владениями голштинских герцогов, и тем снова пришлось искать сильного союзника.

Этот экскурс в историю Европы весьма важен для нашей темы, потому что Петр III всегда помнил о том, что он не только наследник российского престола (а потом и император всероссийский), но и владетельный герцог Шлезвиг-Гольштейна. Он очень хорошо знал историю своей родины, и без понимания этого невозможно понять и многие его действия.

В 1713 году в Петербурге появился полномочный посланник (министр) Геннинг Фридрих Бассевич, человек весьма ловкий,

осведомленный и умный. Он предложил Петру Великому союзный договор, закреплению которого должен был способствовать брак малолетнего голштинского герцога Карла-Фридриха с одной из дочерей царя от брака с Екатериной. Царь проявил живейший интерес к этому предложению. С одной стороны, его реализация позволяла России закрепиться в Западной Балтике и использовать один из лучших портов Германии — Киль — как военно-морскую базу, что имело особое значение в условиях продолжающейся войны со Швецией. С другой — привлекала возможность выдать замуж дочерей. Как уже упоминалось в предыдущей главе, и в России, и в Европе на свадьбу царя с бывшей прачкой смотрели как на мезальянс, а на потомство от этого брака — как на бастардов. Именно поэтому все попытки русской дипломатии найти венценосных женихов Анне и Елизавете раз за разом проваливались. Поэтому предложение из Голштинии пришлось как нельзя кстати. Знакомство Петра с будущим зятем, сумевшим к тому времени вернуть себе часть наследственных владений, состоялось в 1721 году, а в конце 1724 года был подписан брачный договор молодого герцога и царевны Анны. Согласно этому договору оба супруга отказывались от каких-либо прав и претензий на российский престол и за себя лично, и за будущее потомство. Впрочем, отдельный пункт соглашения предусматривал право русского монарха призвать к наследованию престола одного из рожденных от этого брака детей. Так был заложен первый камень в юридическое обоснование прав будущего Петра Федоровича на российский престол⁸⁴.

Свадьба состоялась уже после смерти царя России 21 мая 1725 года. Молодые супруги отнюдь не стремились покинуть новопостроенную столицу великой империи и возвращаться в Киль. Более того, герцог, пользуясь советами верного Бассевича, стал активно участвовать в политической жизни России и даже вошел в состав Верховного тайного совета. Это вполне устраивало Екатерину I, но вызывало раздражение как у Меншикова, так и у сторонников царевича Петра Алексеевича.

Именно он и должен был получить престол после смерти императрицы. Правда, в ее завещании говорилось о том, что в случае кончины молодого царя до появления у него потомства престол должен перейти к потомку мужского пола от брака Анны Петровны и Карла-Фридриха, но этот пункт, как и завещание в целом, не был воспринят элитой всерьез. Во-первых, потому, что этот пункт не соответствовал петровскому «Уставу о наследии престола», где говорилось о праве монарха выбрать наследника для себя, но никак не на поколение вперед, то есть своим распоряжением Екатерина нарушала властные полномочия Петра II. Во-вторых, на момент составления завещания этот пункт был чисто теоретическим, так как обозначенного в нем «потомка мужского пола» на свете не было. И наконец, в-третьих, потомство Петра Великого от его второго брака не воспринималось русской элитой в качестве законных детей.

Само появление этого пункта в «тестаменте» было расценено как результат интриг голштинской четы. В результате в 1728 году, подчиняясь давлению со стороны русского двора, Карл-Фридрих и его супруга отбыли в Киль, где были торжественно встречены заждавшимися подданными. А через семь месяцев после возвращения из России герцогиня Анна родила здорового и крепкого мальчика, которого называли Карл-Петер. Уже само имя новорожденного говорит о многом. Его называли в честь двух врагов — шведского короля Карла XII и русского императора Петра I — так деды примирились во внуке. Но не только память о великих предках содержалась в этом имени, но и напоминание о правах его носителя на престолы в Петербурге и Стокгольме.

Заболев после родов, умерла мать юного принца — Анна Петровна. Овдовевший герцог учредил в ее честь орден Святой Анны, который при императоре Павле I вошел в число российских орденов, а также очень внимательно относился к воспитанию сына. Конечно, правитель маленького герцогства не обладал ни необходимыми средствами, ни личными педагогическими та-

лантами, но искренняя любовь к сыну и наследнику во многом компенсировали эти недостатки. Пока юный Карл-Петер жил в милом его сердцу Киле и под руководством отца постигал военную науку, его политическое положение неоднократно менялось совершенно помимо его воли, а порой и без его ведома. Рассмотрим, как менялась династическая ситуация в России в 30—40-е годы XVIII столетия.

После смерти в 1730 году юного императора Петра II члены Верховного тайного совета даже не вспомнили о голштинском претенденте. С их точки зрения, законная мужская линия наследников Алексея Михайловича прервалась, и надлежало в соответствии с традициями гражданского родового права обратиться к женской, где первой по старшинству была дочь царя Ивана Алексеевича Анна Иоанновна, герцогиня Курляндская.

Выбирая себе наследника, бездетная императрица стремилась в первую очередь обеспечить наследование российского престола за потомками Ивана Алексеевича. Для этой цели она устроила брак своей племянницы Анны Леопольдовны с принцем Антоном Ульрихом Брауншвейг-Люнебургским, представителем широко известного немецкого княжеского рода Брауншвейгов и родственником императора Священной Римской империи. Ребенок от этого союза и должен был унаследовать российскую корону.

Императрица действовала в строгом соответствии с «Уставом о наследии престола» Петра Великого, но нормы традиционного, родового права оказывались при этом нарушенными. Были проигнорированы права Карла-Петера, который, будучи внуком царствовавшего монарха, имел прав на престол больше, чем правнук, которым явился Иоанн Антонович.

К тому же ни правительство Анны Иоанновны, ни сменившие ее в 1740 году правительства регентства (сперва Бирона, а потом графа Миниха) не смогли решить еще одну важную проблему русского двора — устроить судьбу младшей дочери Петра Великого — царевны Елизаветы Петровны. Выдать ее замуж

пытались и сам Петр, и Екатерина I, и правительство Петра II, но все безуспешно. Сам Петр хотел выдать дочь за малолетнего французского короля Людовика XV или за сына регента Франции герцога Шартрского⁸⁵. Этот брак должен был послужить улучшению российско-французских отношений и уравновесить наметавшийся в российской внешней политике крен в сторону Австрии.

Однако, версальский двор не проявил особой заинтересованности в улучшении отношений с Петербургом. Проект династического брака был отвергнут, причем в максимально оскорбительной для невесты форме — французы намекали на сомнительное происхождение ее матери⁸⁶. Помимо негативных последствий для отношений двух стран, эта история серьезно повредила и репутации самой Елизаветы.

Следующим кандидатом в женихи стал Карл-Август, епископ Любекский, — двоюродный брат голштинского герцога Карла-Фридриха, мужа царевны Анны Петровны. Интересно, что первоначально немецкий князь хотел жениться на дочери царевича Алексея, царевне Наталье Алексеевне, но императрица Екатерина I решила иначе⁸⁷.

Между женихом и невестой установились хорошие отношения, и все шло к свадьбе и счастливому браку, но вмешалась случайность — в мае 1727 года Карл-Август неожиданно заболел оспой и умер.

Современные российские историки Е.А. Анисимов и К.А. Писаренко рассказывают, что был и еще один, на первый взгляд фантастический, брачный проект — женитьба Елизаветы на сыне царевича Алексея, царевиче, а затем и императоре Петре II Алексеевиче. Такой брак мог бы объединить первую и вторую семью Петра Великого и заметно снизить внутреннюю напряженность. Препятствием служило лишь близкое родство возможных супругов, но в Европе существовали прецеденты подобных браков, и это препятствие могло быть устранено. Другое дело, что сторонники потомков несчастного царевича Алексея чувствовали свою силу

и не собирались давать потомству «лифлянской портомой» ни малейшего шанса⁸⁸.

В результате Елизавета оказалось удобной кандидатурой для тех сил изнутри и извне страны, которые хотели бы изменить развитие страны в свою пользу. Амбициозная в силу своего происхождения и выдающихся внешних данных, легкомысленная, а потому постоянно нуждающаяся в деньгах, не связанная семейными заботами и детьми, а потому склонная ко всякого рода авантюрам — лучшей кандидатуры для дворцового переворота было не сыскать.

В отечественной популярной и исторической литературе переворот в пользу Елизаветы традиционно рассматривается как восстание русского дворянства и общества в целом против засилия иностранцев («немцев»). Первой этот тезис выдвинула сама Елизавета в качестве одного из оправданий своему поступку, и заметного количества желающих спорить с блистательной императрицей не нашлось.

Однако в реальности все было не так просто. Во-первых, времена правления Анны Иоанновны отнюдь не были эпохой засилия пресловутых немцев. Более того, число иностранных по происхождению офицеров, чиновников и придворных заметно сократилось. Так, в 1729 году в русской армии служил 71 генерал, из них 41 иностранец (57,7%). К 1738 году из 61 представителя генералитета иноземцами были 31 (50,8%). Еще разительнее были перемены на флоте: если в мае 1725 года из 12 новоназначенных капитанов кораблей только один был русским, то в 1741 году из 14 капитанов Балтийского флота русских было уже семеро⁸⁹.

Это было результатом целенаправленной политики правительства на постепенное вытеснение иностранных кадров с российской Военной и государственной службы. В 1732 году ставший президентом военной коллегии фельдмаршал Миних отменил позорное для русских офицеров преимущество иностранцев в правах и де-

нежном содержании. Отныне все офицеры русской армии служили на одинаковых условиях и за одинаковое жалованье⁹⁰.

Интересно, что тезис о «засилии иноземцев» в России впервые был выдвинут... шведской пропагандой! Поражение скандинавского королевства в ходе Северной войны 1700—1721 годов болезненно воспринималось гордыми потомками викингов. Мечты о реванше у «русских варваров» занимали заметное место в массовом сознании шведского общества весь XVIII век. Русской армии пришлось еще трижды (в 1741—1743, 1788—1790 и 1808—1809 годах) принуждать северного соседа к миру, прежде чем тот окончательно отказался от воинственных планов в отношении России.

В 1740 году Швеция, полагая, что правительство регентства в России не пользуется популярностью и не контролирует ситуацию в стране, решилось начать подготовку к войне, которая была объявлена 28 июля 1741 года. Командующий ударной группировкой шведских войск, наступавших на Петербург, велел отпечатать на русском языке следующий текст:

«Я, Карл Эмилий Левенгаупт, граф, объявляю всем и каждому сословию достохвальной русской нации, что королевская шведская армия вступила в русские пределы не для чего иного, как для получения, при помощи Всевышнего, удовлетворения шведской короны за многочисленные неправды ей причиненные иностранными министрами, которые господствовали над Россиею в прежние годы, также потребную для шведов безопасность на будущее время, а вместе с тем, чтобы освободить русский народ от несносного ига и жестокостей, с которыми означенные министры для собственных своих видов притесняли с давнего времени русских подданных, чрез что многие потеряли собственность или лишились жизни от жестоких уголовных наказаний... Намерение шведского короля состоит в том, чтобы избавить достохвальную русскую нацию для ее же собственной безопасности от тяжкого чужеземного притеснения и бесчеловечной тирании»⁹¹.

Сходство тезисов шведов и Елизаветы о необходимости спасти страну от засилия иноземцев не случайны. Еще осенью 1740 года шведский посланник в Петербурге Эрик Матиас фон Нолькен получил указание от своего руководства попытаться расколоть русскую правящую элиту перед военным столкновением. Посол наладил контакт с Елизаветой Петровной, обещая ей всяческую помощь в организации переворота, в том числе и вооруженную. Предполагалось, что неготовые к войне русские войска будут быстро разбиты шведами, в столице поднимется вызванное этим обстоятельством народное возмущение, на волне которого придет к власти Елизавета. Далее последуют мир и признание со стороны новой государыни всех территориальных претензий победителя, а именно — возвращение всех отторгнутых по Ништадтскому миру земель, а также передача Швеции территории между Ладожским озером и Белым морем.

Встретив заинтересованность со стороны царевны, фон Нолькен не стеснялся в предложениях финансовых и иных услуг, а взамен требовал лишь подписание документа, в котором обозначалось бы согласие Елизаветы на эти условия.

Вот ведь как повернулось дело: царь Петр в свое время убил собственного сына, ложно обвиняя его в контактах со шведами, клеймя словами позорными, которые и нынешние историки и публицисты порой повторять не брезгают, а всего через 25 лет его же Петра родная дочь обсуждает с теми же шведами условия своего восхождения на русский престол! И хотя требуемый документ Елизавета так и не подписала, но деньги у шведов брала. А когда шведский посол с началом войны покинул Петербург, его сменил французский коллега — маркиз де ла Шетарди. Помимо желания оказать помощь союзной для Франции Швеции, французские дипломаты имели и свой интерес в этом вопросе. Укрепление на престоле России Брауншвейгской династии означало и дальнейшее укрепление дружественных отношений между Петербургом и Веней, что совсем не устраивало Париж.

Всего на поддержку заговора французский МИД израсходовал 22 453 ливра⁹².

Надо отдать должное структурам, обеспечивавшим безопасность Российской империи: русские агенты смогли собрать и предоставить властям полную информацию о заговоре и его участниках и предложили нанести целевой удар — арестовать медика царевны француза Лестока, державшего в руках все нити. Однако регент Анна Леопольдовна попыталась разрешить ситуацию другим образом — она пригласила к себе Елизавету и попросила объяснений. Та прибегла к испытанному женскому средству — расплакалась и дала клятвенное обещание хранить верность малолетнему императору и его матери. Психологом Анна Леопольдовна оказалась плохим и этим клятвам и обещаниям поверила. Впрочем, чтобы лишить опоры возможных заговорщиков, 24 ноября было принято решение отправить гвардейские полки из Петербурга в армию фельдмаршала Ласси. Покидать свои уютные теплые слободы и идти маршем по заснеженным дорогам Карельского перешейка гвардейцам очень не хотелось, и они с радостью откликнулись на призыв «дщери Петровой», которая призвала возвести ее на отцовский престол.

Итак, вместо привычной картины переворота, где удалая царевна на санях, в окружении бравых лейб-кампанцев штурмует Зимний дворец, перед нами предстает картина долгой и тщательно подготовленной интриги, в которой были замешаны иностранные дипломаты и шпионы. А и сама Елизавета предстает не законной наследницей отца, восстанавливающей справедливость, а хитроумной авантюристкой, интриганкой и клятвопреступницей, не брезговавшей контактами с врагами страны. И чего стоят после этого рассказы о «невыносимом засилии иноземцев»?

Опять же оговоримся, большая политика всегда или почти всегда трудно совместима с моралью. С точки зрения современного и тогдашнего российского права действия Елизаветы Петровны подпадают под статьи об измене, государственном перевороте, во-

енном мятеже в военное время. Но на дворе был XVIII век, когда еще не до конца ушли в прошлое представления о правах членов династии на управление страной. И дочь первого русского императора могла чувствовать себя обделенной и находить в обществе определенное понимание этого чувства. По династическому счету она имела больше прав на трон, чем Анна Леопольдовна и ее сын. Если бы у нее была семья, дети, если бы она нашла личное счастье, решилась бы тогда на государственный переворот? Но ответственность за то, что Елизавету так и не выдали замуж, лежит не на ней, а на тех, кто правил страной с 1725 по 1741 год. Да и к тому же Елизавета принадлежала к числу тех политиков, которых можно подкупать, но нельзя купить. Переворот в Петербурге не спас Швецию от сокрушительного разгрома в 1742 году и подписания в 1743 году Абоского мира, по которому скандинавское королевство отказывалось от всех претензий к России. Франция также мало что приобрела от переворота (хотя за это надо благодарить не столько Елизавету, сколько ошибки руководителей внешней политики Франции)⁹³, а в 1745 году русским дипломатам удалось перехватить секретную переписку де ла Шетарди и Лестока с Парижем, после чего первый был выдворен из России, а второй отправился в ссылку, где пребывал вплоть до 1762 года. Так что судить «дщерь Петрову» по меркам дня нынешнего не будем, просто отметим еще одну точку развилки, когда история России могла бы пойти по другому пути...

Став императрицей, Елизавета сразу столкнулась с проблемой — что делать с остальными претендентами на императорский престол? Таковых было два, и оба обладали большими правами на корону, чем дочь Петра Великого. Первым из них был свергнутый царь-ребенок Иоанн VI Антонович, вторым — племянник Карл-Петер, герцог Гольштейн-Готторпский. И пусть первый был еще младенцем, а второй — подростком, оба представляли немалую опасность для правительницы. Ибо каждый из них мог послужить основанием для нового переворота, а способных на такое деяние

хватало и в России, и за границей. Выходило так, что наибольшую опасность для Елизаветы представляли ее ближайшие кровные родственники — тяжело быть узурпатором...

Иоанн Антонович был заключен под стражу вместе со всем своим семейством. Добрая по натуре Елизавета дала клятву не проливать крови своих политических врагов, и надо отдать ей должное — свое слово императрица сдержала. Но каково было ребенку жить в изоляции от родителей, от всех людей, пребывать под самым крепким караулом, не будучи ни в чем виновным? Жизнь Иоанна VI — одна из самых трагических страниц русской истории*.

Ситуация с голштинским племянником была значительно сложнее. Во-первых, пребывая в Киле, он был недоступен для людей императрицы, во-вторых, как герцог Гольштейна, он находился под защитой и покровительством императора Священной Римской империи, а также Швеции, где мог претендовать на королевский престол, в-третьих, государыне был нужен наследник, и Карл-Петер, родной племянник, как нельзя лучше подходил на эту роль.

Миссия по доставке Карла-Петера в Россию была поручена барону Николаю Андреевичу Корфу, представителю немецкого дворянства Лифлянской губернии**. К моменту воцарения Елизаветы он дослужился до достаточно скромного чина премьер-майора Копорского кавалерийского полка. Столь ответственное поручение объясняется, по-видимому, его родственными связями — он был женат на Марте Скавронской — двоюродной

* Интересующимся трагической судьбой этого монарха читателям можно порекомендовать книгу петербургского исследователя Е.В. Анисимова «Иоанн VI Антонович», выпущенную издательством «Молодая гвардия» в серии «ЖЗЛ» в 2008 году.

** Баронский род Корфов оставил заметный след в истории России. По данным д.и.н. С.В. Волкова в русской армии служил в генеральских чинах 21 (!!!) представитель этой фамилии (*Волков С.В. Генералитет Российской империи. М.: Центрполиграф, 2009. Т. 1. С. 698—700*).

племяннице императрицы Екатерины I. Впоследствии Николаю Андреевичу доверят и еще важную миссию — перевоз арестованного Брауншвейгского семейства из Раненбурга к месту постоянного заточения в Холмогоры, потом он долгие годы будет градоначальником Санкт-Петербурга, а под конец жизни — станет во главе всей русской полиции.

5 февраля 1742 года Карл-Петер благополучно прибыл на берега Невы, а уже в начале ноября он был крещен по православному обряду с наречением имени Петра Федоровича и был официально провозглашен «государем великим князем наследником, внуком Петра Великого». Началась новая глава в его жизни⁹⁴.

Отношения между тетушкой и племянником сложились довольно противоречивые. Не имевшая опыта семейной жизни и своих детей, Елизавета попросту не смогла наладить контакт с наследником. Для него она оставалась в первую очередь императрицей, а уже потом — тетей. Почитать ее как подданный он научился. Со временем научился и вести себя как наследник престола, но вот теплых родственных отношений между ними так и не возникло. Слишком велики были различия в воспитании, вкусах, взглядах. Слишком слабым было и само родственное чувство. Наследник был одинок. Как романтичен этот образ в сказках — одинокий юный принц — и как печален он в реальности! Представьте себе осиротевшего подростка, которого привезли в чужую и совершенно незнакомую ему страну, где он сам по себе никому не интересен и не нужен. Будучи сиротой в Киле, он хотя бы жил в родных местах, видел знакомые с детства лица, а здесь — здесь чужим было всё и все. Это не могло не сказаться на отношениях великого князя с окружающими; так появились первые конфликты в придворной среде.

Почти сразу после того, как новонареченный Петр Федорович был объявлен наследником русского престола, возник вопрос о его женитьбе. Это решение имело под собой политические мотивы. Во-первых, женатый человек воспринимался тогдашним русским обществом как совершеннолетний, а Елизавете было очень важно,

чтобы ее племянника воспринимали всерьез. Во-вторых, брак наследника должен был дать продолжение романовского рода и тем самым снять вопрос о наследстве на весьма значительный срок и упрочнить положение самой «дщери Петровой» на троне. Русские дипломаты начали составлять список предполагаемых кандидатов на роль невесты наследника.

Личные чувства и симпатии самого наследника при этом в расчет не принимались вовсе, его мнение не учитывалось, вопрос рассматривался исключительно в политическом ключе. Внук повторял судьбу деда. Но с одним важным отличием — Петру Великому невесту выбирала родная мать, которая очень хорошо знала своего сына, и выбирала лично. За Петра Федоровича выбор делала его тетка, которая совсем не знала своего племянника, да и выбирала не столько сама, сколько руководствуясь донесениями своих дипломатов.

Заинтересованность в браке с русским наследником престола проявили несколько европейских дворов, причем наиболее привлекательным было предложение курфюрста Саксонии и короля Речи Посполитой Августа III. Этот государь, правивший с 1734 по 1763 год, был известен в Европе своим многочисленным семейством — в общей сложности у него было 14 детей. Через браки этого многочисленного потомства он породнился с королевскими домами Испании, Франции, Баварии и нескольких немецких княжеств. Женитьба царевича на дочери этого монарха могла бы не только оказать влияние на развитие отношений между Россией, Речью Посполитой, Империей (супруга польского короля была дочерью австрийского императора), но и заметно повысила бы династический престиж Романовых.

Другим интересным предложением была дочь датского короля принцесса Луиза. Брак с ней отчасти открывал возможности для решения и запутанного донельзя голштинского вопроса. Сторонником этого союза был вице-канцлер империи Алексей Петрович Бестужев-Рюмин.

В дело вмешался прусский король Фридрих II, вошедший в историю как Фридрих Великий. Его дипломаты предложили свой вариант — принцессу мелкого немецкого княжества Ангальт-Цербст Софию-Фредерику-Августу. Прусский король полагал, что брак наследника русского престола на выросшей в прусских владениях принцессе, которая не забудет, кому именно она обязана этим возвышением, принесет свои плоды: «Великая княгиня русская, воспитанная и вскормленная в прусских владениях, обязанная королю своим возвышением, не могла вредить ему без неблагодарности»⁹⁵.

Логика берлинского монарха понятна. Менее понятно, почему Елизавета, несмотря на протесты того же Бестужева-Рюмин, остановила свой выбор на немецкой принцессе. Несколько проясняет дело записка государыни вице-канцлеру: «Она происходит из знатного, но столь маленького дома, чтобы ни иноземные связи его, ни свита, которую она привезет или привлечет за собою, не произвели в русском народе ни шума, ни зависти. Эти условия не соединяет в себе ни одна принцесса в такой степени, как Цербстская, тем более что она и без того уже в родстве с Голштинским домом»⁹⁶.

Дело в том, что императрица никогда не забывала о том, что ее племянник и наследник имеет больше прав на русский престол, чем она сама. Женитьба наследника на представительнице сильной и влиятельной европейской династии могла дать в его распоряжение политические, материальные, а то и военные ресурсы для борьбы за власть. Бедная, если не сказать нищая, немецкая принцесса («цербстская побирушка» — как называл ее в письмах Бестужев), чье богатство заключалось в одном лишь титуле, была в этом отношении безопасной.

София-Фредерика прибыла в Россию в 1744 году вместе со своей матерью. Перед отъездом обе принцессы побывали в Берлине, где получили возможность поблагодарить прусского короля за протекцию и дать ему некоторые обязательства.

Невеста состояла в родстве с женихом и приходилась ему троюродной сестрой. Более того, в 1739 году молодые люди уже встречались в Германии. Поэтому нет ничего удивительного, что Петр обрадовался появлению Софии. Он увидел в ней человека из своего прошлого мира, и своего рода «товарища по несчастью» — такую же одинокую душу, заброшенную в чужой мир. Казалось, это чувство доверия со стороны великого князя может стать основой для хороших отношений, дружбы и в целом счастливого брака, но ответа на свои чувства Петр не встретил. Почему?

В 1782 году императрица Екатерина Великая написала сама себе шутовскую эпитафию следующего содержания:

«Здесь погребена

Екатерина Вторая, рожденная в Штеттине

21 апреля 1729 года.

Она провела 1744 год в России и вышла

Там замуж за Петра III.

Четырнадцать лет от роду

Она составила тройной проект — нравиться

Супругу, Елизавете I и народу.

Она пользовалась всем для достижения в этом успеха.

Восемнадцать лет скуки и уединения заставили ее прочесть много книг.

Вступив на русский престол, она стремилась к добру,

Желала доставить своим подданным счастье, свободу и собственность.

Она легко прощала и не питала ни к кому ненависти.

Снисходительная, любившая непринужденность в жизни, веселая от природы, с душой республиканки

И добрым сердцем — она имела друзей.

Труд для нее был легок,

В обществе и словесных науках она

Находила удовольствие».

Обратите внимание на подчеркнутую фразу. Во-первых, она выдает хладнокровно организованный, рациональный ум, для которого даже создание семьи — это «проект». Во-вторых, эта фраза, как вся эпитафия в целом, мягко говоря, не соответствует действительности.

В своих «Записках» она опишет отношение к мужу совсем другими словами:

«Я сказала себе: если ты полюбишь этого человека, ты будешь несчастнейшим созданием на земле; по характеру, каков у тебя, ты пожелаешь взаимности; этот человек на тебя почти не смотрит; ты слишком горда, чтобы поднимать шум из-за этого, следовательно, обуздывай себя, пожалуйста, насчет нежностей к этому господину; думай о самой себе, сударыня»⁹⁷.

Хороший способ понравиться супругу, не так ли? Впрочем, виноват в этом, по мнению Екатерины, конечно же, он сам:

«Если бы я смолоду в участь получила мужа, которого любить могла, я бы никогда к нему не переменилась»⁹⁸.

«Записки» Екатерины, из которых историки и по сию пору черпают сведения о семейной жизни великокняжеской четы, по замыслу их автора, должны были наглядно показать всему миру, какова была молодая супруга, принужденная жить с таким человеком, как Петр Федорович. Но вопреки воле автора, они наглядно показывают и другое: Екатерина ни разу не сделала ни одного шага, чтобы достичь взаимопонимания с мужем и создать с ним прочную семью. Более того, как мы видели выше, даже запретила себе думать об этом.

Отношения Петра и Екатерины сломались на том самом месте, которое является одним из ключевых моментов в отношениях мужчины и женщины. В традициях нашей цивилизации мужчина всегда олицетворяет сильное начало, а женщина — слабое. Но и самый сильный мужчина в некоторые моменты своей жизни бывает слабым, а порой и жалким. Женщине легко любить сильного мужчину, но крепость ее чувств проверяется на отношении

к мужчине, когда он слаб. Если женщина сможет принять своего мужчину и слабым, то их союз будет прочен.

Для Екатерины таким моментом, по-видимому, стала болезнь Петра Федоровича, а точнее — его появление после болезни. Вместо красивого, пусть и хрупкого юноши перед ней предстал изможденный болезнью, слабый молодой мужчина. И смириться с этим ее натура не смогла и не захотела.

Но, может, и в самом деле Петр Федорович был настолько плох, что с ним не смогла бы ужиться ни одна женщина? Согласно классическому образу, нарисованному мифом, он был внешне уродлив, не отличался красотой и физической силой и, что хуже всего, был совершенно необразован, невежествен, груб и нелюбезен. Но новейшие исследования показывают, что этот образ имеет мало общего с действительностью.

Начнем с внешности. «Вид у него вполне военного человека. Он постоянно застегнут в мундир такого узкого и короткого покроя, который следует прусской моде еще в преувеличенном виде», — писал о Петре Федоровиче современник. Согласно результатам экспертизы одежды третьего императора, проведенной специалистами Петербургского дома моделей, своим телосложением и ростом Петр III весьма походил на своего великого деда — Петра I. Та же узость в плечах, та же большая романовская голова, тот же размер ноги и т.д.⁹⁹ Конечно, Петр Федорович не был образцом мужской красоты, классически сложенным атлетом, и вполне возможно, проигрывал своим «соперникам» вроде Салтыкова, Понятовского, Орлова и т.д., но дошедшие до нашего времени портреты не позволяют говорить об отталкивающей внешности или уродстве.

А что с образованием и воспитанием? Как мы знаем, сразу после рождения будущий император лишился матери, поэтому его воспитанием в первые годы жизни занимался отец, герцог Карл-Фридрих. Он сильно любил свою жену и после ее смерти перенес эту любовь на сына. С сыном он связывал и надежды на будущее и нередко приговаривал: «Этот молодец отомстит за нас»¹⁰⁰.

Помимо любимого им военного дела (под которым понимались строевые приемы и стрельба в цель), юный герцог обучался также обычным для своего положения наукам — истории, математике, французскому и латинскому языкам, танцам, фехтованию, лютеранскому богословию. Руководил процессом гофмаршал О. Брюмер — человек невежественный и жестокий¹⁰¹.

По приезде Петра Федоровича в Россию обязанности по воспитанию и образованию наследника престола были возложены на академика Якоба Штелина. Немецкому профессору «элоквенции [красноречия] и поэзии» было всего 33 года, поэтому он сумел достаточно легко найти общий язык со своим подопечным*. В своих воспоминаниях он отмечает неплохие способности и великолепную память великого князя, а также его повышенный интерес к математическим и точным наукам, особенно к артиллерийскому делу и фортификации. Под его руководством уже через год Петр Федорович достаточно сносно овладел русским языком, как письменным, так и устным. Он составил изрядную библиотеку и постоянно заботился о ее пополнении. Особенно он любил книги о путешествиях и по военному делу.

Таким образом, невеждой наследник российского престола не был. Он получил обычное для своего круга образование и расширял свои знания и позже.

А что же Екатерина? Ее образование также было типичным для своего круга, то есть домашним и не слишком обширным, так как возможностей у полковника прусской службы для этого было еще меньше, чем у герцогов Гольштейн-Готторпа. Впрочем, обладая

* Якоб Штелин (Jacob von Staehlin) работал в России с 1735 года. В 1738 году был удостоен профессорского звания и избран членом Академии наук. С 1747 года он возглавил Академию изящных искусств и приложил немало стараний для развития рисования и гравирования в России. Его перу принадлежит объемный труд «Известия о художествах в России» — одно из первых, если не самое первое, исследований истории русского искусства. Скончался почтенный ученый и художник в 1785 году.

тягой к знаниям и выдающимся умом, Екатерина дополняла свой интеллектуальный багаж постоянным и интенсивным чтением. При этом, в отличие от мужа, Екатерина увлекалась самым модным интеллектуальным поветрием середины XVIII века — философией Просвещения. Она читала книги Бейля, Монтескье, Дидро, Вольтера, которому писала: «Могу вас уверить, что с 1746 года, когда я стала располагать своим временем, я чрезвычайно многим вам обязана. До того я читала одни романы, но случайно мне попались ваши сочинения; с тех пор я не переставала их читать и не хотела никаких книг, написанных не так хорошо и из которых нельзя извлечь столько же пользы... Конечно, если у меня есть какие-то сведения, то ими я обязана вам»¹⁰².

Итак, кумиром великой княгини стал Вольтер. Для современного российского обывателя это мыслитель, о котором почти все слышали, но произведения которого, практически никто не читал. Восполним этот пробел и немного напомним читателю о том, о чем же писал французский мыслитель и в какой форме он это делал.

Екатерина не случайно перешла к произведениям Вольтера от романов. Художественная проза — это главный жанр его творчества. А главное содержание его книг — изложение философских взглядов. Исторические или художественные сюжеты лишь антураж. Именно во взглядах на мир, идеях и заключалась та «польза», о которой писала Екатерина. Какие же были эти взгляды?

Общество, по мысли Вольтера, делилось на людей способных к просвещению и не способных к таковому. Первых, естественно, было немного вторые составляли большинство, задачей которого являлось работать на первых и забавлять их.

Идеальная форма правления — просвещенная власть абсолютного монарха, а ее «просвещенность» заключалась в том, что государь должен был прислушиваться к мнению философов. То есть вся ответственность за реализацию лежит на монархе, а не на тех, кто подает ему умные советы.

Вольтер был воинствующим антиклерикалом, ненавидевшим Церковь в любой ее форме. При этом он считал необходимым сохранение религии для того, чтобы держать в повиновении «непросвещенное» большинство. «Если Бога нет — его необходимо выдумать», — писал просветитель.

Не будем судить, кто из супругов был умнее или образованнее. Информации для этого у нас недостаточно, отметим важное — принципиальную разницу в понимании самого образования. Здесь Петр и Екатерина не просто придерживались разных взглядов, эти взгляды принадлежали разным эпохам. Великий князь оставался в прошлом, на рубеже XVII — XVIII веков, когда больше всего ценилось точное знание: Петр Великий, думается, был бы доволен своим внуком. Екатерина, напротив, шла в ногу с наиболее современными для ее времени веяниями. Для нее идеи были важнее фактов. При такой разнице то, что на первый взгляд могло сблизить супругов, — общее увлечение чтением — разобщало их. В данном вопросе они говорили на разных языках и в принципе не могли понять друг друга.

Еще один важный момент — отношение к религии. На первый взгляд этот аспект мог бы сблизить супругов. Оба в детстве воспитывались в лютеранской вере, оба приняли Православие по приезду в Россию. И даже наставник в вере у них был один и тот же — отец Симон Тодорский. Но в реальности отношение к религии у супругов сложилось столь различное, что также давало поводы для личных размолвок.

Различие проявилось уже в момент принятия Православия. Выбор духовного наставника в новой вере был не случаен. Симон Тодорский был одним из выдающихся русских богословов своего времени. Окончив Киево-Могилянскую академию, он более 10 лет провел в Европе, обучаясь в нескольких университетах. Таким образом, он хорошо знал и европейскую культуру, и западное богословие. Вместе с тем, несмотря на долгое пребывание за границей,

он сохранил верность православной вере и приобрел известность в Киеве как один из лучших проповедников.

По свидетельству источников, великий князь неоднократно спорил с отцом Симоном по вероучительным вопросам. Для нас это упоминание о спорах содержит в себе три важных момента. Во-первых, для Петра Федоровича религия не была пустым звуком, внешней формой, и смена конфессии не стала формальным процессом. Во-вторых, сам факт полемики показывает относительно высокий уровень развития ума и познаний шестнадцатилетнего юноши, позволявших ему спорить с маститым богословом. И в-третьих, если наследник все-таки принял православную веру, значит, он убедился в ее преимуществе. По свидетельству Штелина, Петр Федорович «не был ханжой, но и не любил никаких шуток над верою и словом Божиим»¹⁰³. И в «Записках» Екатерины, и в других источниках мы встречаем упоминание о том, что великий князь позволял себе быть невнимательным при богослужении, порой пропускал поклоны и крестное знамение. По мнению недоброжелателей, это говорит о его небрежении к вере, но, скорее всего, дело обстояло ровно противоположным образом. Дело в том, что среди придворных «просвещенной» императрицы Елизаветы было весьма мало верующих людей. Да, все соблюдали форму обряда, чинно стояли в церкви, слушали слова священника, но это было именно соблюдение обряда и традиции, не имеющей под собой серьезной религиозности. Как должен был себя чувствовать Петр Федорович, человек с развитым религиозным чувством, среди этого скопища ханжей и лицемеров? И своим поведением, нарочито небрежным, он именно что показывал разницу в отношении к богослужению между собой и лицемерами. А вот в критический момент своей жизни, непосредственно перед тем, как попасть в руки мятежников в 1762 году, император Петр III исповедался и причастился. У православного священника дворцовой церкви в Ораниенбауме.

Что до Екатерины, то никаких затруднений смена веры у нее не вызвала. «Философ в пятнадцать лет» (как она сама себя называла) уже хорошо усвоил взгляд на религию лишь как на средство управления людьми. В Германии людям принято промывать мозги лютеранством, в России — Православием — так, скорее всего, рассуждала будущая великая княгиня. В ее планах был пункт о необходимости нравиться народу, значит, необходимо было создать представление о себе как о искренне верующей. И это блестяще удалось. Екатерина старалась соблюдать посты, кротко стояла на богослужении, не забывала креститься направо и налево. Вот только все это было не более чем игрой на публику. Наглядным свидетельством этого являются все те же «Записки», Екатерины. Кроме нескольких мест, в которых автор подчеркивает свою приверженность православной вере, религия в них не упоминается вовсе. Ее нет ни в мыслях автора, ни в атрибутике, ни в описании поведения (кроме трех случаев). И уж конечно, Екатерина не усвоила ничего из православного учения о семье, о роли жены, об отношении к мужу*.

И наконец, рассмотрим, как Петр и Екатерина относились к власти и к пониманию роли монарха. Как мы помним, Петр стал наследником российского престола вопреки своей воле и вовсе того не желая. Сохранились многочисленные свидетельства о его нежелании принимать этот престол. Обычно они объясняются как примеры негативного отношения Петра III к России, но эти выводы представляются поспешными. На самом деле подобные

* Отметим, что, в отличие от мужа, Екатерина не смогла умереть по-христиански. «Камер-фурьерский журнал» сообщает, что императрица была исповедана духовником, приобщена святыми тайнами и соборована елеем митрополитом Гавриилом. Однако усомнимся, что так было на самом деле. Как может исповедаться человек, лежащий в бессознательном состоянии? Что касается причастия, то «Запись о кончине... Екатерины II», сделанная при дворе неизвестным лицом, прямо свидетельствует, что причастить императрицу так и не удалось по причине пены, которая выходила изо рта» (Сафонов М.М. Завещание Екатерины. СПб., 2002. С. 5—9).

высказывания можно рассмотреть в контексте отношения к власти, свойственного российским монархам.

Народная пословица гласит: «Тяжела ты, шапка Мономаха». Обязанности государя, пожизненного главы государства, весьма тяжелы, и сомнения «а справлюсь ли?» часто посещали будущих царей и императоров. Даже один из наиболее сильных и волевых русских государей, царь-миротворец Александр III, в бытность свою наследником престола просил отца, императора Александра II, лишить его наследства, ибо не чувствует в себе сил управлять огромной империей. Ответ императора был таков: «Что же ты думаешь, что я по доброй воле на своем месте? Разве так ты должен смотреть на свое призвание?» — и, напомнив сыну о долге перед Богом, страной и народом, категорически отказал ему¹⁰⁴.

Зная, как великий князь относился к своим обязанностям герцога Гольштейна, мы можем предположить, что на необходимость вступить на русский престол он смотрел с точки зрения долга перед Богом и предками. Интересное наблюдение относительно самооощущения великого князя сделал А.С. Мыльников. По его мнению, Петр Федорович ощущал себя «немцем на русской службе», примиряя тем самым свое голштинское происхождение и новообретенный статус наследника престола¹⁰⁵.

Отношение Екатерины к власти было другим. Идеалы философии Просвещения подсказывали ей другой взгляд на предназначение власти. Смысл правления — в реализации идей Просвещения. Не защита национальных интересов, наследия предков, а реализация планов нового, идеального мироустройства. Пусть эти планы не были столь радикальными, как у «строителей нового мира» в XX веке, но принцип оставался тот же — политика должна была быть подчинена идеологии. Именно так характеризует политический курс первых лет правления Екатерины II российский историк К.А. Писаренко:

«Задуманное Екатериной означало резкую смену внутри- и внешнеполитического курса России, в основе которого отныне

будет лежать не отстаивание интересов возглавляемого монархом народа, а идеологическое миссионерство. Государыня, воодушевленная трудами Вольтера и прочих философов, управлять государством собиралась исключительно в духе века Просвещения. Поэтому пропаганда и защита общечеловеческих ценностей в трактовке энциклопедистов становились для нее приоритетными, а заботы о поддержании в империи “тишины и покоя”, решение наболевших и насущных проблем подданных отодвигались на второй план»¹⁰⁶.

Теперь вернемся к вопросу об отношениях между Петром и Екатериной. Любви, как мы знаем, у них не сложилось. Что же, сердцу не прикажешь, но супруги были, казалось, обречены на политический союз. Разница в интеллекте и личные отношения не могли стать к нему серьезными препятствиями, история Европы знает много примеров, когда жена де-факто правила за мужа или королевская семья представляла собой в первую очередь политический союз: Анна Ярославна и Генрих I Французский, Фердинанд Арагонский и Изабелла Кастильская, Мария II Английская и Вильгельм Оранский — вот только некоторые примеры подобных союзов. Но чтобы такой союз мог реализоваться, необходимо наличие если не общности взглядов, то хотя бы точек соприкосновения. А вот их в данном случае и не было. Петр и Екатерина обладали слишком разными мировоззрениями и в принципе не могли работать вместе. Политический союз по этой причине был невозможен, а союза личного, семейного, не сложилось. Во многом потому, что Екатерина ставила политические цели выше личных и уверенно пожертвовала планом «нравиться мужу» в пользу планов по его свержению.

До рождения в 1754 году сына и наследника Екатерина избегала окончательно обострять отношения с великим князем. Ведь пока он оставался единственным наследником престола, она могла получить власть только вместе с ним. Но после рождения Павла Петровича ситуация изменилась. Теперь формальным источником

власти мог стать не только нелюбимый муж, но и сын, с появлением на свет которого связано множество домыслов и мифов.

Чей сын Павел I? Этот вопрос обсуждается не только любителями истории или любящими загадки и тайну публицистами. По этому поводу по сию пору идут дебаты и среди профессиональных историков. Впрочем, сразу проясним одно важное обстоятельство — юридически Павел Петрович является законным сыном Петра Федоровича и Екатерины Алексеевны. Его происхождение никогда никем не оспаривалось в правовом поле, поэтому выяснение истины в этом вопросе носит лишь исторический интерес.

Первые 8 лет после свадьбы в семье наследника российского престола не было детей. И это при том, что чуть ли не главной задачей этого брака считалось продолжение линии Романовых. Первоначально ответственность за такое положение вещей возложили на Екатерину. Всем было известно ее прохладное отношение к великому князю, а также заинтересованность в том, чтобы стать наследницей в случае его бездетной смерти. Но довольно скоро выяснилось, что причина заключалась в некоем заболевании Петра Федоровича. Иностранные дипломаты в письмах сообщали своим правительствам, что наследник русского престола бесплоден или не может иметь детей.

Согласно классической версии событий, императрица Елизавета, по совету Бестужева, решила приставить к великой княгине красивого любовника, чтобы таким образом решить проблему. Этим человеком оказался 26-летний красавец Сергей Салтыков, который и приходится биологическим отцом императору Павлу Петровичу.

Версия красивая, логичная, но не лишенная изъянов. Во-первых, у ее сторонников нет никаких документальных доказательств. Даже Екатерина в своих «Записках» говорит об этом намеками, не называя прямо отца своего ребенка.

Во-вторых, если связь вице-канцлера Бестужева-Рюмина с Салтыковым не подлежит сомнению и подтверждается разными

источниками, то о причастности императрицы все источники говорят только предположительно и намеками.

В-третьих, ни один из источников, придерживающихся этой точки зрения, не сообщает нам, в чем же именно заключалась проблема с продолжением рода у великого князя. Если современники могли об этом и не знать, то как объяснить молчание историков, в распоряжении которых имеются архивы лейб-медиков двора?

Сторонники законного происхождения Павла Петровича ссылаются на донесение французского резидента в Гамбурге Луи де Шампо, в котором тот подробно описывает интересующий нас сюжет. Источником информации для этого донесения послужил не кто иной, как непосредственный участник событий Сергей Салтыков, который побывал в Северной Германии с дипломатической миссией. Согласно этому донесению, причиной проблем Петра Федоровича в половой сфере был фимоз — сужение крайней плоти, делавшее половую жизнь или сильно затрудненной, или невозможной вовсе. Фимоз, однако, легко лечится хирургическим путем, однако наследник престола долгое время уклонялся от этой очень простой операции. Обычно причину такого уклонения приписывают трусости великого князя, однако это взгляд с позиции современного человека. В XXI веке хирургическое вмешательство не является чем-то экстраординарным, к нему прибегают не только для лечения болезней, но и для улучшения внешнего вида, в чем специализируется целая отрасль медицины — пластическая хирургия. Современные средства анестезии, диагностики, технологий сделали операции безопасными. Совсем по-другому обстояло дело в XVIII веке, когда хирургическое вмешательство было средством последней надежды. Отсутствие антисептиков и анестезии делало операции смертельно опасными, и врачи прибегали к ним только в самых крайних случаях, как правило, для лечения тяжелых ран. Что там юный Петр Федорович, сам князь Багратион, знаменитый полководец и отчаянный храбрец, так и

не дал разрешения врачам провести операцию на своей ноге, что и привело его к смерти¹⁰⁷.

По словам Сергея Салтыкова, он с согласия государыни уговорил наследника сделать эту операцию, результатом чего и явилось рождение Павла Петровича.

К достоинствам этой версии следует отнести то, что она единственная точно описывает проблему с медицинской точки зрения, указывая и диагноз, и метод его лечения. В то, что императрица дала Салтыкову карт-бланш на уговоры наследника, верится куда больше, чем в то, что она дала ему приказ соблазнить великую княгиню.

В пользу этой версии говорит и отношение Петра Федоровича к новорожденному сыну. А.С. Мыльников, проанализировав переписку царевича, обратил внимание, что извещение зарубежным дворам о рождении наследника великий князь отправил буквально на следующий день после того, как это произошло. Сами письма, несмотря на формальный характер, выдержаны в весьма позитивном и оптимистичном ключе. Исследователь предположил, что помимо удовлетворения от заметного улучшения своих династических позиций Петр Федорович испытывал и отцовскую гордость по поводу рождения первенца, что вряд ли было бы возможным, если бы ребенок был не его¹⁰⁸.

Кроме прямых и косвенных свидетельств мы имеем еще одно подтверждение возможности такого развития событий. Дело в том, что почти такая же история произошла и при французском дворе. 16 мая 1770 года эрцгерцогиня Империи Мария-Антуанетта вышла замуж за наследника французского престола Людовика (будущего короля Людовика XVI). Этот брак оставался бесплодным в течение 7 лет по причине фимоза, которым страдал муж. Уговорить его на хирургическую операцию смог только император Священной Римской империи Иосиф, лично прибывший для этого в Париж.

Все это позволяет нам считать версию Шампо достоверной, за исключением некоторых деталей. Несомненно, Салтыков инфор-

мировал французского дипломата не по своей воле, а по указаниям внешнеполитического ведомства России¹⁰⁹. Таким образом русское правительство пыталось доказать законность происхождения наследника, опровергая расползавшиеся по Европе слухи.

А как же роман Екатерины и Салтыкова, столь подробно описанный в «Записках»? В данном случае великая княгиня обманывалась, принимая за искренние чувства интригу ловкого политического дельца. Сергей Салтыков выполнил две политические задачи — наладил отношения между Екатериной и своим патроном вице-канцлером Бестужевым-Рюминым и способствовал тому, что у великокняжеской четы появился наследник, после чего вернулся к продолжению дипломатической карьеры*.

Для Екатерины ее первый роман обернулся жестоким разочарованием. Она впервые столкнулась с тем, что к ней относятся не только и не сколько как к женщине, сколько как к политику. С одной стороны, это льстило ее политическим амбициям, с другой — больно задевало женское самолюбие.

Надо отметить, что в российской императорской семье относились к вопросу о происхождении императора Павла Петровича на редкость спокойно и даже с юмором. Так, когда император Александр III узнал о существовании версии о незаконнорожденности Павла, он будто бы перекрестился и сказал: «Слава Богу! Мы русские!», а когда ознакомился с ее опровержением, добавил: «Слава Богу! Мы законные!»**

* Петр III высоко ценил Салтыкова и после прихода к власти назначил его на ответственный пост русского резидента в Париже. Однако после переворота 1762 года Салтыков был переведен в заштатный Регенсбург, а вскоре после этого, как и многие другие русские дипломаты Елизаветинской эпохи, подал в отставку, не желая нести ответственность за политику, проводимую Екатериной (подробнее см.: Писаренко К.А. Ошибка императрицы. М.: Вече, 2008).

** Есть и другие доводы в пользу законности происхождения Павла Петровича. Один из историков предлагает просто положить рядом портреты Петра III и Павла I и наглядно убедиться в их внешнем сходстве. Действительно, сходство есть, и немалое, но, проводя такое сравнение, надо учитывать, что родители Павла Петровича были близкими родственниками (троюродные брат и сестра) и столь похожий на отца внешний облик Павел вполне мог унаследовать от матери.

После рождения сына Петр Федорович заметно укрепил свои династические позиции и как наследник русского престола, и как владетельный герцог Гольштейн-Готторпский. Постепенно он налаживает отношения с представителями русской элиты, которые начинают видеть в нем нового государя.

Политическая деятельность Петра Федоровича была подчинена интересам его будущего правления. Несомненно, уже тогда начали складываться основные идеи и замыслы, которые он попытался реализовать при вступлении на престол. Великий князь начинает все чаще высказывать свое мнение по поводу некоторых вопросов внутренней и внешней политики страны. Поскольку здоровье императрицы оставляло желать лучшего, влиятельные группировки элиты начали искать контакты с будущим государем. Наиболее заметную роль в его окружении стали играть Воронцовы. Представители старинного боярского рода, основатель которого служил еще первому из московских князей Даниилу Александровичу, Воронцовы веками поставляли русскому государству высококлассных управленцев и толковых военачальников. Их близость к великому князю объясняется не только его симпатией к Елизавете Воронцовой, но и политическим расчетом.

Стали находить общий язык с Петром Федоровичем и Шуваловы, входившие в ближнее окружение Елизаветы. Страна готовилась принять нового государя.

А что же Екатерина? Она тоже стала искать силы, на которые могла бы опереться в политике. И такие силы нашлись. На первый взгляд это кажется странным — кто мог поддержать не имеющую никаких прав на трон авантюристку в ее стремлении к власти? Конечно, взгляды наследника и его личность не у всех вызывали симпатию, но ведь он был законным государем, а в монархической системе уровень борьбы элит и политических группировок всегда идет, не затрагивая самодержца. Борются за влияние на монарха, за доступ к нему, за те или иные решения, но никогда не затрагивается напрямую сама особа государя. Ибо его главная

функция — сохранение устоев системы. Так было в XVI—XVII веках, так будет в XIX веке. Лишь в начале XX века среди элиты появятся желающие кардинально изменить «правила игры».

Но сложившаяся во второй четверти XVIII века политическая ситуация в России во многом отличалась от идеального образца монархической системы. «Устав о наследии престола» Петра Великого выбил из-под монархии важнейшую опору — положение о том, что выбор государя не зависит от человеческой воли. Пришедшие к власти в результате дворцовых переворотов Екатерина I и ее дочь не обладали защитным иммунитетом, обычным для монархии. Они должны в значительно большей степени считаться с мнением и интересами элиты и, более того, закрывать глаза на ее проступки. И здесь мы снова вернемся к проблеме коррупции, которая уже сыграла один раз важную роль в истории российской царской семьи (см. выше главу о судьбе царевича Алексея).

Дело в том, что при монархическом государственном устройстве механизмы борьбы с нечестностью госслужащих работают совсем по-другому, нежели при знакомой нам демократии. В современном нам государстве чиновник является обычным служащим по найму и, как мы уже говорили выше, в основе его мотивации лежит материальная выгода — мне платят зарплату, я делаю свою работу. Такой подход делает управленца уязвимым перед предложением материальных благ со стороны. Важно также, что положение высших чиновников, включая главу демократического государства, ничем не отличается от чиновников низестоящих. В результате коррупция является одной из главных проблем для демократии.

Конечно, демократическое общество уделяет значительное внимание борьбе с коррупцией, стремясь, с одной стороны, ограничить зону ответственности чиновников, а с другой — создавая мощные органы по борьбе с коррупцией. Все это приводит к значительному увеличению государственного аппарата, а также к снижению его эффективности.

По-другому обстоит дело при монархии. Мотивация чиновника не ограничивается лишь получением материального вознаграждения за проделанную работу, но может иметь в своей основе идею служения государю как форму религиозного служения. Для такого человека подкуп будет не просто нарушением должностных инструкций, но и религиозным проступком. Безусловно, далеко не все чиновники являют собой образец добродетели и строгого следования долгу, но важно, что сама идеология государственной службы при монархии не допускает принятие посулов со стороны.

Важно отметить принципиальную разницу в распространении коррупции в монархическом и демократическом обществах — при демократии уровень коррумпированности чиновников возрастает снизу вверх, то есть наиболее коррумпированными являются управленцы высшего звена. При монархии, напротив, отбор чиновников идет таким образом, что уровень коррупции снижается с ростом служебного положения.

Борьба с коррупцией при монархии значительно отличается от таковой при демократии. Отличается наличием на самом верху государственной пирамиды человека, который в принципе не может быть подвергнут коррупции — государя. И именно это позволяет вести успешную борьбу с коррупцией на самом высоком уровне, даже среди лиц, приближенных к особе его императорского величества. Угроза «дойду до государя» была не пустым звуком и вводила в трепет не одно поколение чиновников.

Советские историки и публицисты, рассуждая о расцвете воровства и взяточничества среди государственного аппарата Российской империи, любили цитировать фразу Николая I, якобы сказанную им своему сыну, будущему царю-освободителю: «Мне порой кажется, что только два человека в России не воруют — я и ты». Эта фраза должна была иллюстрировать разложение и безнравственный характер «реакционного царского режима».

Не будем выяснять, говорил ли государь такую фразу, или она представляет собой выдумку позднейших историков. Обратимся к ее смыслу. И подумаем: не позавидовать ли нам жителям такого государства, где целых два человека гарантированно свободны от коррупции и занимают при этом два самых высших государственных поста? Глядя на современные российские реалии, поневоле позавидуешь далеким предкам, которые хотя бы могли не сомневаться в честности правителя своего государства.

Однако во времена правления Елизаветы Петровны этот механизм перестал работать. Государыня не могла позволить себе занимать жесткую позицию в отношении коррупции просто потому, что прекрасно знала: и находящийся в заточении в Шлиссельбурге Иоанн Антонович, и находящийся в Ораниенбауме великий князь Петр Федорович имеют куда больше прав на престол, чем она. В результате «государеву оку» — прокуратуре Российской империи — приходилось порой практиковать весьма необычные методы борьбы с коррупцией. Хорошо иллюстрирует нравы тех времен разговор, состоявшийся между генерал-прокурором Я.П. Шаховским и видным государственным сановником графом П.И. Шуваловым, в ведомстве которого органы прокуратуры нашли значительные упущения.

В ходе встречи П.И. Шувалов обвинял генерал-прокурора в том, что он напрасно причиняет ему неприятности. Шаховской отвечал, что он пытается пресекать только «противозаконные поступки» Шувалова, «основанные на личных выгодах», а также корысти. «Ваше сиятельство! Теперь вы уже довольно богаты и имеете большие доходы, — сказал Шаховской, — а я, при всех высоких титулах своих, и не мыслил еще о каких-либо приобретениях. Дадим в присутствии его превосходительства (устроителя встречи графа И.И. Шувалова. — А.М.) честное слово друг другу: отныне впредь не заниматься более увеличением нашего достояния, не следовать влечению страстей своих, отступая от обязанностей и справедливости; но идти прямым путем, куда долг, честь и общая

польза сограждан будет нас призывать. Тогда только соглашусь я носить имя вернейшего друга вашего, в противном случае молчать пред вами, угождать вам я не буду, чего бы мне того ни стоило»¹¹⁰.

Такое положение дел было весьма выгодно для русской элиты. Более того, отдельные ее представители рассчитывали закрепить подобное положение на долгий срок, для чего создавались различные проекты ограничения самодержавия.

Обычно в популярной литературе об этих проектах упоминается вскользь в контексте развития российского общества по пути защиты своих прав, развития демократии и т. д. На самом деле авторы этих проектов видели в качества образца не Великобританию, а Речь Посполитую или Швецию, где власть монарха была ограничена в пользу узкой группы аристократии.

Приход к власти Петра Федоровича, законного наследника престола и по воле императрицы Елизаветы, и по старинному родовому праву, означал конец всем этим надеждам. Другое дело, если бы на престоле оказался малолетний Павел, а видимость реальной власти была бы в руках его матери. Такое положение вещей устраивало и иностранные державы, заинтересованные как в сохранении возможности своего влияния на внутреннюю и внешнюю политику России, так и в наличии нестабильности в ее политической системе.

Поэтому неудивительно, что великая княгиня нашла союзников как среди русских вельмож, так и среди иностранных дипломатов. В политический союз с ней вступил один из наиболее влиятельных политиков Российской империи — канцлер Бестужев-Рюмин.

Первым серьезным политическим вызовом для Петра и Екатерины стал вопрос об участии России в Семилетней войне (1756—1763). Этот конфликт некоторые историки полагают необъявленной «мировой войной» XVIII века. Боевые действия шли в Европе, Америке, Азии, на морях и океанах. Два главных против-

ника — Великобритания и Франция — решали вопрос о мировой гегемонии. Главными для обеих стран театрами военных действий были американские колонии и борьба за морские коммуникации. В этой борьбе преимущества были на стороне островного королевства, чей флот превосходил французский. Британский морской историк Брайан Танстолл отмечает, что хотя эта война привела к значительным геополитическим изменениям в мире, она мало что сделала для развития военного дела на море — столь велико было английское превосходство¹¹¹. Против 45 французских и примерно 20 испанских линейных кораблей Великобритания выставила 120 — более чем двукратное превосходство.

Но британское правительство уповало не только на мощь Royal Navy, но и на геополитическую комбинацию, вынудившую Францию вести войну на два фронта. Дело в том, что британский король был одновременно и курфюрстом Ганновера — обширного владения на севере Германии. Безопасности и благополучию своих наследственных владений английские монархи всегда уделяли повышенное внимание. Казалось, в этом таилась угроза для Великобритании — Франция обладала мощной сухопутной армией, которой ничего не стоило захватить эту область. Однако в том-то состоит искусство политики, чтобы превращать свои слабые стороны в сильные. И английской дипломатии это блестяще удалось путем заключения союзного договора с Пруссией. Амбициозный и талантливый прусский король за английское золото обещал защищать Ганновер от французских поползновений. Из ахиллесовой пяты германские владения английских королей превращались в ловушку для Франции — попытка захватить их втягивала Париж в большую европейскую войну и давала ему в противники лучшего полководца Европы.

Французская дипломатия попыталась нейтрализовать этот ход соперников, заключив союзный договор со своим извечным противником — Веной. Империя, потерявшая в войнах с Фридрихом часть своих владений, с радостью ухватилась за возможность

наказать «скоропостижного короля», а для верности попыталась привлечь к антипрусской коалиции Россию и Швецию. При этом и Империя, и Россия, и Швеция сохраняли мирные отношения с Англией — они воевали только с Пруссией. Франция же оказалась втянутой в войну на два фронта, что и предопределило ее конечное поражение.

А теперь самое время задать вопрос: если союзники нашей страны прекрасно понимали, за что воюют, то каковы были цели участия России в Семилетней войне?

События XX века, когда наша страна дважды воевала с наследницей прусского королевства — Германской империей и эти войны были наиболее тяжелыми за всю нашу историю, несколько снимают остроту этого вопроса. Для нашего современника нет ничего удивительного в войне между Россией и Германией, но в XVIII веке все обстояло ровно противоположным образом. Прусское королевство с момента своего создания придерживалось дружественных, а порой и союзнических отношений с Россией. Главные интересы прусских королей были устремлены в сторону от российских границ — их мечтой было объединение Германии (под своим руководством, конечно). Более того, в то время наши страны даже не имели общей границы.

Конкретные цели войны русский двор сформулировал следующим образом:

«Ослабя короля Прусского, сделать его для здешней стороны нестрашным и незаботным; венский двор, усиля возвращением Шлезии, сделать союз против турок боле важным и действительным; одолжа Польшу доставлением ей королевской Пруссии, во взаимство получить не только Курляндию, но такое с польской стороны границ округление, которым бы не только нынешние непрестанные о них хлопоты и беспокойства пресеклись, но, может быть, и способ достался бы коммерцию Балтийского моря с Черным соединить, и через то почти всю левантскую коммерцию в здешних руках иметь»¹¹².

Посмотрим на эти цели более внимательно. Первая из них выглядит на первый взгляд логично, но только на первый взгляд. Пруссия по своему тогдашнему потенциалу не могла представлять угрозу для России, даже имея во главе такого военного гения, как Фридрих Великий, что наглядно показали события Семилетней войны. В планах северогерманского королевства война с Россией не значилась даже в самой отдаленной перспективе. Так что страшным для России Фридрих не был, а вот хлопоты действительно мог доставить. Справедливости ради отметим, что среди русской элиты существовало мнение, что политика Фридриха II является опасной для России и русских интересов в Европе. Такой позиции придерживался канцлер А.П. Бестужев-Рюмин, который стремился всячески усилить у императрицы это ощущение опасности.

Действительно, гегемония Пруссии в Германии — цель жизни Фридриха — существенно меняла бы политический баланс в Европе, что было не в интересах России. С другой стороны, Россия не была заинтересована в полном уничтожении Пруссии как государства, ее предполагалось лишь «ослабить». Но Фридрих в силу своего таланта политика сумел бы доставить хлопот и в ослабленном состоянии то есть цель была недостижима.

Вторая цель — укрепление Австрии, путем возвращения ей захваченной пруссаками Силезии — как будто отвечала интересам России: Империя была нашим союзником в борьбе против турок. Но при этом как бы забывалось, что союз России и Австрии был оборонительным, а в случае крупного успеха антитурецкой лиги конфликт интересов среди ее участников по поводу раздела турецкого наследства был неизбежен (в будущем так и получилось). В любом случае: союз против турок зависел от воли австрийского двора, а вот содействие в возвращении Силезии предстояло оплачивать русской кровью.

Что же касается проекта присоединения к России Курляндии и некоторых других польских земель (округление границы), то, как показал дальнейший ход событий, завоевывать прусские земли

для этого не требовалось. Через 10 лет Екатерина проделает все это, что называется, без единого выстрела (зато в тесном сотрудничестве с прусским королем).

Е.В. Анисимов, говоря о причинах вступления России в Семилетнюю войну, отметил, что речь шла «именно об имперских интересах России, о далекоидущих планах экспансии и распространения влияния Петербурга на другие страны»¹¹³. Добавим, что эти имперские интересы входили в противоречие с национальными интересами России.

Впрочем, была и еще одна причина, сыгравшая не менее, а может, и более важную роль в принятии решения о вступлении в войну, — личная обида Елизаветы Петровны на прусского короля. Когда Фридрих Великий узнал о складывающейся против него коалиции, то пошутил, что воевать придется против трех нижних юбок, имея в виду Елизавету, Марию-Терезию Австрийскую и мадам де Помпадур — фаворитку Людовика XV. Причем это была еще одна из самых пристойных шуток, которые король отпускал по поводу союза трех первых дам Европы. Шутки Фридриха были всегда остроумны, часто непристойны и непременно достигали ушей тех, о ком он говорил. Русская императрица была давней мишенью для остроумия короля. Он высмеивал и ее низкое происхождение, и безнравственный образ жизни, и попытки сохранить в почтенном возрасте красоту — в общем, вольно или невольно сделал все, чтобы Елизавета возненавидела его не только как политического противника, но и как личного врага¹¹⁴. А XVIII век был временем, когда государи еще не отказались от взгляда на войну как на личный конфликт между ними.

Таким образом, Россия вступила в войну того типа, о котором потом писал русский полководец XIX века Михаил Дмитриевич Скобелев:

«Подло и постыдно начинать войну так себе, с ветру, без крайней, крайней необходимости... Никакое легкомыслие в этом случае непростительно... Черными пятнами на королях и императорах

лежат войны, предпринятые из честолюбия, из хищничества, из династических интересов»¹¹⁵.

Среди правящей элиты страны против войны открыто выступил только великий князь Петр Федорович. Обычно его выступление связывают с пруссофильством и поклонением перед Фридрихом Великим, но, как мы видим, у наследника престола были и другие весомые основания для занимаемой им позиции.

В начале лета 1757 года русская армия во главе с генерал-фельдмаршалом Степаном Федоровичем Апраксиным перешла прусскую границу. Одновременно был обнародован манифест императрицы Елизаветы, в котором говорилось: «Мы для того армиям нашим повелели учинить диверсию в областях короля Прусского, дабы его тем принудить к постоянному миру и к доставлению обиженным праведного удовольствия...»¹¹⁶ Как мы видим, термин «принуждение к миру» был в арсенале российской дипломатии еще в середине XVIII столетия.

19 августа 1757 года русские войска столкнулись у деревни Гросс-Егерсдорф с армией прусского фельдмаршала Иоганна фон Левальда. Пруссакки почти в два раза уступали по численности армии Апраксина, но их командующий был столь невысокого мнения о «восточных варварах», что решил атаковать и при столь неблагоприятном для себя соотношении сил. Оба фельдмаршала совершили ряд ошибок, но умелые действия русских генералов, мужество и стойкость солдат, качественное превосходство русской артиллерии принесло нашей армии победу. Потеряв почти пять тысяч человек, прусское войско в беспорядке отступило. Потери русской армии были несколько больше, чем у противника, — 5989 человек, но она удержала за собой поле битвы, захватила 29 неприятельских орудий и сохранила полный боевой порядок. Победа над грозным противником сразу же подняла боевой дух русской армии и мнение о ней в глазах союзников. И тем неожиданнее стала для всей Европы новость, что после столь впечатляющего начала русская армия начала отступление из пределов

Пруссии и к началу октября 1757 года почти полностью покинула оную. Не меньше союзников были удивлены таким поворотом событий и в Петербурге. Там командующего армией заподозрили ни много ни мало в измене, отстранили от должности и отдали под суд. Следователи обратили внимание, что решение об отступлении фельдмаршал принял ровно через неделю после того, как произошло резкое ухудшение здоровья императрицы. В этом усмотрели желание угодить «молодому двору» — Петру и Екатерине.

В реальности же решение об отступлении было принято не единолично Апраксиным, а созванным им военным советом, все без исключения члены которого высказались за отступление на зимние квартиры по причине острой нехватки продовольствия и фуража. Такое единодушие генералов заставляет усомниться в популярной и по сию пору у некоторых историков версии о решающем значении придворной интриги. Сам Апраксин, конечно, мог рассчитывать на милости со стороны наследника престола, но сложно предположить, что так же мыслили его генералы, подавляющее большинство из которых не имело никаких связей при дворе.

Как упоминалось выше, война России против Пруссии не отвечала национальным интересам страны, и генералитет русской армии прекрасно это понимал. Генералы не могли выразить своего мнения до начала военных действий, так как, тогда это дало бы основание усомниться в их храбрости и компетентности, но после крупной и уверенной победы подобные упреки уже не грозили.

Генералы могли считать, что задача «ослабить прусского короля» ими в некоторой степени выполнена, а воевать за австрийские и французские интересы ни им, ни их солдатам не хотелось.

Эта позиция русского генералитета будет еще не раз проявляться во время Семилетней войны. Двор пытался бороться с этим, часто меняя командующих, изыскивая всякий раз все более решительных и бодрых, но они почему-то всякий раз теряли воинственность, получая этот пост:

Сменивший Апраксина генерал-аншеф Уильям Фермор после сражения при Цорндорфе (25 августа 1758 года), где ему удалось устоять против самого Фридриха Великого, не стал пытаться «развить успех», а отступил за Вислу.

Сменивший Фермора генерал-аншеф Петр Семенович Салтыков 12 августа 1759 года совместно с австрийским фельдмаршалом Дауном нанес сокрушительное поражение «непобедимому» Фридриху при Кунерсдорфе, когда пруссаки потеряли на поле боя 14 000 солдат убитыми, 4500 — пленными. Трофеями победителей стали 28 знамен и штандартов, 172 пушки и армейские припасы. После столь блистательной победы русский командующий сделал то же, что и его предшественники, — отступил на зимние квартиры. Более того, в следующем году произведенный в фельдмаршалы Салтыков «по болезни» попросился в отставку.

Сменивший его Фермор (также произведенный в фельдмаршалы) организовал одну из наиболее дерзких и удачных операций войны — рейд двадцатитысячного корпуса генерала Чернышева на Берлин, который и был им взят 2 октября 1760 года*. Вернувшийся ненадолго в армию Салтыков отдал приказ о новом отступлении на исходные позиции, после чего ушел в отставку, и на этот раз окончательно.

В октябре 1760 года на его место был назначен спешно произведенный в фельдмаршалы Александр Борисович Бутурлин, начавший свою карьеру с чистки сапогов Петра Великого. Он не

* Взятие Берлина в 1760 году, не оказавшее особого влияния на ход Семилетней войны, в XX веке не раз с успехом использовалось в военной пропаганде. Известно, что копия символических ключей от города, хранившихся в Санкт-Петербургском арсенале, была сброшена с самолета солдатам 1-го Белорусского фронта в апреле 1945 года. Что же, доблесть предков всегда вдохновляла потомков. Но как же печально и позорно для нашей страны то, что могила покорителя германской столицы генерала Захария Чернышева в подмосковной усадьбе Ярополец пребывает в полном забросе и год от года подвергается все большему разорению со стороны вандалов. Наша страна тратит миллионы на празднование юбилея победы в Великой Отечественной войне и не находит ни копейки, чтобы почтить память того, чьим мужеством вдохновлялись победители 1945 года.

обладал военными талантами своих предшественников, а потому провел кампанию 1761 года по их сценарию с одним исключением — на сей раз сразиться с армией Фридриха русским полкам не довелось, и они отступили после серии маршей по германским землям. Впрочем, в конце года молодому и талантливому генералу Румянцеву удалось взять сильную прусскую крепость Кольберг, что было несомненным успехом¹¹⁷.

В стратегии русских генералов прослеживается острое нежелание таскать каштаны из огня для Австрии и Франции. Раз за разом они не давали своим союзникам проиграть войну, но и только.

С событиями Семилетней войны связана одна из наиболее лживых и оскорбительных легенд об императоре Петре III. Речь идет не более и не менее как о шпионаже в пользу короля прусского! Критикам этого государя мало обвинить его в симпатиях к Фридриху Великому (это обвинение абсурдно смотрелось в XVIII веке, когда прусский король был одним из идеалов для подражания в Европе), его стремились уличить в более тяжком преступлении — шпионаже. При всей абсурдности этого обвинения оно не снято с повестки дня по сию пору — в вышедшей в 2007 году книге О.А. Иванова оно приводится в развернутом виде сразу на нескольких страницах.

При этом все основания для такого серьезного обвинения базируются на мнениях разных лиц, более или менее осведомленных. Ангажированность или степень осведомленности в расчет не принимается, главное — заклеить императора и отвести подозрения от другого лица.

Однако обвинения подобного рода доказываются не слухами, не мнениями, а беспощадными и неопровержимыми фактами. Мы напомним читателю базовый принцип юстиции — никто не может быть признан виновным, пока его вина неопровержимо не доказана законным образом. Безусловно, современники могли не иметь возможности фактами подтвердить свои обвинения — государственные тайны во все времена хранились строго, но почему

это не могут сделать современные историки, для которых открыты документы, хранящиеся в российских и германских архивах?

В конце XVIII века французский революционный трибунал выдвинул в адрес свергнутой королевы Марии-Антуанетты обвинение в национальной измене и передаче врагам республики секретных сведений о ее военных планах. Следователи трибунала не располагали фактами и выдвигали обвинение голословно (что вполне устраивало революционных судей). Однако современные историки подтвердили их правоту, обнаружив в австрийских архивах переписку королевы Франции с ее братом императором Священной Римской империи Иосифом, в которой излагались секретные планы французского военного командования¹¹⁸.

Что же мешает сейчас историкам, выдвигающим обвинения против Петра Федоровича, обратиться к прусским архивам и представить столь же неопровержимые доказательства его вины? Более того, даже к архивам обращаться нет надобности. Для немцев король Фридрих Великий — фигура культовая, современные граждане Германии справедливо считают его одним из созидателей великого германского государства. На его могиле в Сан-Суси постоянно лежат живые цветы, которые приносят потомки верноподданных государя.

Естественно, что немецкие историки приложили немало усилий, изучая жизнь и деятельность великого короля. Издано множество документов, относящихся к различным сферам его деятельности, ему посвящены тысячи научных трудов.

Германские ученые справедливо считают Фридриха Великого не только военным гением, но и отцом-основателем немецкой разведывательной службы. Эта сфера деятельности короля хорошо изучена и подробно описана. Без всякого сомнения, если бы прусскому королю удалось привлечь к работе в своих интересах ни много ни мало наследника русского престола, об этом грандиозном успехе говорилось бы часто и подробно. Но германские историки в этом вопросе хранят молчание.

Помимо отсутствия доказательств существует и логический довод против подобного обвинения — в чем состояла бы польза от «вербовки» для прусского короля? Иными словами, какую ценную информацию мог бы предоставить ему русский великий князь?

Войны XVIII века значительно отличались от современных как уровнем организации войск, так и степенью развития коммуникаций. В те времена центр принятия оперативных военных решений располагался непосредственно в штабе командующего армией (если у него вообще был этот самый штаб), центральное руководство страны могло давать лишь общие, стратегического характера директивы, которые далеко не всегда выполнялись. Поэтому находившийся в Петербурге великий князь мог сообщить прусскому королю весьма мало сведений о составе и планах русской армии в германских землях. Конференция в Петербурге, конечно, разрабатывала общие направления плана кампании и получала из армии достоверную информацию, но не более того. Другое дело политическая информация. Но опять-таки, изолированный от ближнего окружения императрицы Елизаветы, Петр Федорович мало что мог сообщить такого, что не было бы известно из других источников.

И наконец, последнее — наследник престола был известен как сторонник прекращения войны и замирения с Пруссией. Эта точка зрения была связана не с преклонением перед образом прусского короля, а основывалась на трезвом понимании интересов России. Между тем любая шпионская связь может быть рано или поздно раскрыта и сильно повредить ее участнику. Спрашивается: зачем же прусскому королю подвергать такому риску своего наиболее высокопоставленного сторонника при русском дворе?

Кто стоит за этими абсурдными обвинениями? Из современников императора, как правило, это сторонники и деятельные сподвижники его супруги по событиям 1762 года. Им, нарушившим присягу и поднявшим мятеж против своего законного государя,

необходимы были оправдание и обвинение царя в шпионаже — не более чем одно из таковых. Точно так же будут называть «германской шпионкой» императрицу Александру Федоровну революционеры 1917 года.

Но вот что интересно, если в отношении Петра Федоровича историкам не удалось найти никаких доказательств его «шпионской деятельности», то этого нельзя сказать в отношении его жены! Как уже упоминалось выше, вскоре после рождения сына великая княгиня тесно сблизилась с канцлером Бестужевым-Рюминым, а он привлек ее к переговорам с прибывшим в Петербург английским послом сэром Чарлзом Уильямсом. В это время Англия стремилась помешать русско-французскому сближению, а заодно приобрести и лишнее средство обеспечения безопасности Ганновера. Таким средством должен был стать договор о субсидиях, по которому Россия была обязана выставить 50-тысячный воинский контингент для защиты Ганновера, а взамен получать на регулярной основе британские деньги. Большим сторонником этого договора был канцлер А.П. Бестужев-Рюмин.

В ходе переговоров Екатерина добросовестно снабжала британского посла конфиденциальной политической информацией, наиболее ценными из которой были сведения о состоянии здоровья императрицы Елизаветы. Снабжала отнюдь не на бескорыстной основе — в 1756 году она получила из британской казны в общей сложности 54 тысячи рублей¹¹⁹.

В российских и британских архивах сохранилось достаточное количество писем Екатерины к Уильямсу — всего за два года великая княгиня написала их более 70. В них не только информация, но и планы, в том числе и планы государственного переворота в случае попытки Шуваловых отстранить великокняжескую чету от наследства. О самой же больной императрице Екатерина отзывалась предельно цинично, зло и некорректно:

«Она (императрица. — А.М.) не могла сказать трех слов без кашля и одышки, и если она не считает нас глухими и слепыми,

то нельзя было говорить, что она этими болезнями не страдает. Меня это прямо смешит».

«Вчера среди дня случились три головокружения или обморока. Она боится и сама очень пугается, плачет, огорчается, и когда спрашивают у нее отчего, она отвечает, что боится потерять зрение. Бывают моменты, когда она забывается и не узнает тех, которые окружают ее. Она, однако, волочится к столу, чтобы могли сказать, что видели ее, но в действительности ей очень плохо».

«Ох, этак колода! Она просто выводит нас из терпения! Умерла бы она скорее!»

Таким образом, факты свидетельствуют, что будущая императрица виновна в шпионаже в пользу иностранной державы, оскорблении ее величества, подготовке государственного переворота. Это вынуждены признать даже благожелательно относящиеся к Екатерине историки¹²⁰.

Что касается участия России в Семилетней войне, то, как и ее муж, великая княгиня была против конфликта с Пруссией. Однако, в отличие от него, предпочитала держать язык за зубами. Екатерина состояла в переписке с командующим русской армией генерал-фельдмаршалом Апраксиным и всеми силами поддерживала его в стремлении не воевать. После ареста полководца его переписка с великой княгиней частично попала в руки следователей. Арест Апраксина привел к падению его патрона — канцлера Бестужева-Рюмина и возбудил сильные подозрения императрицы в отношении Екатерины.

Канцлер был приговорен судом к смертной казни, которую императрица заменила высылкой в подмосковную деревню, а великой княгине пришлось выдержать весьма неприятный разговор с государыней, который, по сути, окончился ничем — императрица не имела на руках доказательств и в конечном итоге простила Екатерину.

Один из иностранных дипломатов писал в своем донесении, что в кульминационный момент встречи «Ее Императорское высо-

чество пала на колени перед императрицей и сказала, что, поелику имеет она несчастье, несмотря на свою невинность, навлечь на себя опалу и вместе с оной самые оскорбительные унижения, каковые вкупе с семейными ее неурядицами делают жизнь ее слишком уж тяжелой, ей остается только просить Ее Величество явить милость и отпустить на весь остаток дней обратно к матери...»¹²¹

Интересно, вспомнила ли Елизавета, глядя сверху вниз на стоящую на коленях Екатерину и слушая ее лицемерные уверения в невинности и клятвы, как сама два десятка лет назад также уверяла в своей невинности правительницу Анну Леопольдовну?

Впрочем, в отличие от предшественницы, императрица позаботилась о своей безопасности, арестовав Бестужева и некоторых его сторонников — ту политическую силу, на которую могла бы опереться великая княгиня. Потому и не стала жертвой очередного переворота, а мирно скончалась в своей постели 25 декабря 1761 года. Ее смерть стала прологом к финалу семейной драмы Петра и Екатерины.

Само восшествие на престол Петра Федоровича, ставшего императором Петром III, было знаменательным событием в истории XVIII века. Впервые с 1727 года власть сменилась не в результате государственного переворота или политических интриг, а обычным, изрядно подзабытым, законным порядком. Государем стал человек, имевший права на трон и по «Уставу о наследии престоа» Петра Великого, и по традиционному родовому праву. На трон вошел наследник, известный всей стране, ибо почти два десятка лет в каждом российском храме каждый день на литургии поминался «государь наследник великий князь Петр Федорович».

Наследство, полученное им от тетушки, нельзя было назвать легким и приятным. Страна была втянута в изнурительную для бюджета войну, финансы были расстроены, коррупция расцвела настолько пышно, что воспринималась уже как данность, проблемы, решение которых откладывалось почти все двадцатилетнее правление императрицы Елизаветы, становились все острее... Ко-

роче говоря, новый император не мог позволить себе постепенное вхождение в курс дела, от него требовались действия, и действия решительные.

И они не замедлили последовать. Рассматривая события первой половины 1762 года, поневоле проникаешься ощущением, что к штурвалу корабля российской государственности, отстранив рулевых, стал новый капитан, у которого уже был разработан новый курс.

В манифесте, оповещающем подданных о своем вступлении на престол, Петр III обещал «во всем следовать стопам премудрого государя, деда нашего императора Петра Великого»¹²². Ссылка на деда обусловлена двумя обстоятельствами.

Во-первых, слова «внук Петра Великого» были составной частью титулования наследника престола при императрице Елизавете. Так государыня подтверждала в сознании подданных права своего племянника на престол. Поэтому отсылка к памяти деда выглядит логичной и уместной.

Во-вторых, как мы помним из истории, Петр тоже пришел к власти после правления женщины, дочери царя, и совершил крутой поворот во всех сферах российской политики. Если вспомнить, что первый император не слишком ладил со своей первой супругой и вскоре после вступления на престол сослал ее в монастырь, то отсылка к памяти деда кажется уже не только риторической фигурой, но и намеком на определенную программу действий.

Деятельность нового императора показывает, что за двадцать лет своего пребывания в роли наследника престола он выработал некоторую программу или общие направления, которые и начал реализовывать, став во главе государства.

Одними из первых решений Петра III были сепаратный выход России из антипрусской коалиции и заключение с Фридрихом II перемирия, а потом и постоянного мира. К этому моменту Семилетняя война подходила к своему логическому концу. Франция проиграла морскую войну с Великобританией, а на европейском

театре военных действий так и не смогла одержать победу над армиями Пруссии и Ганновера. Финансовые и военные ресурсы страны были истощены, народ роптал и мечтал о мире.

Австрийская империя так и не смогла вернуть себе Силезию — самостоятельно победить армию Фридриха не удавалось и прежде, а расчет на помощь России и Франции не оправдался. К тому же ее армия понесла наиболее тяжелые потери (более 400 000), и продолжать войну просто не было сил.

Таким образом, к моменту вступления Петра Федоровича на русский престол вопрос стоял не столько о продолжении войны, сколько об условиях заключения мира. То, что предложил Санкт-Петербург, превосходило все самые оптимистичные ожидания Берлинского двора — Россия прекращала войну «без аннексий и контрибуций» и, более того, возвращала Пруссии захваченные у нее восточнопруссские земли.

Последнее обстоятельство часто используют для обвинения русского императора в предательстве национальных интересов России. После того как Восточная Пруссия в 1945 году вошла в состав СССР в качестве Калининградской области, это обвинение в глазах обывателей стало особенно значимым. Однако, как уже упоминалось выше, изначально в планах русского правительства не было намерений оставлять эти земли за собой. Правительство Елизаветы Петровны планировало использовать их для обмена с Речью Посполитой и получить Курляндию или территории на Украине. Удерживать за собой «Кенигсбергскую губернию», отрезанную от основной территории Российской империи курляндскими и литовскими землями с нелояльным немецким населением, обладание которыми не сулило нашей стране каких-либо геополитических выгод, никто не собирался. Эти земли предназначались для дипломатического торга, и Петр III всего лишь поменял в этой сделке партнера. Была ли эта сделка выгодна России? Вопрос далеко не однозначный — его следует рассматривать в рамках «кильского проекта» императора, о кото-

ром речь пойдет ниже. Его реализации, в свою очередь, помешал переворот 1762 года, поэтому, продешевил русский царь или нет, сейчас уже не разобраться.

В публицистических и некоторых исторических сочинениях можно встретить мнение, что условия мира с Пруссией вызвали живейшее возмущение при иностранных дворах и в России. Возмущение Парижа и Вены можно понять, хотя они сами обдумывали условия сепаратного мира с Фридрихом Великим, но почему Россия должна обращать внимание на их позицию?

Другое дело — настроения российского общества. Но опять же и здесь не все так просто. Среди низов дорогостоящая война с непонятной целью популярностью не пользовалась. Что касается элиты, то наибольшее возмущение должны были испытывать генералы русской армии в Германии. Ведь император отказывался от плодов именно их побед. Но странное дело. Оба русских командующих — и Петр Александрович Румянцев, и Захарий Григорьевич Чернышев — до последнего момента сохраняли верность Петру III, почему и были смещены со своих постов Екатериной II сразу же после вступлении на престол. Императрице потом стоило немалых трудов вернуть к активной военной службе первого, а второй на долгие годы стал одним из лидеров скрытой дворянской фронды.

Забывают также и еще об одном обстоятельстве — Франция и ее союзники Семилетнюю войну проиграли, Англия и ее союзники (в том числе Пруссия) выиграли. Внезапным следствием крутого внешнеполитического поворота России стал ее переход из побежденной коалиции в ряды победителей.

Впрочем, мир с Пруссией был для императора не целью, а средством реализации его собственного внешнеполитического замысла, известного как Кильский проект. Обычно его рассматривают как свидетельство ограниченности Петра III, его стремления подчинить интересы России интересам его маленького голштинского герцогства, заставить русских солдат проливать кровь ради

своего мелкого самолюбия. В реальности же все обстояло гораздо сложнее. Политика Петра Федоровича строилась на тесном увязывании интересов России и Голштинии, взаимовыгодном для обеих сторон.

Киль. Для любого любителя военно-морской истории это название стоит в одном ряду с такими знаменитыми военными портами, как Розайт и Скапа-Флоу в Великобритании, Норфолк в Соединенных Штатах, Брест и Тулон во Франции, Кронштадт и Севастополь в России. Киль — колыбель германского флота и одна из лучших военно-морских гаваней на Балтике. Обладание этим портом открывало колоссальные возможности и в корне меняло расклад сил в Балтийском регионе. Вот какой приз лежал на кону для Российской империи!

И тут самое время вспомнить, что впервые интерес к Голштинии и ее столице проявил создатель русского флота Петр Великий. Именно в этом заключался один из главных резонансов, убедивших его отдать свою дочь за изгнанника с берегов Балтики. Царь мечтал «ногою твердой стать при море», но все российские гавани — Петербург, Ревель и Рига — в зимнее время скованы льдом. А Кильский порт не замерзает и в самые лютые зимы. В 1727 году Россия пыталась решить вопрос о Шлезвиге в пользу Голштинии, не забывая при этом о себе. Лишь угроза войны с Великобританией и Швецией заставила правительство Екатерины I отказаться от этих планов. Но о них не забыли.

Момент для их реализации в 1762 году был исключительно удачным — ведущие европейские державы, ослабленные Семилетней войной, вряд ли могли бы серьезно вмешаться в конфликт между Россией и Данией. Пруссия, согласно заключенному союзному договору, не только признавала права Голштинского дома на Шлезвиг, но и обязывалась выставить двадцатитысячный военный контингент в случае, если дело дойдет до войны.

Основу русских войск, которые планировалось привлечь к этой операции, должны были составить корпуса Чернышева и

Румянцева, задержавшиеся в Германии после выхода России из войны в качестве союзных для прусского короля. Также предполагалось задействовать гвардию, посадив ее на корабли Балтийского флота в качестве десанта.

При таком раскладе сил до реальных боевых действий дело, скорее всего, не дошло бы — Дания приняла бы российский ультиматум и уступила бы Шлезвиг-Голштинскому дому.

Как бы изменилась политика России, при условии обладания ею одной из ключевых стратегических позиций в Западной Балтике, сказать сложно. Если бы проект Петра III имел успех, Российская империя получила бы пусть изолированный, но плацдарм для вмешательства в германские дела, а русский флот, базируясь в Киле, заметно усиливал бы свое значение. Неизвестно, правда, как долго сохранилось бы такое положение вещей — Англии, как мы знаем из истории, так и не удалось удержать за собой Ганновер. Процесс объединения Германии в единое государство был объективным историческим процессом, и остановить его не удалось бы даже такой державе, как Российская империя. Но в любом случае нельзя говорить о том, что, готовясь вернуть себе Шлезвиг, Петр III действовал исключительно в узких голштинских интересах. Его проект открывал красивую, хотя и отягощенную многими рисками альтернативу для внешней политики и стратегии России в Европе.

Преобразования Петра III в области внутренней политики и отношение к ним русского общества лучше всего описал французский дипломат Фавье в 1761 году: «Погруженные в роскошь и бездействие, придворные страшатся времени, когда ими будет управлять государь, одинаково суровый к самому себе и к другим»¹²³.

Насколько эти слова были справедливы? Выше уже упоминалось, что, как государь, вступивший на престол на законных основаниях, Петр мог быть более уверен в своих силах, чем его предшественницы, но был ли он таким? Был ли он на самом деле «государем, суровым к самому себе»? Факты свидетельствуют об

изрядном трудолюбии молодого царя. «Полное собрание законов Российской империи» за 186 дней его правления зафиксировало 192 законодательных акта, подписанных лично государем, — манифесты, именные и сенатские указы, резолюции и т. д. Более чем по одному в день! В реальности таких документов было еще больше — в собрание законов не вошли указы о присвоении чинов, о денежных выплатах, некоторых конкретных вопросах, а также устные распоряжения императора (в Российской империи они также имели силу). Свой последний указ Петр III подписал в Ораниенбауме 28 июня 1762 года. В столице уже вовсю бунтовала гвардия, а царь, еще ничего не знавший об этом, подписал указ об отмене отсрочек по банковским ссудам вплоть до нового указа, которого по понятным причинам так и не последовало¹²⁴. А ведь помимо законодательной деятельности была еще и дипломатическая, и инспекционные поездки государя, смотры войск и т. д. Таким образом, первые полгода своего правления Петр Федорович провел в трудах и заботах. Был ли он «суровым к себе», нам неизвестно, но трудолюбия и усердия ему было не занимать.

Что касается «суровости к другим», то здесь мы видим скорее не суровость, а требовательность. Подражая своему деду, а вернее — его идеальному образу, который в то время уже начал складываться, новый император решил подтянуть дисциплину государственных служащих и начал с самого верха.

7 февраля 1762 года в восемь часов утра государь неожиданно появился в Сенате и застал там только нескольких сонных канцеляристов. Спешно собранным сенаторам было сделано царское внушение на предмет более тщательного выполнения своих обязанностей. Впрочем, никаких наказаний не последовало — Петр Федорович был милостив, в ссылку никого не отправил и даже говорил тоном нестрогим.

Из числа указов, принятых за полгода правления третьего императора, наиболее известными и наиболее значимыми являются три:

1. Указ об упразднении Тайной канцелярии от 16 февраля 1762 года.

2. Манифест «О даровании вольности и свободы всему российскому дворянству» от 18 февраля 1762 года.

3. Серия указов о раскольниках и церковных делах, принятых в феврале 1762 года.

Говоря о первом из перечисленных указов, иные публицисты и авторы художественных произведений приводят его как пример глупости императора — вот, мол, разогнал собственные органы безопасности, за что и поплатился. В основе такого мнения лежит ложное, но весьма укоренившееся в обществе представление о Тайной канцелярии как о некоей предтече органов государственной безопасности. Характерным примером такого подхода являются многочисленные исследования по истории органов государственной безопасности в России, авторы которых в историческую часть непременно включают рассказы об опричниках Ивана Грозного, Приказе тайных дел Алексея Михайловича, Преображенском приказе Петра Великого и, конечно, Тайной канцелярии. Видимо, историков в этой сфере несколько смущает факт, что государство Российское существует больше тысячи лет, а органам госбезопасности нет еще и сотни. Вот и пытаются удревнить историю.

В реальности Тайная канцелярия и по характеру своей деятельности, и по назначению имела мало общего со сферой госбезопасности. Первоначально этот орган возник в 1718 году для розыска по делу царевича Алексея, а вернее — для фабрикация этого самого дела (о чем подробно говорилось в первой главе). То есть изначально это был исключительно следственный орган. После успешного окончания дела царевича, созданная изначально как временная структура, Тайная канцелярия сохранилась как орган уже следственно-судебный, то есть наделенный правом не только проводить расследования, но и выносить приговоры. Полномочия канцелярии распространялись исключительно на два пункта обвинений — злоумышление на особу государя-императора и подстре-

кательство к бунту и мятежу*. Основанием для возбуждения дел служили доносы — «Слово и дело» государево или указание свыше. Основной прием следствия — допросы с применением пыток. Важно отметить, что ни одного заговора за всю историю своего существования Тайная канцелярия не раскрыла (хотя некоторые раскрытые расследовала), ни одного дворцового переворота (а их было целых три за время ее существования) не предотвратила.

В Указе Петра III об упразднении Тайной канцелярии говорилось, что «тогдашних времен обстоятельства» и «неисправленные в народе нравы» вынудили Петра Великого прибегнуть к ее созданию. С тех пор нравы народа российского, по мнению государя, изменились в лучшую сторону и надобность в особом порядке следствия отпала.

Более того, по мнению государя, сам факт существования упрощенной формы доноса «Слово и дело», а также особого порядка следствия по таким доносам развращающее действовал на общество, ибо «злым, подлым и бездельным людям подавала способ или ложными затеями протягивать в даль заслуженные ими казни и наказания, или же зlostнейшими клеветами обносит своих начальников или неприятелей»¹²⁵.

Отныне грозная формулировка «Слово и дело» отменялась, более того, ее употребление наказывалось. Обязанность доносить о готовящихся преступлениях против особы государя с подданных не снималась, но рассматривались такие доносы теперь обычными органами правосудия.

Итак, Указ об упразднении Тайной канцелярии имел двойной смысл — он ликвидировал чрезвычайный институт в системе российского правосудия** и взывал к нравственным чувствам подданных.

* В 1727 году Тайная канцелярия была закрыта, а ее основатель и руководитель П.А. Толстой сослан на Соловки. Однако уже в 1731 году работа этого учреждения была возобновлена.

** Тайная канцелярия уцелела после 1718 года не потому, что в ней была острая необходимость. Более важную роль сыграло стремление ее чиновников сохранить за собой особый статус. Опубликовано во второй половине XIX века (переиздано

Манифест «О даровании вольности и свободы всему российскому дворянству» по сей день вызывает споры среди историков и публицистов. Иные видят в нем причину гибели российского благородного сословия, иные — начало гражданского общества в России. Поскольку вопрос несколько запутан, попробуем его прояснить. В некоторых книгах можно встретить утверждение, что Петр I обязал дворянское сословие пожизненной службой государству, а внук его от этой обязанности их освободил. На самом деле обязательная служба с самого начала была неотъемлемым признаком дворянского сословия, а вернее, многочисленных групп, которые его образовывали — детей боярских, собственно дворян, бояр. В начале XVIII века изменился не характер отношений служилого сословия и государства, а форма регламентации этих отношений. Все слои служилого сословия были объединены в один, за которым закрепилось название «шляхетство», или по-русски — дворянство, а обязательность службы была закреплена единым для всех законодательным актом.

Важно отметить, что, в отличие от екатерининской «Жалованной грамоты дворянству», указ Петра III не отрицает саму идею обязательности службы дворянства, а говорит лишь об отсутствии необходимости принуждать дворян к этой службе:

«Мы надеемся, что все благородное российское дворянство, чувствуя толикие наши к ним и потомкам их щедроты, по своей к нам всеподданнической верности и усердию побуждены будут не удаляться, ниже укрываться от службы, но с ревностью и желанием в оную вступать, и честным и незазорным образом оную по крайней возможности продолжать»¹²⁶.

репринтным способом в 1991 году) исследование М.И. Семевского «Слово и дело», посвященное деятельности Тайной канцелярии в 1718–1725 годах, показывает, сколь незначительными были доносы и преступления, которые она расследовала. Тут и спор двух мешанок, и ругань по пьяному делу в кабаке, и фантазии матроса... Каждый из этих случаев был расследован со всей тщательностью, хотя никакой реальной угрозы в них не было (подробнее см.: Семевский М.И. Слово и дело. М., 1991 (репринт издания 1884 года).

Таким образом, манифест закладывал, а вернее, формулировал на новом уровне идеологию отношения благородного сословия к государственной службе. О чем идет речь? Чтобы прояснить этот вопрос, сделаем небольшое отступление от рассматриваемого нами периода, и рассмотрим, как вообще складывались отношения государя и подданных в российской монархии.

Статья 4 Основных государственных законов Российской империи, принятых в 1906 году, содержала в себе следующее утверждение:

«Императору Всероссийскому принадлежит Верховная Самодержавная Власть.

Повиноваться власти Его не только за страх, но и за совесть Сам Бог повелевает».

Что такое «повиноваться за страх» современному читателю, в общем, понятно, так как этот же принцип используется и сейчас — под «страхом» подразумевается юридически зафиксированное наказание за неповиновение. Конечно, составители документов 1906 года имели в виду в первую очередь страх Божий, а не страх перед законом. Но как следует из приведенной выше законодательной формулировки, повиновение за страх — то есть под угрозой юридической ответственности, носит явно вторичный характер перед «повиновением за совесть». А что значит повиноваться за совесть?

В современном нам мире понятие «совесть» рассматривается исключительно как применимое к индивидуальной жизни человека. Мы не встретим упоминания слова «совесть» ни в юридических актах, ни в каких-либо нормативных документах. Понятие «совесть» вытеснено из политической и общественной жизни. Однако, как мы видим, в монархическом государстве дело обстояло совсем другим образом и на совести подданных держалось весьма многое.

Прежде чем рассмотреть, в чем причина такого внимания, уделяемого законодателем этому человеческому качеству, попробуем разобраться с вопросом: а что же такое совесть?

Слово «совесть» принадлежит к одному из тех часто употребляемых слов, значение которых, казалось бы, очевидно, то есть понятно всем и каждому. Однако, как это часто бывает при постоянном употреблении, подлинный смысл слова теряется, заслоняется и иногда меняется на противоположный.

Обратив еще раз внимание на приведенную нами формулировку закона, мы увидим, что слово «совесть» рассматривается в законе в религиозном контексте — сам Бог повелевает, а потому возьмем за основу определение понятия «совесть», принятое в православном вероучении.

Живший в конце VI — начале VII века православный подвижник Авва Дорофей так отвечал на вопрос, что такое совесть:

«Когда Бог сотворил человека, то он всеял в него нечто божественное, как бы некоторый помысл, имеющий в себе, подобно искре, и свет, и теплоту; помысл, который просвещает ум и показывает ему, что доброе и что злое: сие называется совестью, а она есть нравственный закон»¹²⁷.

Много веков спустя немецкий философ Иммануил Кант скажет: «Две вещи поражают меня — звездное небо над головой и великий нравственный закон внутри нас». И на основании этого нравственного закона, который мы называем совестью, сформулирует свое знаменитое доказательство бытия Божия.

Таким образом, православное определение совести — голос Божий в человеке, орган сознания, которым человек определяет соответствие своих поступков нравственному закону.

Таким образом, повиновение за совесть позволяет государю надеяться на исполнение своих решений даже в случае отсутствия или слабости аппарата насилия, который обычно обеспечивает «повиновение за страх». За совестливым человеком нет необходимости нависать с угрозой наказания — он выполнит предписанное ему, исходя из чувства долга, причем долга религиозного

Повиновение за совесть включает в себя и такой важный аспект, как инициатива подданных в исполнении решения вла-

сти. Причем речь здесь идет не только об энтузиазме или уровне отношения к делу (хотя и эти факторы имеют место быть), нет, речь идет прежде всего о стремлении выполнить порученное с максимальным качеством, так, чтобы не только контролирующие органы, но и самого себя не в чем было упрекнуть. Приехавшего ревизора, да что там ревизора — и самого государя можно обмануть, а вот обмануть собственную совесть — никогда.

Но повиновение государю за совесть включает в себя и еще один важный момент — это механизм своеобразного контроля подданных за деятельностью правителя: невозможно требовать от человека, чтобы он «за совесть» выполнял распоряжения, противные этой совести. Безусловно, аппарат насилия в руках высшей власти позволяет осуществить такое решение, обеспечив ему «повиновение за страх», но эффективность такого действия будет значительно меньше, чем обычного, даже если не учитывать ущерб, нанесенный отношению подданных к монарху. Именно поэтому монарх не до конца свободен в принятии своих решений, а должен сверять их с собственной совестью. В свое время мадам де Сталь заявила Александру I: «Ваш характер, государь, является лучшей конституцией для России, а гарантом этой конституции является ваша совесть». Точнее и не скажешь.

Служба дворянства — частный, но наиболее наглядный пример повиновения подданных своему государю. Петр Великий, столкнувшись с ситуацией, когда значительная часть дворянства не одобряла его деятельность, был вынужден сделать ставку на «повиновение за страх», его внук пытался воззвать к благородству дворянства, напомнить ему, что оно не зря называется благородным сословием. А заодно подтвердить всем, что русский государь не столько заставляет подданных повиноваться себе и служить ему, сколько принимает это повиновение и службу на добровольном начале.

А.С. Мыльников приводит интересную подробность — после того, как Петр III объявил в Сенате о своем намерении освободи-

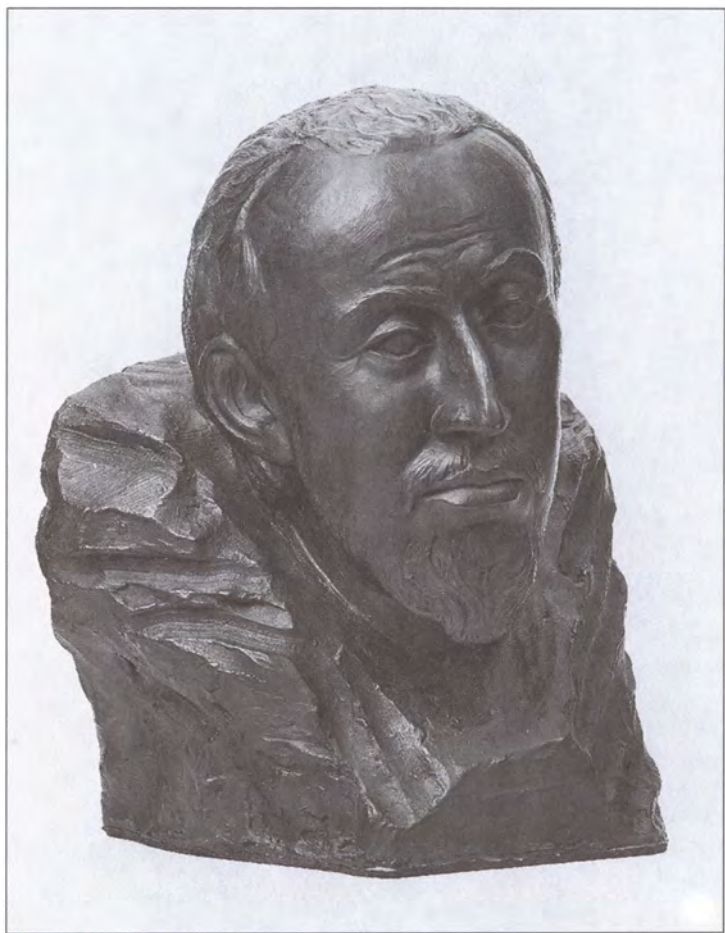
Иоанн Грозный и его сын Иван. Художник И.Е. Репин

Иоанн Грозный у тела убитого сына. Художник В.Г. Шварц

*Иоанн Грозный у тела убитого им сына.
Художник Н.С. Шустов*

*Фёдор Иоаннович.
Антропологическая реконструкция*

Царевич Димитрий. Икона XVII в.

*Убийство царевича Димитрия.
Роспись церкви Царевича Димитрия «на Крови»*

Стрелецкий бунт. Художник Н.Д. Дмитриев-Оренбургский

Приезд царей Петра и Иоанна. Художник И.Е. Репин

*Царевич Алексей Петрович.
Художник И.-Г. Таннауэр*

*Шарлотта Христина
София Вольфенбюттельская.
Художник И.П. Людден*

*Петр I допрашивает Царевича Алексея Петровича в Петергофе.
Художник Н.Н. Ге*

*Портрет цесаревича Петра Фёдоровича
и великой княгини Екатерины Алексеевны. Художник Г. Гроот*

*Граф К.Г. Разумовский
Художник Г.Ф. Шмидт*

*Граф Н.П. Панин.
Художник Ж.-Л. Вуаль*

*Великий князь Павел Петрович.
Художник А.П. Антропов*

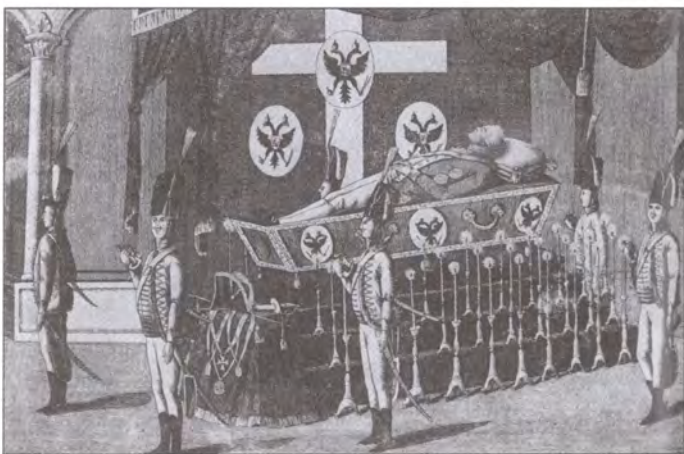
*Император Павел I.
Неизвестный художник*

*Император Павел I с семьей в Павловском парке.
Художник Г.-Ф. фон Кюгельген*

Михайловский замок. Художник Дж. Кваренги

*Почетный караул над телом Павла I.
Неизвестный художник*

Граф П.А. фон дер Пален. Неизвестный художник

Император Александр I. Художник В.Г. Голике

*Великие князья Александр и Константин Павловичи.
Неизвестный художник*

[illegible]

*Роспись государственным преступникам,
приговором Верховного Уголовного суда осуждаемых
к разным казням и наказаниям. 13 июля 1826 г.*

*Восстание на Сенатской площади 14 декабря 1825 г.
Художник К.И. Кольман*

*Император Николай I на коне.
Художник В.Ф. Тимм*

дить дворян от обязательной государственной службы, сенаторы вознамерились в благодарность воздвигнуть золотую статую императору. Государь ответил: «Сенат может дать золоту лучшее назначение, а я своим царствованием надеюсь воздвигнуть более долговечный памятник в сердцах своих подданных»¹²⁸.

В феврале 1762 года были приняты несколько указов, касающихся положения старообрядцев. Это были Именной указ Сенату «О сочинении особого положения для раскольников, которые, удаляясь за границу, пожелают возвратиться в отечество, с тем, чтобы им в отправлении закона по их обыкновению и старопечатным книгам возбранения не было»; Сенатские указы от 1 февраля «О прекращении исследований о самозажигателях», от 7 февраля «О защите раскольников от чинимых им обид и притеснений и о взносе ими за раскол денег прямо в Раскольническую контору, не в Губернские Канцелярии», а также Манифест от 28 февраля «О продолжении срока для возвращения в Россию бежавших в Польшу, Литву и Курляндию разного звания людей»¹²⁹.

А.С. Мыльников полагал, что комплекс этих указов фактически провозглашает свободу совести в России, законодательно закрепляя религиозную веротерпимость¹³⁰. Однако веротерпимость в России существовала и раньше. Когда войска первого русского царя Ивана IV сокрушили стены Казани и присоединили бывшее ханство к владениям России, его подданным было дозволено сохранить свою веру. Никто их не гнал бердышами в Волгу принимать святое крещение. Никто не принуждал жителей Сибири, горских князей, народы Приамурья и прочих принимать крещение. Проповедовали — да, миссионерская деятельность была, но принуждения к принятию веры не было. Иностранцам на русской службе также дозволялось оставаться в своей вере, более того, на территории Немецкой слободы им разрешалось построить кирху — протестантский храм.

Единственным исключением были старообрядцы. В отношении к ним со стороны государства тесно переплелись как

религиозные, так и политические мотивы. Отрицая истинность официальной Церкви, сторонники старой веры тем самым ставили под сомнение весь комплекс не только церковных, но и государственных отношений, так как все они строились на основе религиозной присяги. К тому же старообрядчество представляло наибольшую опасность для Православной Церкви как альтернативное верование. Случаи отпадения от Православия в другие религии — ислам, буддизм, язычество или инославие — протестантизм, католицизм — были весьма редкими. Другое дело — старая вера. Ведь, с точки зрения официальной Церкви, старообрядцы были даже не еретиками, а лишь раскольниками. Среди староверов было немало умелых проповедников и людей подлинно благочестивых, и число уклоняющихся в раскол в конце XVII — начале XVIII века заметно возросло. Свою роль тут сыграла и церковная политика первого императора.

Борьба со старообрядцами велась самыми разными методами — от жестких и репрессивных до нетривиальных вроде фабрики фальшивых исторических свидетельств*, были и попытки мирного воздействия на «заблудшие души».

Спасаясь от преследований, старообрядцы тысячами бежали в глухие районы страны и за границу — в Османскую империю, Речь Посполитую, Персию и даже в Китай! Масштабы этой вынужденной миграции достигали, по некоторым оценкам, 900 тысяч человек, изрядная часть из которых нашла убежище за границей. Неудивительно, что правительство стремилось не только сокра-

* В 1711 году в полемике со старообрядцами архимандрит Успенского монастыря на Белбаше и Керже Питирим, действовавший по личному царскому распоряжению, использовал некую древнюю рукопись — Постановление церковного собора, будто бы состоявшегося в Киеве в 1157 году, об осуждении некоего еретика Мартына, проповедовавшего отмененные никоновской реформой обряды. Впоследствии была представлена и сама рукопись. Вожди старообрядцев сумели достаточно квалифицированно провести ее экспертизу и доказать, что так называемое Соборное деяние является фальшивкой. Их выводы подтвердили и современные историки (подробнее см.: *Козлов В.П. Тайны фальсификаций*. М.: Аспект-пресс. С. 22 и далее).

тить число бежавших, но и возвратить беглецов на родину. А это, в свою очередь, требовало пересмотра политики в отношении старообрядчества. Государственная власть признала его за еще одну российскую конфессию: «И иноверные, яко магометане и идолопоклонники, состоят, а те раскольники — христиане, точию в едином застарелом суеверии и упрямстве состоят, что отвращать должно не принуждением и огорчением их, от которого они, бегая за границу, в том же состоянии множественным числом проживают бесполезно».

Другой важный указ Петра III касался характера управления имуществом Русской Православной Церкви. Этот указ обычно подается в контексте планов императора по реформированию Церкви. Однако логичнее рассматривать его в контексте церковно-государственных имущественных отношений, проследив их историю с момента принятия Русью христианства.

Создавая церковную организацию на Руси, князь Владимир должен был решить вопрос и о ее материальном обеспечении. Решил он его обычным для того времени способом — наделив землями «со крестьяны». Так было положено начало церковному имуществу. Владения Церкви включали в себя владения и ее субъектов — митрополита (потом патриарха), монастырей, храмов и отдельных священнослужителей. В их отношении был установлен особый правовой статус. Так, жители церковных вотчин не платили общегосударственные налоги, подлежали суду не князя, а митрополита (за исключением уголовного права) и т. д. Этот статус поддерживали не только русские князья, но ханы Золотой Орды. Постепенно земельные владения Церкви увеличивались за счет пожалований от княжеской власти, завещания земель, приобретения и т. д.

После образования единого русского централизованного государства вопрос о церковном имуществе привлек к себе острое внимание со стороны великокняжеской власти. Дело в том, что правительство отчаянно нуждалось в населенных землях, которые

можно было использовать для обеспечения вооруженной силы государства — дворянства. Богатые церковные вотчины выглядели особенно привлекательно, потому что имели уже устроенное хозяйство и были населены трудолюбивыми крестьянами.

Впрочем, на протяжении XVI века государство лишь ограничило дальнейший рост церковных владений, приняв меры, исключавшие переход земель феодалов Церкви. (Закон воспрещал продажу и завещание вотчин в пользу монастырей.) Свою роль сыграл и расширение территории Русского государства, несколько снизившее остроту земельной проблемы.

Ситуация изменилась в следующем столетии. После Смутного времени правительство отчаянно нуждалась в деньгах, а дворяне — в верности своих крепостных. Между тем церковные земли, занимавшие, по некоторым оценкам, до трети обрабатываемых земель, были освобождены от значительной части государственного налогообложения и предоставляли крестьянам куда более выгодные условия для хозяйствования. Дворяне жаловались, что управляющие монастырских вотчин просто сманивают крестьян из поместий. Осложняла ситуацию и неподсудность церковных земель светскому гражданскому суду, что превращало любые судебные тяжбы в бесконечную волокиту.

Разрешить проблему попытались в 1649 году с принятием нового основополагающего документа русского права — Соборного уложения. Его создатели, по словам русского церковного историка А.В. Карташева, «осуществили целый идейный переворот. Они провели на деле юридический принцип монополии государства на власть над всей своей территорией. Государство — владелец территории. Источник земельного имущественного права — в пожалованиях государственной власти. И лишь через государство разные категории его слуг и его населения получают право пользования и распоряжения землями»¹³¹. Церковное учреждение по управлению имуществами — Монастырский приказ — преобразовывалось в государственный орган. На земельные владения

Церкви распространились государственное налогообложение и правосудие.

Естественно, что подобные меры вызвали недовольство высшего духовенства. Патриарх Никон Уложение 1649 года иначе как «проклятой книгой» не называл. Но и поделаться с ним ничего не смог. Но в 1666 году Монастырский приказ был упразднен — это была цена, которую заплатил царь Алексей Михайлович за то, что высшие иерархи Церкви поддерживали его в споре с патриархом Никоном.

В 1702 году, после смерти последнего патриарха Андриана, Петр Алексеевич возобновил деятельность Монастырского приказа. Царь отчаянно нуждался в средствах на свои преобразования и войны, а церковные земли полагал «втуне гибнущими», то есть пропадающими без всякой пользы. К тому же он задумал провести реформу церковного управления и хотел лишить Церковь самостоятельных источников финансирования.

Однако уже в 1720 году Монастырский приказ был в очередной раз упразднен (на этот раз навсегда), а церковные владения возвращены Церкви. Дело в том, что коррумпированные петровские чиновники управляли бывшими церковными землями гораздо хуже, чем их прежние владельцы, и доходы казны, вместо того чтобы возрастать, стали падать. Деньги для царя были важнее, и он переиграл все обратно.

В первой половине XVIII века ситуация изменилась — экономическая коллегия Синода периодически оказывалась неспособной внести в казну причитающиеся с нее средства.

В 1757 году императрица Елизавета принимает указ, которым передает управление церковными землями назначенным Сенатом чиновникам из числа отставных офицеров. Казалось, вопрос решен окончательно, но в 1760 году действие указа было приостановлено — Синод добился его отмены, обязавшись выделять каждый год не менее 300 000 рублей на нужды увечных воинов.

Таким образом, к моменту прихода к власти Петра Федоровича вопрос о церковной собственности давно уже решался и все никак не мог решиться окончательно. Молодой император решил его радикально: согласно его указу, церковные земли переводились под управление специально созданного государственного органа — Экономической коллегии. Населявшие их крестьяне освобождались от всех обязательств в пользу своих бывших хозяев, а их статус приравнивался к статусу государственных крестьян. Они также должны были платить по одному рублю с мужской души в год — средства с этого сбора должны были пойти на содержание Церкви. В дальнейшем предполагалось распространить этот сбор и на всех государственных крестьян.

Для нашей темы важно, что реформа управления церковным имуществом, предпринятая Петром III, не была проявлением некоей нелюбви императора к Русской Церкви, а продолжением политики русских царей, которую начал еще его прадед — Алексей Михайлович.

Выше уже говорилось об отношении императора к Православию. Нет никаких документальных свидетельств, говорящих о том, что после взошествия на престол оно как-то изменилось. После переворота 1762 года Екатерина обвинила мужа во всех смертных грехах, в том числе и в том, что «закон наш Православный Греческий перво всего возчувствовал свое потрясение и истребление своих преданий церковных, так что Церковь Наша Греческая крайне уже подверженной оставалась последней своей опасности переменою древнего в России Православия и принятием иноверного закона»¹³².

Ничем не подтверждаются слухи о намерении переодеть духовенство в немецкое платье, а из храмов вынести все иконы, кроме образа Спаса и Богородицы. Более того, даже источник этих слухов найти затруднительно. Чем можно их опровергнуть? Пожалуй, лучшим ответом будет то, что мы уже знаем о Петре Федоровиче. Ведь проект такой реформы не мог родиться на пу-

стом месте. Государь либо сам должен был обдумать его, либо воспользоваться чьими-то советами. Но документы не подтверждают интереса Петра III к вопросам религии. И среди его советников мы не видим никого, кто занимался бы подобной проблематикой. Более того, приведенные выше указы императора по отношению к старообрядцам говорят совсем о другом. Сложно представить, чтобы царь, который призывал «не принуждением исправлять» «застарелые суеверия» раскольников, готовился одновременно радикально исправлять религию большинства.

Историки, описывая реформаторскую и государственную деятельность Петра III, обычно делают оговорку: да, законы и указы важные, но это работа не самого императора, а его помощников. Сам царь-де равнодушно относился к государственным делам. К.А. Писаренко высказал даже такое мнение: императрица Елизавета, чтобы облегчить первые шаги племянника на престоле, «сформировала хорошую дееспособную команду помощников, которым надлежало взять на себя заботы о сохранении в Российском государстве стабильности»¹³³. Не понятно только одно: что же мешало всем этим талантливым людям произвести столь необходимые для страны преобразования раньше — во времена правления «дщери Петровой»? Хотя значительная часть работы по подготовке приведенных выше и иных законодательных актов лежала на плечах помощников и советников императора, но политическая воля, необходимая для реализации предложений и воплощения их в законодательных актах, могла исходить только от государя. Петр Федорович был достойным внуком своего деда, он действительно был русским императором, а не казался им.

Впрочем, этот тезис указывает на важную особенность государственной деятельности Петра Федоровича — она логично продолжала деяния его предшественниц на троне, а значит, не должна была быть воспринята обществом как нечто радикально новое и не могла вызвать общественное возмущение. А значит, искать причину заговора против императора надо не только в его

политике, но и в личных отношениях и прежде всего в отношениях с супругой.

Во многих мемуарных и исторических работах можно встретить утверждение, что, получив власть, император задумал избавиться от жены, заточив ее в крепость, а сына объявить бастардом и тоже сослать¹³⁴. Как обычно, никаких документальных свидетельств о наличии у императора подобных намерений не существует. Все основано на слухах, которые не могли не распускать сторонники Екатерины после переворота. А что было на самом деле?

Действительно, к 1762 году от доверия, которое питал некогда Петр Федорович к своей супруге, не осталось и следа. Так что мешало внуку пойти по стопам великого деда и развестись с женой, обвинив ее в супружеской неверности, чему было множество доказательств? Мешало то, что по своему рождению и воспитанию внук сильно отличался от деда. Петр III был воспитан как типичный европейский аристократ XVIII века, и, следовательно, к вопросу семьи и брака он относился так, как это было принято в Европе. А для европейских дворов того времени характерно четкое разделение личных чувств и семейной жизни. На семью в эту эпоху смотрят как на долг перед династией и средство политики. Свадьбами скрепляются политические союзы, при этом личные чувства жениха и невесты в расчет часто и вовсе не принимаются. Главное, что требовалось от семейной пары, — выполнить свой долг перед династией — произвести на свет наследника. Поскольку «жить без любви на свете очень сложно», а принцип «стерпится — слюбится» работал далеко не всегда, появился институт фавориток (и фаворитов) — официально признанных любовниц и любовников. Во Франции, которая была в этом вопросе впереди Европы всей, фаворитка короля даже имела официальный статус — *Maitresse en titre*. При таком состоянии нравов разводы были событием весьма редким, чрезвычайным, почти всегда связанным с политикой.

Приняв это к сведению, легко представить, как выглядела семейная ситуация с точки зрения Петра Федоровича. Он знал,

что у его жены есть любовники, более того, как-то раз устроил совместный ужин, на котором присутствовали он сам, Екатерина, любовница Петра Елизавета Воронцова и любовник Екатерины Станислав Понятовский¹³⁵. Все как в куртуазном французском романе. Кстати, кумир Петра, Фридрих Великий, также едва поддерживал отношения со своей официальной супругой, предпочитая ей любовниц, а по некоторым сведениям, и любовников. Но при этом, хотя королева Елизавета-Христина была бесплодной, о разводе речь не шла.

Поэтому Петру и в голову не могла прийти мысль о разводе с Екатериной и женитьбе на Елизавете Воронцовой. Приписываемое ему намерение заточить жену еще более нелепо — в случае, если бы развод действительно бы имел место, Екатерина не представляла бы для Петра никакой угрозы и была бы, скорее всего, просто вышвырнута из России.

Что касается отношения к сыну, то некоторые историки усматривают колебания Петра Федоровича в вопросе признания его своим наследником после вступления на престол. Действительно, в прилагаемой к манифесту о вступлении государя на престол форме присяги на верность присутствует весьма обтекаемая формулировка: подданные клялись в верности императору и «по высочайшей его воле избираемым и определяемым наследникам»¹³⁶.

Что стояло за этой формулировкой? Простое следование «Уставу о наследии престола» Петра Великого или сомнения государя в отношении собственного сына? Однако уже через два дня в указе, определяющем форму церковного возглашения царской фамилии, читаем:

«О Благодетельнейшем, Самодержавнейшем Великом Государе нашем, Императоре Петре Федоровиче всея России, и о Благодетельнейшей Великой Государыне нашей Императрице Екатерине Алексеевне, и о Благоверном Государе Цесаревиче и Великом Князе Павле Петровиче...»¹³⁷

Здесь Павел не просто назван наследником, но и для него введен специальный, не употреблявшийся ранее в России титул — государь цесаревич. То есть если сомнения у Петра Федоровича и были, то продолжались они весьма недолго, а, скорее всего, в первом манифесте просто использовали стандартную формулировку.

Но если дело обстояло так и в планы императора не входила перемена положения жены и сына, то что сподвигло Екатерину принять деятельное участие в заговоре против царственного супруга? Очевидно, императрицу не устраивало положение просто супруги государя, она хотела участвовать в политике, и не просто участвовать, а играть в ней ведущую роль. Но путь для этого был ею же самой для себя закрыт. Закрыт в тот момент, когда молодая принцесса приняла осознанное решение оставаться равнодушной к собственному мужу.

Удивительно, но Екатерина, про которую так часто пишут, что она умела очаровывать и располагать к себе людей, не смогла добиться расположения у собственного мужа, а потом — и у собственного сына. Почему? Может быть, потому, что ни Петру Федоровичу, ни Павлу Петровичу от нее не нужно было никаких материальных благ? И отношения с ними должны были носить характер не сделки «ты мне — я тебе», а искреннего союза? А была ли Екатерина способна на такой союз?

В итоге властолюбивые амбиции увлекли императрицу на путь преступления — она вошла в число заговорщиков, готовивших переворот против Петра III.

Удивительное дело, но история заговора, приведшего к восшествию Екатерины на престол, описана историками весьма слабо и поверхностно. Даже К.А. Писаренко, посвятивший специальную работу именно перевороту 28–29 июня 1762 года, сосредоточил свое основное внимание на событиях, произошедших после переворота. Мало что пишут об этом и биограф Петра III А.С. Мыльников, и его оппонент и критик О.А. Иванов. Иссле-

дователи даже не называют основных участников заговора. Их имена всплывают лишь по ходу повествования как одни из многих, «возмущенных неудачным правлением голштинского тирана». Мы попытаемся их выделить и оценить ту роль, которую сыграл каждый из них.

Наиболее заметны исполнители. Их имена известны всем и каждому — братья Орловы, князь Баратынский, капитан-поручик Пассек — со шпагами наголо, лошади, начищенные черные сапоги, развевающиеся мундиры — такими предстают они на страницах многочисленных романов, статей, экранах кинофильмов и т.д. Но при внимательном рассмотрении видно, что все они лишь выполняют чьи-то поручения. Да, поручения весьма ответственные и важные, какие кому попало не дадут, но именно выполняют, а не принимают решения сами. Мотив их участия в мятеже прост и понятен — тут и личная связь Григория Орлова с императрицей, и желание себя проявить, и память о том, как щедро были награждены Елизаветой участники переворота 1741 года.

Далее мы видим двух людей уже в генеральских чинах — генерал-лейтенанта князя Михаила Никитича Волконского и адмирала Ивана Лукьяновича Талызина.

Михаил Никитич Волконский происходил из древнего княжеского рода — из черниговских Рюриковичей. С 1736 года — на военной службе. Принимал участие в Польском походе (1733—1734), затем в Русско-турецкой войне (1735—1739), Русско-шведской войне (1741—1743) и Семилетней войне. Судя по тому, что генеральского чина он достиг только в 1756 году, служил честно, карьеру сделал не на придворном паркете, а на поле боя. Он оставил потомкам интереснейший памятник мемуарной литературы — «Журнал жизни и службы князя Михаила Никитича Волконского», в котором подробно описал и военные походы, и опасные дипломатические поручения, которые довелось выполнять.

28 июня 1762 года он оказался в роли военного руководителя восстания. Боевой генерал, не чета изнеженным гвардейцам, умел

действовать быстро и решительно. К тому же репутация заслуженного воина помогла ему увлечь за собой солдат колеблющегося лейб-гвардии конного полка и принять командование над ним. Безусловно, военная часть успеха переворота — полностью его заслуга.

Непонятым остается другой вопрос: за что боролся князь Волконский? Какие он имел мотивы для участия в мятеже? Император Петр III относился к князю с доверием — именно Волконскому было поручено подписать со стороны России соглашение о перемирии с Фридрихом Великим. В отличие от тех же Орловых, князь не получил особых выгод от переворота. Да, вззошедшая на трон Екатерина повысила его в звании до генерал-аншефа, наградила орденом Святого Александра Невского, но и только. Все это Михаил Никитич выслужил бы и так.

Иван Лукьянович Талызин, хотя и носил адмиральский чин, никогда в жизни не командовал ни одним кораблем. Его служба протекала на берегу, в Адмиралтействе, конторах, в выполнении разного рода поручений. Перед нами военный чиновник, а не флотоводец. Тем не менее 28 июня 1762 года он проявил ум и решительность, сумев привести на сторону Екатерины гарнизон Кронштадта, отразив единственную попытку императора сопротивляться мятежу. На первый взгляд трудно понять, что заставило адмиралтейского чиновника высокого ранга примкнуть к выступлению против государя. Как и М.Н. Волконский, особых выгод он из этого для себя не извлек — получил орден Святого апостола Андрея Первозванного и 2 тысячи рублей. А в 1765 году уволен в отставку.

Оба военных руководителя обеспечили победу заговорщикам, но очевидно, что ни князь Волконский, ни адмирал Талызин не стояли непосредственно у истоков заговора. Их привлекли к нему в качестве необходимых специалистов, и оба нашли некие причины не отказываться от такого предложения. Но сам заговор возник раньше, и основали его люди более высокого ранга.

Среди политических лидеров переворота мы видим три фигуры: граф Кирилл Григорьевич Разумовский, Никита Иванович Панин и императрица Екатерина Алексеевна.

Кирилл Григорьевич Разумовский был происхождения самого низкого — из малороссийских поселян. Своим возвышением он обязан старшему брату, Алексею Григорьевичу — фавориту, а потом и тайному мужу императрицы Елизаветы Петровны. К 1762 году Кирилл Григорьевич был шефом лейб-гвардии Измайловского полка, гетманом Украины и весьма богатым человеком. Его положение в русской элите можно сравнить с положением Меншикова после смерти Петра Великого. Впрочем, в отличие от бывшего торговца пирогами, Кирилл Григорьевич был человеком образованным, высококультурным, а благодаря своему обаянию и такту сумел стать своим в кругу русской аристократии. Однако как политический деятель он был противником Шуваловых и Воронцовых, составлявших ближайшее окружение Петра III, и мог опасаться за свои владения и титул. Тем более что Петр Федорович за короткое время своего царствования уже успел проявить интерес к украинским проблемам*. Цель участия Кирилла Григорьевича в заговоре проста — сохранить свое положение и имение, что ему и удалось. Но этот мотив говорит нам также и о том, что украинский гетман скорее был привлечен к заговору, чем был его инициатором.

На первый взгляд на роль инициатора заговора лучше всего подходит императрица Екатерина Алексеевна. Тем более что в манифесте от 28 июня 1762 года государыня берет всю ответственность за переворот на себя. Да и впоследствии не раз говорит о том, как спасла Отечество. Но могла ли официальная версия звучать по-другому? Естественно, что пришедшая к власти императрица

* Так, уже 27 декабря 1761 года (то есть всего через два дня после вступления на престол) Петр Федорович издает указ «Об описании при депутатах Заднепровских земель и угодий и о неотбирании их у Запорожцев без указа», в котором показывает большую осведомленность в украинских делах.

приписала всю славу удачного переворота себе. Однако известные историкам факты заставляют в этом усомниться. Во-первых, почти все историки отводят основную роль в организации заговора не Екатерине, а Никите Ивановичу Панину, о котором речь пойдет ниже. Во-вторых, было ли по силам императрице разработать, запустить и реализовать столь сложный план переворота? Ведь переворот 1762 года — это не ночной порыв Елизаветы, не сумасшедшая лихая атака Зимнего дворца силой одной лишь роты гренадер. Нет, это тщательно продуманный и исполненный заговор, в который оказались вовлечены три из четырех полков гвардии, Сенат, высшее духовенство, представители генералитета. К тому же в распоряжении Екатерины было не слишком много времени. Во время правления Елизаветы она пребывала в режиме политической изоляции, который еще более усилился после дела Бестужева, таким образом, на организацию у нее было всего полгода — очень короткий срок. Да и ее действия во время мятежа выдают скорее исполнительницу чужого плана, чем его автора. Исполнительницу, безусловно, талантливую и самостоятельную, способную на импровизацию, но все-таки не главного организатора переворота.

Может быть, таковым являлся граф Никита Иванович Панин? Многие современные историки считают его ключевой фигурой переворота 1762 года. Обладатель аналитического и гибкого ума, опытный дипломат и интриган — казалось бы, кому, как не ему, быть инициатором всего дела. Присмотримся к графу. Никита Иванович происходит из дворянского рода, первые упоминания о котором относятся к периоду опричнины. В круг высшей русской знати Панины не входили, хотя и пользовались доверием русских государей. Ум в сочетании с красивой внешностью и утонченными манерами сделали его весьма популярной фигурой при дворе только что взошедшей на трон Елизаветы. И Разумовские, и Шуваловы сочли его дальнейшее пребывание там излишним, в результате чего молодой гвардеец был направлен на дипломатическую работу первоначально в Данию, а потом — в Швецию, где

пробыл до 1756 года. В 1760 году Никита Иванович был назначен воспитателем великого князя Павла Петровича, каковым и оставался на момент переворота.

Петр Федорович, по свидетельству многих, не сильно доверял Панину, но от должности его не отрешил, а, напротив, присвоил чин действительного тайного советника и наградил орденом Святого Андрея Первозванного.

По распространенному мнению, во время пребывания в Швеции Никита Иванович пришел к выводу о преимуществах ограниченной монархии и пытался реализовать подобную модель в России. Но достаточная ли это причина, чтобы устраивать государственный переворот?

Современные историки обращают внимание на два обстоятельства — соперничество внутри заговора между Паниным и Екатериной, а также на роль, которую сыграл Никита Иванович в судьбе арестованного Петра III. По общему мнению О.А. Иванова, К.А. Писаренко и О.И. Елисеевой, именно он был организатором убийства свергнутого императора.

Но был ли Панин организатором и инициатором всего заговора? Из всех перечисленных выше фигур он больше всего подходит на эту роль, и все же... И все же есть сомнения. Сомнения не столько в том, что ему под силу быть автором плана, сколько в том, что ему под силу привлечь к заговору столько лиц по знатности, занимаемому положению и политическому весу много крупнее его самого. Более того, характеризуя Никиту Ивановича уже в Екатерининскую эпоху, историк пишет: «Панин не обладал ни энергией замысла, ни решительностью воли, так что ему никогда бы не могла прийти мысль воспользоваться своим питомцем для произведения переворота»¹³⁸.

Вряд ли можно предположить, что «энергию замысла» и «решительность воли» Никита Иванович утратил после 1762 года. Скорее он никогда не обладал такими качествами, а стало быть, не мог быть лидером заговорщиков.

Интересно, что участники заговора производят на первый взгляд впечатление очень разных людей, слабо связанных друг с другом. А это нехарактерно для заговорщиков. Планировать такое рискованное дело как государственный переворот с людьми, которые мало связаны друг с другом, — да возможно ли это?

И вот тут мы хотим предложить читателю версию, которая может объяснить многие странные места в истории переворота 1762 года и назвать имя его подлинного организатора. Сразу оговоримся, это только версия, основанная на косвенных аргументах и не подтвержденная достоверными историческими фактами. Впрочем, в делах подобного рода с подтверждениями часто бывают большие сложности. Ведь никакого официального расследования заговора не проводилось, более того, пришедшая к власти Екатерина сознательно уничтожила многие компрометирующие бумаги. Поэтому мы можем располагать только предположениями и догадками.

На самом деле у перечисленных выше людей, составлявших верхушку заговора, есть один общий признак, тесно связывающий их друг с другом. Генерал Михаил Никитич Волконский приходится племянником канцлеру империи Алексею Петровичу Бестужеву-Рюмину, а адмирал Иван Лукьянович Талызин является двоюродным братом канцлера, Никита Иванович Панин был многолетним подчиненным Бестужева по дипломатической части и вдобавок родственником адмирала Талызина. Кирилл Разумовский в 50-е годы XVIII века вместе с Бестужевым боролся против влияния Шуваловых, а о связи Екатерины и канцлера выше уже говорилось. Именно в ее пользу он намечал переворот в 1757 году, слухи о котором дошли до императрицы Елизаветы и стали главной причиной падения Бестужева.

Бестужев — вот недостающий элемент мозаики, который является при этом ее связующим звеном. И именно он стал, по мнению автора, главным организатором переворота 1762 года.

Позвольте, скажет читатель, но ведь в 1758 году канцлер был арестован, лишен всех чинов и званий и приговорен к смерти. Это

действительно так, но императрица Елизавета из уважения к его былым заслугам и из присущей ей гуманности заменила смертную казнь даже не заточением, а ссылкой в принадлежащее ему село Горетово Можайского уезда Московской губернии. Надзор за ним был не слишком строгим, и опальный вельможа сумел без особых проблем наладить связь со своими сторонниками в столице.

Взойдя на престол, Петр III помиловал многих осужденных при Елизавете, но Бестужева оставил в ссылке. Сложно поверить, чтобы человек, столь долго бывший в центре придворной борьбы и внешней политики империи, смирился со своей судьбой и ничего не предпринял для возвращения к власти.

Помимо личной обиды у Бестужева-Рюмина был и еще один мотив для устранения Петра III — резкая смена курса внешней политики России, произошедшая при его воцарении. Император, как мы помним, заключил сепаратный мир с Пруссией, бросив Австрию на произвол судьбы. Канцлер же всю жизнь последовательно проводил линию на укрепление русско-австрийского союза. У Священной Римской империи германской нации не было более ревностного сторонника в России, чем Алексей Петрович Бестужев-Рюмин. Истоки этой приверженности надо искать в прошлом, когда в 1717 году молодой русский дворянин служил при дворе английского короля. Узнав о бегстве в Империю царевича Алексея Петровича, молодой дипломат написал изгнаннику письмо следующего содержания:

«Отец мой, брат и вся фамилия Бестужевых пользовались особенною милостию вашего высочества; я всегда считал обязанностью принести вам мою рабскую признательность и от юности ничего так не желал, как служить вам. Но обстоятельства не дозволяли. Это принудило меня вступить в чужестранную службу, и вот уже четвертый год я состою камер-юнкером у его величества короля Английского.

Как скоро верным путем узнал я, что ваше высочество находитесь у его цесарского величества, своего шурина, и я по тепе-

решним конъюнктурам замечаю, что возникли две партии; притом воображаю, что ваше высочество при нынешних обстоятельствах не имеет никого из своих слуг, я же чувствую себя достойным и способным служить вам в настоящее время, то осмеливаюсь к вам написать и предложить себя вам — будущему царю и государю в услужение.

Ожидаю только милостивого ответа, чтобы тотчас уволиться со службы королевской и лично явиться к вашему высочеству. Клянусь всемогущим Богом, что единственным побуждением моим есть высокопочитание к особе вашего высочества»¹³⁹.

Это письмо не было передано адресату, а осталось в австрийском архиве, где его и обнаружил русский историк Н.Г. Устрялов в 1859 году. Легко догадаться, какая участь постигла бы автора, если бы этот текст попал в руки русского правительства. Должно быть ни об одной бумаге, вышедшей из-под своего пера, не жалел Алексей Петрович так сильно, как об этом письме своему царственному тезке. Но поправить ничего было нельзя. Находившийся в руках австрийских дипломатов документ гарантировал лояльность Бестужева интересам венского двора на долгие годы.

Впрочем, нельзя сказать, чтобы политика, проводимая канцлером, наносила ущерб национальным интересам России. Ум и дипломатический талант Бестужева-Рюмина позволяли ему избегать подобного. Но союз с Австрией был для него незыблемой константой, и резкая смена политического курса «прусофилом» Петром Федоровичем — равносильна крушению трудов всей жизни, трудов во имя интересов России, как он их понимал.

Поэтому опальный дипломат решился на крайний риск государственного переворота. Для него не впервой было руководить политическими интригами, оставаясь на значительном расстоянии от места событий, тем более что члены его партии были отнюдь не глупыми людьми.

Еще раз повторю — никаких доказательств участия Алексея Петровича Бестужева-Рюмина в перевороте 28 июня 1762 года

нет и не может быть. Впрочем, одно обстоятельство косвенно указывает на это участие. После прихода к власти Екатерина II немедленно освободила бывшего канцлера из ссылки. Ему были возвращены все владения и награды, а вот чин был странным образом изменен с гражданского (канцлер) на военный — генерал-фельдмаршал. Объяснений, почему Екатерина переименовала ни одного дня не служившего в армии дипломата и политика в полководцы, у историков нет. Что это — каприз самодержицы или указание на ту роль, которую сыграл Алексей Петрович в военном перевороте? Кстати, почти одновременно был переименован из гетманов Украины в генерал-фельдмаршалы и другой участник заговора — Кирилл Григорьевич Разумовский.

Скажем несколько слов и об основной силе заговора — гвардии.

Гвардия... Для современного читателя это слово означает отборные, лучшие войска, символ воинской доблести и славы. Но в середине XVIII века все обстояло совсем по-другому. Созданная Петром Великим, русская гвардия (Преображенский, Семеновский Лейб-гвардии Конный полки, к которым при Анне Иоанновне добавился Измайловский) после окончания Северной войны ни разу не участвовала в походах и сражениях. Русские армейские полки отражали набеги ордынцев, под командой фельдмаршала Миниха штурмовали Очаков и Перекоп. Под командованием неистового ирландца Ласси ходили воевать на Рейн, под командованием Фермора и Салтыкова громили «непобедимого Фридриха», а полки гвардейские безвылазно находились в Петербурге. Даже в 1741 году, когда армия все того же Ласси в боях на Карельском перешейке сдерживала шведов, шедших «освобождать достохвальную русскую нацию от засилия иноземцев», гвардия оставалась в своих уютных слободах. Попытка же правительства заставить гвардейцев идти воевать стала одной из причин, позволивших Елизавете Петровне реализовать свой план государственного переворота.

Стоит ли удивляться, что в военном отношении гвардия была весьма слабо подготовлена — парадная служба в столице особых усилий не требовала. В армии к гвардии относились с завистью и презрением. Можно вспомнить начало пушкинской «Капитанской дочки»:

«Записан! А мне какое дело, что он записан? Петруша в Петербург не поедет. Чему научится он, служа в Петербурге? Мотать да повесничать? Нет, пускай послужит он в армии, да потянет лямку, да понюхает порошу, да будет солдат, а не шаматон. Записан в гвардии!»

Петр III не испытывал иллюзий по поводу боеспособности своих гвардейцев и собирался радикально поменять ситуацию. Так, именно гвардейские полки были назначены в состав морского десанта, который должен был отправиться к датским берегам в случае войны за Шлезвиг. Само собой разумеется, что популярности монарху среди изнеженных и избалованных во времена Елизаветы гвардейцев это не прибавило.

Примечательно, что переворот против Петра III в современной ему дипломатической переписке и мемуарах получил название «революция». В то время это слово еще не приобрело такого страшного значения, но уже пользовалось определенной привлекательностью, особенно среди поклонников идеологии просвещения. Впоследствии кровавые события 1789 года во Франции заставили Екатерину и людей ее круга забыть о собственном «революционном» прошлом.

События 28 июня застали императора врасплох. Он не располагал какими-либо предупреждениями ни о готовящемся заговоре, ни о его участниках. И еще одна из загадок «революции 1762 года». Как правило, переворот против законной власти — мероприятие слишком сложное и масштабное, чтобы суметь сохранить его полностью в секрете. Обычно власть успевала получить предупреждение, а порой и исчерпывающую информацию. Так было в 1741, 1801, 1825, 1905 и 1917 годах. Другое дело, что только в одном из

перечисленных выше случаев победа осталась за законной властью. Но в 1762 году император оставался в полном неведении о готовящемся заговоре.

Официальная версия событий в общих чертах выглядит примерно так. 27 июня, встревоженный разговорами солдат, майор Преображенского полка Воейков арестовывает одного из заговорщиков — капитан-поручика Пассека. Испуганные этим обстоятельством, заговорщики начали действовать немедленно — Алексей Орлов организовал прибытие императрицы из Петергофа в столицу, а его товарищи подняли мятеж в Измайловском и Семеновском и Лейб-гвардии Конном полках. Преображенцы колебались, но в защиту императора все-таки не выступили.

Узнав о произошедшем в столице, император попытался было занять Кронштадт, который летом фактически неуязвим для сухопутных войск и откуда посредством флота он мог либо вызвать к себе на помощь верные войска из Германии, либо бежать к этим войскам.

Однако мятежники вспомнили о крепости чуть раньше, и гарнизон Кронштадта стал на их сторону. Император пал духом, приказал верному присяге голштинскому батальону сложить оружие и 29 июня сдался супруге, после чего последовали заточение в Ропше и скорая гибель.

Надо учесть, что перед нами версия, написанная победителями или со слов победителей. Многие ее ключевые пункты вызывают ряд вопросов и сомнений. Для начала отметим, что даже вот эта официальная версия событий противоречит популярному в мемуарах сторонников Екатерины и некоторых исторических исследованиях тезису, что деятельность Петра III как государя вызвала против него всеобщее возмущение. Вот характерный пример такого высказывания, принадлежащего перу очевидца событий и сторонника императрицы А.Т. Болотова:

«Ропот на государя и негодование ко всем деяниям и поступкам его, которые чем далее, тем становились хуже, не только во

всех знатных с часу на час увеличивались, но начали делаться уже почти и всенародным»¹⁴⁰.

Но в реальности мы видим, что солдат-преображенец донес своему командиру слухи о заговорщиках, а тот вместо того, чтобы радостно примкнуть к ним, принимает меры по пресечению мятежа. Уже в ходе самого восстания один из гвардейских полков отказывается бунтовать, и лишь рассеянность командиров и отсутствие лидера помешало им выступить в защиту законной власти.

Согласно официальной версии, жители Петербурга радостно приветствовали революцию. В реальности же город был объявлен на военном положении и отрядам мятежных войск был отдан приказ стрелять боевыми патронами в случае малейшего возмущения обывателей.

Официальная версия настаивает на якобы случайном начале переворота — арестовали Пассека, и пошло-поехало. Но вот что интересно, 29 июня Православная Церковь отмечает день славных и достохвальных первоверховных апостолов Петра и Павла, то есть в этот день праздновались именины государя и его сына. Празднование должно было состояться в Петергофе, а значит, император гарантированно отсутствовал в столице. Этот фактор был критически важен для успеха мятежа. Гвардейские полки колебались, на приведение к присяге Екатерине сенаторов и чиновников ушел почти весь день. Присутствие государя могло бы переломить ситуацию в пользу законной власти.

Именно так произошло в 1825 году, когда Николай I подавил мятеж декабристов. Конечно, по своим волевым качествам внук далеко превосходил деда, но решительные и опытные люди были и в свите Петра III (один Миних чего стоил).

Поэтому можно предположить, что день выступления был выбран заранее, а история про капитана Пассека придумана задним числом.

Возникает еще один важный вопрос: почему Петр III фактически отказался от борьбы за власть и капитулировал перед

супругой? Ведь в его распоряжении оставался верный присяге голштинский батальон (вопреки распространенной версии о «немцах наемниках», примерно две трети его солдат и около половины офицеров были русскими), можно было бежать в направлении Германии, где находилась сохранившая верность монарху армия Петра Александровича Румянцева, в конце концов, Петр Федорович мог попытаться бежать в родную Голштинию, но... Но государь не сделал ничего. Он исповедался и причастился у православного священника дворцовой церкви в Ораниенбауме и добровольно отдал себя в руки прибывших его арестовать гвардейцев. Почему? Здесь сыграли свою роль несколько факторов.

Во-первых, надо учитывать, что император не только не обладал всей полнотой информации о происходящем в столице, но и имел лишь весьма слабое представление об этом. Посланные им эмиссары либо переходили на сторону мятежников, либо задерживались.

Во-вторых, помимо того, что сами по себе события совершились внезапно и неожиданно, главным шоком для Петра Федоровича стала массовая измена подданных присяге на верность законному государю. Конечно, он знал о событиях 1741 года, но тогда можно было найти основания для поддержки Елизаветы — как-никак родной дочери царя. Сейчас же мятеж был против законного во всех смыслах императора в пользу его супруги, вовсе никаких прав на русский престол не имевшей. Немецкий ум государя не смог понять, как такое возможно, и это усугубило его состояние.

В-третьих, решиться на вооруженное сопротивление, на гражданскую войну, государю, который перед Богом отвечает за жизни своих подданных, всегда непросто. В 1825 году Николай Павлович, которому не откажешь в решительности и мужестве, 10 часов до самого вечера выжидал, прежде чем отдать приказ стрелять в мятежников на Сенатской площади. Страха перед гражданской войной, перед убийством своих, как правило, начисто

лишены всякого рода революционеры и мятежники. Но он всегда органически присущ законной власти.

В-четвертых, важную роль сыграли и особенности характера Петра Федоровича. Быстрые действия в кризисной ситуации не были его сильной стороной. Он привык действовать методично, спокойно, обдумывая каждую деталь заранее, как и подобало человеку с математическим складом ума. Он хорошо воспринимал и слушал логичные аргументы. Но в критический момент из всех окружавших его приближенных только старый фельдмаршал Миних говорил о возможности сопротивления или бегства, остальные умоляли любой ценой избежать кровопролития.

Итак, император сдался, отдал приказ верным голштинцам не оказывать сопротивления и отрекся от престола? Мы не случайно поставили тут знак вопроса — дело в том, что подлинного текста отречения, написанного или хотя бы подписанного Петром III, никто никогда не видел. Официальным источником информации служит «Обстоятельный манифест о восшествии ее императорского величества на всероссийский престол», датированный 6 июля, но опубликованный 13-го. В приложении к этому документу приводится текст отречения императора, составленный в максимально унижительной для последнего форме. Отрекаясь, государь пишет о неспособности «не токмо самодержавно, но и каким бы то ни было образом правительства владеть Российским государством»¹⁴¹.

Хотя в манифесте говорится о «добровольном и своеручном» написании императором этого отречения, подлинник этого важнейшего для Екатерины документа не сохранился. Проведенное А.С. Мыльниковым сопоставление текста отречения с действительно «своеручно» написанными Петром Федоровичем письмами показало, что он не мог быть автором текста, а самое больше мог лишь подписать оный. Но подписал ли? И куда исчез подписанный подлинник?

Для ответа на этот вопрос необходимо вспомнить еще одно важное обстоятельство: переворот 28 июня 1762 года был двой-

ным — Екатерина устранила от власти не только императора, но и законного наследника — цесаревича Павла Петровича. Ведь по законам Российской империи именно к нему должна была перейти власть после смерти или отречения законного императора.

Некоторые из историков предполагают, что первоначально план заговора предусматривал переворот в пользу Павла, а Екатерине отводилась лишь роль регента при малолетнем сыне. К.А. Писаренко, к примеру, описывает соперничество между Екатериной и графом Паниным, который стремился использовать предполагаемое регентство императрицы, чтобы осуществить свою мечту об ограничении самодержавной власти¹⁴². Этот сюжет еще раз подчеркивает политическое мастерство Екатерины, сумевшей не только свергнуть с престола своего незадачливого мужа, но и обыграть такого опытного политика, как Никита Иванович. Это противостояние прекрасно вписывается в официальную версию мятежа, начавшегося случайно, до даты, назначенной заговорщиками.

Однако сторонники версии о возможном регентстве Екатерины упускают из виду важное обстоятельство, которое не могли не учитывать заговорщики. Дело в том, что регентство тем и отличается от самодержавного управления, что ограничено временными рамками. Через 8 лет юный цесаревич становился совершеннолетним и юридические основания для регентства исчезали. А как новый царь поступил бы с теми, кто лишил престола его отца?

И Екатерина, и граф Панин хорошо знали не столь уж давнюю историю, произошедшую при французском дворе. 14 мая 1610 года был убит французский король Генрих IV. Регентом при его сыне юном короле Людовике XIII стала королева Мария Медичи. Через 7 лет подросший Людовик приказал убить ее фаворита Кончино Кончини, а в 1630 году выслал из страны и собственную мать из-за ее интриг и попыток вмешательства в политику.

Вне всякого сомнения, участники заговора помнили о судьбе царевны Софьи и князя Меншикова. Гарантировать безопасность

заговорщиков на предельно возможный срок могло только провозглашение Екатерины самодержавной государыней, что и было исполнено.

Но если Петр Федорович не подписывал отречения, то это не значит, что с ним и вовсе не было заключено никаких соглашений. Скорее всего, договоренность заключалась в следующем — император не предпринимает никаких шагов к удержанию престола, а заговорщики отправляют его на родину, в Киль, где он снова становится простым северогерманским герцогом. Именно об этом, как о достигнутой договоренности, пишет свергнутый император супруге в письмах от 29 и 30 июня 1762 года. Скорее всего, он капитулировал под честное слово Екатерины — рыцарственному государю этого было достаточно.

Но императрица и ее сторонники не собирались выполнять данное обещание. Ведь, оказавшись в родной Голштинии, в безопасности от заговорщиков, Петр смог бы возобновить борьбу за российский престол. А ведь на его стороне была русская армия Петра Румянцева, к которой могли присоединиться союзные прусские полки. Кто бы воевал с ними? Изнеженная гвардия?

О.А. Иванов, К.А. Писаренко и О.И. Елисеева последовательно отстаивают версию невиновности Екатерины в убийстве собственного мужа. По их мнению, это злодеяние было организовано графом Паниным, причем с целью ослабить политические позиции Екатерины. Историки по крупицам собрали информацию о том, что произошло в Ропшинском дворце в роковой день 3 июля 1762 года*. Удалось установить не только способ убийства государя, но и конкретного исполнителя злодеяния — бывшего лейб-кампанца, капитана Швановича, из крещеных шведов¹⁴³.

* Примечательно, что точную дату убийства Петра III — 3 июля 1762 года — практически одновременно установили два оппонента — О.А. Иванов, занимавшийся анализом переписки А.Г. Орлова и Екатерины, и А.С. Мыльников, изучавший в германском архиве рукопись датского резидента в России Шумахера. Оба историка опубликовали свои результаты в 1995 году.

Единственным сомнительным моментом остается оценка роли, которую сыграли Екатерина и Панин в этой истории. Здесь у историков нет иных аргументов, кроме логических*. А вот с этими аргументами мы можем и поспорить. Дело в том, что убийство Петра III не ослабляло, а усиливало позиции Екатерины. Пока император был жив, существовала вероятность его освобождения и возвращения к власти. В отличие от злосчастного Иоанна Антоновича, у Петра Федоровича были искренние и преданные сторонники и в России, и за ее рубежами. Как бы поступил командующий армией в Германии граф Петр Александрович Румянцев, зная он о том, что законный император жив? Ведь даже после смерти одного слуха о «чудом спасшемся» государе хватило для вспышки гражданской войны, а если бы он был жив на самом деле?

Живой Петр Федорович был смертельно опасен для всех участников заговора, и в первую очередь для Екатерины. Именно поэтому его убийство было выгодно всем заговорщикам и было составной частью заранее продуманного сценария. Как и в 1917 году, в 1762-м цареубийство было составной частью революции, сделавшей ее процесс необратимым.

Тело умершего императора было выставлено для прощания в соборе Александро-Невской лавры в Санкт-Петербурге. Екатерина велела обрядить его в голштинский мундир, чтобы лишний раз подчеркнуть чуждость Петра Федоровича России. Но на это мало кто обратил внимание. Три дня множество людей самого разного звания прощались с убитым государем и горько плакали о нем. Общественное настроение было на стороне покойного. Солдаты армейских полков и матросы публично обвиняли гвардейцев, что те-де государя за два рубля на брата продали... Неверная супруга проститься со своим мужем и предшественником на троне так и не соизволила.

* Как совершенно справедливо заметил К.А. Писаренко — «вряд ли в архивах когда-либо будет найден письменный приказ Екатерины или Панина об убийстве свергнутого императора».

В отечественной исторической литературе утвердилась в целом позитивная оценка переворота 1762 года. Еще бы, ведь он привел к власти великую Екатерину. Наиболее емко и одновременно наиболее цинично сформулировал эту оценку К.А. Писаренко: «переворот 28—29 июня 1762 года решал ту же задачу, что и прежние революции, потрясшие Россию после смерти Петра Великого: помог человеку, умеющему управлять, добиться соответствующего своему дарованию положения и очистить политический олимп пусть от законного, но бездарного или менее искусного соперника»¹⁴⁴.

Но при этом упускается из виду цена, которую заплатила страна за это «свершение». Ведь монархическая политическая система имеет своим основанием именно законность государя, а не его политические или иные таланты. Итогом революции 1762 года стало ослабление самодержавной власти в России, рост влияния аристократии и коррумпированной бюрократии*. Это в общих чертах, а если в частностях, то вступившая на престол Екатерина в течение ближайших пяти лет совершила все те проступки, в которых ложно обвиняла мужа. Мир с Пруссией, будто бы оскорбивший национальную честь России, сохранился при ней на прежних условиях. Более того, в 1764 году императрица возобновила и заключенный мужем союз с прусским королем, только теперь, после отказа России от реализации голяштинского проекта Петра Федоровича, этот союз содержал множество односторонних уступок в пользу Пруссии. Екатерина не только провела секуляризацию церковной собственности в еще большем объеме, чем планировал супруг, но и учинила форменный погром в самой Церкви, при котором особенно пострадали монастыри. Видимо, понять

* Гавриил Романович Державин, служивший при дворе Екатерины, вспоминал, как сама императрица порой была бессильна принять меры против влиятельных фигур: «она царствовала политически, наблюдая свои выгоды или поблажая своим вельможам, дабы по маловажным проступкам не раздражать их и против себя не поставить. ...Как она говаривала пословицу “живи и жить давай другим” и так поступала...»

смысл монашества и его значение для Православия поклонница Вольтера так и не смогла. После ее реформы из 954 великорусских монастырей остался только 161, многие были обречены влачить жалкое существование. Если против действий Петра Федоровича иерархи Церкви лишь выражали недовольство, то при Екатерине митрополит Ростовский Арсений и митрополит Тобольский и Сибирский Павел приняли мученическую кончину за попытки воспротивиться «просветительскому» погрому Церкви.

Да и в целом внешняя и внутренняя политика Екатерины первых лет ее царствования оказалась не самой удачной. К.А. Писаренко описывает ее итог как кризис, поставивший на грань существования саму российскую государственность*.

А спас ее от этого кризиса тайный муж императрицы — Григорий Александрович Потемкин, будущий князь Таврический. Это именно ему Россия обязана почти всем, что составляет славу екатерининского царствования. «Именно он инициировал возобновление русско-австрийского союза в 1780 году, и присоединение Крыма в 1783 году, и с его одобрения Россия в 1778 году выступила в роли посредника в конфликте за баварское наследство, а в 1781 году обнародовала декларацию о вооруженном нейтралитете»¹⁴⁵.

Как писал один из современников, с 1775 года «Россия управлялась умом Потемкина»**.

Но невольно возникает вопрос: а что помешало бы Потемкину оказать подобные услуги России при правлении Петра Федоровича? Его выдающиеся таланты оказались бы востребованы

* См. подробнее: Писаренко К.А. Ошибка императрицы. Екатерина и Потемкин. М.: Вече, 2008.

** Примечательно, что подобного взгляда на роль князя Таврического придерживается не только критически относящийся к Екатерине К.А. Писаренко, но и апологет императрицы О.И. Елисеева, написавшая биографию Г.А. Потемкина-Таврического для серии «ЖЗЛ», которая является наиболее подробной из всех вышедших в России (Елисеева О.И. Григорий Потемкин. М.: Молодая гвардия, 2005).

при любом царствовании. Так же как и таланты других «орлов Екатерины», многие из которых начали свое возвышение еще в правление ее супруга.

Как и Петр I, Екатерина II заслужила в отечественной истории титул Великой. Но между этими двумя величиями есть важное различие. Петр наложил на все деяния своего царствования глубокий отпечаток своей личности. Как говорилось в солдатской песне, «сам, родимый, пред полками ясным соколом летал, сам ружьем солдатским правил, сам и пушки заряжал» — царь сам ходил в походы, сам строил свой город на болотах, сам брил бороды и сам водил солдат на шведские штыки на славном Полтавском поле. Невозможно представить себя Петровскую эпоху без Петра Великого. Она распадется, ибо вся завязана на титанической воле и энергии одного человека.

А вот про Екатерину такого не скажешь. Деяния ее эпохи тоже персонифицированы, но соотносятся не с императрицей, а с теми, кто их непосредственно реализовывал, так что, присмотревшись, долго пытаешься понять: а в чем же заключалась роль самой императрицы? Неужто в переписке с французскими просветителями и издании журнала «Всякая всячина»?

Конечно, нет. Екатерина была символом единства русской державы, монархом, славным делами своих подданных, которых она умела и организовать, и вдохновить. Но ведь как раз с этой задачей справился бы любой другой государь на ее месте. Резюмируя сравнение, скажем: Петр стал Великим, потому что сделал свое царствование великим для России, а Екатерина стала Великой, потому что правила Россией в ее великую и славную эпоху.

Справедливости ради укажем на одно действительно великое деяние императрицы, о котором обычно мало говорится в учебниках истории. Речь идет о начале создания в России системы народного просвещения.

Во второй половине 60-х годов XVIII века при дворе вернулась своего рода дискуссия о путях развития образования.

Предлагалось два основных подхода — создание системы народных училищ на западный манер, где простолюдины не только получали бы знания, но и, «избавляясь от дикости», приобретали «добрые нравы», и создание народных школ с учетом национальных традиций образования. В итоге был принят компромиссный вариант. Указом от 7 сентября 1782 года в империи создавалась система народных школ, доступных представителям всех сословий (кроме крепостных). Важным моментом новой системы было введение единой программы обучения и методики преподавания. Для их разработки в Россию был приглашен Федор Янкович, фигура компромиссная и для западников, и для почвенников. С одной стороны, Янкович получил известность как один из лучших педагогов в Священной Римской империи и был рекомендован Екатерине венским двором, с другой — он был славянином (сербом) и православным.

В 1783 году в Петербурге было торжественно открыто Главное народное училище, образец для подобных заведений по всей империи. В 1786 году из него была выделена Учительская семинария, главной целью которой была подготовка педагогов для народных училищ¹⁴⁶.

Почему так важно подробное рассмотрение событий 1762 года? Потому что мотив оправдания сторонников Екатерины — переворот спас страну от надвигающейся катастрофы, вызванной деятельностью Петра Федоровича, — неоднократно воспроизводился в дальнейшем для оправдания гораздо более гнусных преступлений против законной власти российских государей и народа русского. Точно такими же словами любят оправдывать сторонники большевиков переворот 1917 года, — мол, только большевики спасли Россию от пропасти, куда ее увлек «прогнивший царский режим»*. Екатерина и ее сообщники недаром называли

* В своей предыдущей книге автор попытался рассмотреть наиболее часто встречающиеся мифы о Российской империи и причинах ее крушения в 1917 году (См.: Музафаров А.А. 10 мифов о России. М.: Яуза, 2009).

свой переворот громким словом «революция». Если приглядеться внимательнее, то мы увидим очень много общего в событиях 1762 и 1917 годов, только в первом случае революция была направлена против одного человека, а во втором — против всего государства. В борьбе за политическое влияние и власть Екатерина и ее сторонники использовали недозволенные, смертельно опасные для всего государства в целом методы. Вольно или невольно открыв дорогу темным силам, обрушившим традиционный миропорядок.

6 ноября 1796 года императрица и самодержица всероссийская Екатерина Алексеевна встала, как обычно, рано. Привычно занялась утренним туалетом, скрылась в уборной. А дальше случилось то, о чем позднее напишет Пушкин:

Старушка милая жила
Приятно и немного блудно,
Вольтеру первый друг была,
Наказ писала, флоты жгла
И умерла, садясь на судно.

В течение почти целых суток, лишённая возможности говорить, императрица еще жила. Ее тело лежало на полу (!), в комнате толпились придворные и сановники и, не стесняясь своей повелительницы, открыто обсуждали политические расклады нового царствования. О чем думала умирающая в это время? Вспоминала ли, как 34 года назад погиб ее первый и законный супруг? Который принял свою смерть как христианин, исповедовавшись и причастившись. На страницах своих записок она обвиняла его в атеизме, но в действительности была таковой сама. Впрочем, нашелся человек, который позаботился о ее душе. «На рассвете, чрез 24 часа после удара, пошел наследник в ту комнату, где лежало тело императрицы. Сделав вопрос докторам, имеют ли они надежду, и получив ответ, что никакой, он приказал позвать преосвященного Гавриила с духовенством читать глухую исповедь и причастить

императрицу Святых Тайн, что и было исполнено», — записал очевидец¹⁴⁷.

По воле сына, императора Павла Петровича, останки его родителей — императора Петра III и императрицы Екатерины II — упокоились вместе, в одном склепе Петропавловского собора. Таким посмертным примирением завершив их семейную драму.

ЕГДА УБО А МОЛЧАТ П НЕВОЗВЕЩАЮТ...

Столетие, которое началось с сыноубийственной драмы в царской семье, закончилось не менее трагически — сын принял участие в заговоре, который убил его отца. То, в чем Петр некогда напрасно подозревал и обвинял своего сына, стало реальностью, и правнук первого императора заплатил за это жизнью и престолом. Может быть, именно об этом пытался предупредить призрак Петра, сказавший потомку столь любимые романистами слова: «Бедный, бедный Павел...»

Трагедия 11 марта 1801 года, как и предыдущие дворцовые перевороты, сопровождается мифологией, в которой можно увидеть знакомые черты — деспотичный и не вполне адекватный царь, brave гвардейцы, желающие спасти Отечество, за их спинами угадывается привычная коварная фигура иностранного посла (в данном случае — английского), все просто:

Произволу — конец! Мост опустит охрана.
Мы войдем во дворец и прикончим тирана!
Пусть бедою грозя нам, вещает Кассандра,
За свободу, друзья! За царя Александра!*

Однако отличия слишком велики, чтобы вписаться в привычную схему. Во-первых, как ни старались ошельмовать или

* *Городницкий* А. Гвардейский вальсок.

оклеветать императора Павла Петровича, этого не получилось. В исторической традиции его фигура всегда оценивалась как минимум неоднозначно (в отличие от его отца — несчастного Петра III). Наряду с критической позицией существовала и объективная, и даже апологетическая. Далеко не все современники и историки оценивали его личность и деятельность на престоле как вредную или неадекватную. Многие из того, что начал делать этот государь получило продолжение в последующие царствования. Если голштинский след из русской традиции исчез практически полностью, то павловский, гатчинский, рыцарский остался и закрепился.

Во-вторых, на этот раз в результате переворота к власти пришел человек, который и до того был официальным наследником престола, родной сын императора. Но при этом его роль в событиях весьма необычна. Во всех предшествующих случаях претендент на престол активно участвовал в смещении своего предшественника: Елизавета на саях во главе лейб-кампанцев, Екатерина в мундирном платье во главе своих полков, а здесь — «довольно плакать, ступайте царствовать!» — наследника чуть ли не силой заставляют принять корону. Даже в классической версии переворота Александр как бы вынесен за скобки — и заговор возник без его ведома, и активного участия он в нем не принимал...

В-третьих, это был переворот, осуществленной узкой группой заговорщиков, без широкого привлечения вооруженных формирований (гвардии) и общества. Это Елизавета и Екатерина начали свои мятежи с визита в гвардейские казармы, Александр же вышел к гвардии уже императором.

И наконец, в-четвертых, в данном случае отсутствует какая-либо официальная версия произошедшего, ибо с официальной точки зрения никакого переворота не было. Это Елизавета Петровна рассказывала подданным о «возвращении похищенного престола», или Екатерина Алексеевна обвиняла мужа в страшных преступлениях, выставляя себя спасительницей Отечества. А Александр Павлович объяснил подданным все предельно про-

сто — царствующий император скончался от «апоплексического удара», и на престол вззошел его сын и законный наследник. *Le roi est mort! Vive le roi!**

Ставшую классической версию событий пришлось составлять уже историкам, причем на достаточно ограниченном количестве исходного материала, и в ней почти не рассматривается важный для нашей темы момент — роль сына в убийстве отца.

Когда мы подходим к вопросу о роли, которую сыграл в заговоре против своего отца цесаревич Александр Павлович, то сталкиваемся со странным явлением — и современники-мемуаристы, и последующие историки его роль в этом событии старательно обходят стороной. Если современников еще можно понять — при всем своем гуманизме царь при необходимости мог быть весьма строгим, то как объяснить молчание последующих историков? Между тем все говорят о роли наследника в судьбе отца почти одними и теми же словами: Александр считал, что правление его отца опасно для страны, знал о готовящемся заговоре, не возражал против его осуществления, хотя и не предпринимал для этого активных усилий. Его главным условием заговорщикам было сохранение жизни Павлу Петровичу, и когда Александр узнал страшную правду, то был потрясен, а потом постепенно наказал основных участников заговора, прежде всего его главного организатора — графа фон дер Палена.

Но в этой версии, ставшей хрестоматийной, есть несколько неясных моментов. И удивительно не то, что они есть, а то, что почти никто из исследователей прошлого не обратил на них своего внимания. Чтобы понять, почему это произошло, необходимо пояснить читателю, кем был для современников и первых поколений историков император Александр Павлович, прозванный в народе Благословенным.

Для современного гражданина России Александр I — лишь один из перечня русских царей, который делал, да не доделал до

* Король умер! Да здравствует король! (фр.)

конца некоторые важные реформы, воевал с Наполеоном, причем не столько воевал сам, сколько не мешал воевать тем, кто действительно умел это делать, прозевал готовящийся заговор декабристов, а в конце жизни не то помер, не то постригся в монахи. Основные достижения во внутренней политике его царствования связывают с именем графа М.М. Сперанского, военные успехи — с именем князя М.И. Голенищева-Кутузова-Смоленского. А сам Александр? О нем все Пушкин уже сказал: «Властитель слабый и лукавый, плешивый щеголь, враг труда, нечаянно пригретый славой...»

Однако для современников и ближайших потомков фигура русского царя представляла совсем в ином виде. Ведь это был человек, который сумел спасти Европу и весь мир от «корсиканского чудовища», государь, бросивший смертельный вызов самому Наполеону Бонапарту и стоящим за ним силам революции. В привычной для нас версии истории Великая французская революция представляется явлением прогрессивным, начавшим новую эру в истории человечества. Один из фетишей современной цивилизации — Всеобщая декларация прав человека — имеет своим первоисточником Декларацию прав человека и гражданина, принятую в Версале 26 августа 1789 года Национальным учредительным собранием*.

Но современники видели это событие совсем по-другому. «Всем известно, что революционное французское правительство, как некий беснующийся исполин, терзая собственную свою угробу и в то же время с остервенением кидаясь на других, наводило страх на всю Европу», — писал русский военный и политический деятель адмирал А.С. Шишков¹⁴⁸. Ни один тиран и душегуб не истреблял своих подданных так яростно, как боролись с реальными и мнимыми «врагами народа» (да, читатель, этот мрачный

* Примечательно, что этот документ по сию пору имеет во Французской республике юридическую силу, а его нарушение приравнивается к нарушению конституции.

термин тоже изобрели в то время) французские революционеры. Число жертв революционного террора исчислялось десятками тысяч. Только за год Якобинской диктатуры (1793—1794) официальные революционные трибуналы приговорили к смертной казни 16 594 человека, около 50 000 было уничтожено в ходе карательных акций революционной армии в Вандее и Бретани, еще 12 000 стали жертвами несанкционированных расправ. А ведь террор во Франции начался задолго до якобинцев и продолжался вплоть до утверждения у власти Бонапарта. Причем подавляющую часть (свыше 80%) казненных и репрессированных составляли не дворяне-«аристократы», а представители третьего сословия, то есть все того же народа¹⁴⁹. По оценке современных историков, террор французской революции был более масштабен, чем террор революции большевистской. Подобной резни европейцы не видели со времен Реформации и Религиозных войн.

Войны времен революции и Империи также поражали своей кровопролитностью. Численность армий выросла, возросла мощь артиллерийского огня, продолжительность битв. Было и еще одно обстоятельство: если в «галантном» XVIII веке воевали хорошо обученные профессионалы, придерживающиеся военного кодекса чести, полные уважения друг к другу, то революционная армия, которая была набрана из мобилизованных низов французского общества, не признавала многих законов войны и прославилась своей жестокостью.

Военный гений Наполеона сделал эту военную машину практически непобедимой. Лучшие европейские армии — австрийская, прусская, английская и русская — терпели от нее сокрушительные поражения. К 1810 году с гегемонией Французской империи на континенте смирились все. Все, кроме Великобритании, гордых испанских партизан и... русского императора. И именно в России в 1812 году Великая армия Наполеона была разгромлена и почти полностью уничтожена. И именно мужество и политическая воля русского царя превратили проигранную на первый взгляд войну

(а после взятия Москвы мало кто в Европе сомневался в победе французов) в триумф России. Ободренные ее успехом, против Наполеона и олицетворяемого им духа революции поднялись монархи и народы. И повел их к победе именно Александр Благословенный.

Триумф Александра над Наполеоном выразителен еще и тем, что в отличие от корсиканского узурпатора, русский царь не был и никогда не представлял себя как гения, он был просто монархом, который следовал долгу государя, как подобало следовать идеальному монарху. Мудрый сказочник Евгений Шварц говорил, что победить дракона можно, только став драконом, и подлинная победа — это победа над драконом внутри себя. Русский царь победил Наполеона, не изменив себе, не поступившись прерогативами абсолютного монарха. В критический момент он обратился к своему народу и получил поддержку, воззвал к Богу и получил победу. Победа Александра была победой традиции, нормального образа жизни над революционным хаосом и смутой. Русский царь не просто внес решающий вклад в победу над революцией — он стал символом этой победы. «Агамемнон Европы» — таково было его прозвище на континенте, а в России образ благословенного царя прочно вошел в народную память*. И память эта, это общенациональное почитание оказали влияние и на историческую науку.

В результате в большинстве российских и зарубежных биографий Александра I его приходу к власти посвящено лишь несколько страниц, а участию в заговоре — и того меньше. Историки

* Исследователь русского крестьянства М.М. Громыко отмечает, что песни о войне 1812 года пользовались «исключительной популярностью» и немалое место в них занимал образ русского царя:

Ты помнишь ли, как вождь наш незабвенный,
Когда мы шли победы дань стяжать,
Когда повел нас Царь Благословенный
Расторгнуть плен и мир народам дать.

(см.: *Громыко М.М.* Мир русской деревни: М.: Молодая гвардия, 1991. с. 219.)

хотят скорее пролистнуть эту страницу из жизни царя и перейти дальше, а читатель, увлеченный этим порывом, не задерживает на этом эпизоде свое внимание. Впрочем, у историков есть и еще одно весомое основание — дело в том, что сохранилось весьма мало источников, откуда можно черпать информацию о заговоре против Павла I и участия в нем наследника престола. Заговорщики всегда стараются сохранять поменьше следов, кроме того, император Николай I последовательно уничтожал все попадавшие к нему материалы о событиях 1801 года, пытаясь таким образом защитить честь отца и старшего брата. Поэтому в распоряжение историков последующих времен попало весьма мало информации по сравнению, скажем, с 1762 годом.

Несмотря на официальную точку зрения, зафиксированную в манифесте, изданном Александром I при восшествии на престол, факт убийства предыдущего императора был хорошо известен как зарубежным дипломатам (а через них — всей Европе), так и русскому обществу. Даже в народе постепенно распространилось почитание Павла Петровича как злодейски убитого «злыми дворянами», за то, что он обходился с ними строго, а к крестьянам благоволил. Заговорщики не считали нужным хранить молчание, а, напротив, охотно и много рассказывали всем и каждому, как именно они спасли империю от тирана. Впрочем, по мере прояснения позиции нового императора и высылки многих несдержанных участников заговора в опалу у оставшихся резко пропала охота хвастаться своими успехами. Это было попросту небезопасно.

Наговорить, однако, они успели порядочно. Поэтому версии о причинах переворота не могли не появиться. И первую из них озвучил не кто иной, как Наполеон Бонапарт. После совершенного им 18 брюмера государственного переворота и победы над австрийской армией под Маренго целью первого консула стало заключение мира с Россией. Диктатор понимал, что его страна, обескровленная революцией и почти десятилетней войной с ведущими державами Европы, больше всего нуждается в мире.

Разочарованный в действиях союзников, русский император, не видевший никаких военных перспектив после выхода Австрии из войны, принял предложение о мире и даже заговорил о военном союзе против Англии. Для Наполеона этот союз был бы важным аргументом в переговорах с Лондоном, и он выразил готовность к его заключению.

Узнав о произошедшем 11 марта в Михайловском замке, Бонапарт в ярости вскричал: «Англичане промахнулись по мне в Париже 3 нивоза*, но они не промахнулись по мне в Петербурге!» Для него не было никакого сомнения, что убийство Павла организовали англичане¹⁵⁰.

Эта версия, назовем ее для краткости английской, приобрела особую популярность во второй половине XIX века, когда Великобритания стала одним из основных геополитических противников Российской империи и отношения между двумя странами были весьма напряженными. Аргументы в пользу этой версии просты — поворот внешней политики России был совершенно невыгоден Англии, а потому ее руководство приняло меры, чтобы это предотвратить, — нашли недовольных, помогли материально создать заговор и добились своего.

На первый взгляд версия логичная, но не выдерживает проверки фактами. Во-первых, ни один из историков, описывающих злодейскую роль английского посла сэра Чарлза Уитворта, не приводит никаких конкретных фактов его деятельности в этом направлении. Вот когда речь идет о перевороте 1741 года, сумма, затраченная французским послом маркизом де ла Шетарди на заговор Елизаветы, известна с точностью до ливра, а здесь историк пишет: «Вероятно, субсидировал заговорщиков»¹⁵¹.

Во-вторых, политическая ситуация была далеко не столь однозначной, как кажется. Дело в том, что от войны устала не

* В этот день английские агенты и французские роялисты организовали взрыв начиненной порохом «адской машины» на пути следования кареты первого консула, но тот чудом избежал гибели.

только Франция, но и Великобритания, где в правительстве имелось достаточное число сторонников мира. Как раз перед убийством Павла I ушел в отставку премьер-министр Уильям Питт — непримиримый враг Франции. Во главе кабинета стал Аддингтон, представлявший интересы слоев английского общества, заинтересованных в мире¹⁵². К тому же было бы ошибкой полагать, что мир с Францией был следствием лишь каприза русского императора. Хотя война и велась далеко от границ России, стоила она нашей стране немало как с точки зрения финансов, так и с точки зрения людских ресурсов. Поскольку дело шло к заключению общего мира в Европе, то сложно было бы предположить, что сменивший Павла Александр вдруг резко переменит позицию страны.

В-третьих, если бы англичане действительно решили прибегнуть к такой радикальной мере, как убийство главы другого государства, то в их распоряжении имелся куда более простой и удобный путь, чем организация заговора. Дело в том, что все три лейб-медика русского императора были англичанами, при этом двое сохраняли британское подданство. По рекомендации врачей Павел, страдавший заболеваниями желудочно-кишечной системы, регулярно принимал лекарство¹⁵³. Ничего бы не стоило заменить оное лекарство ядом.

В-четвертых, непосредственные участники заговора, зная об этой версии, живейшим образом отрицали ее. «Заговор против Павла был дело чисто русское, а для некоторых истинно-патриотическое», — писал со слов заговорщиков гвардейский офицер Фонвизин¹⁵⁴.

Ввиду приведенных выше аргументов в чистом виде эта версия не получила широкого распространения в отечественной историографии. Обычно она входит как составная часть в другие, более обоснованные версии. Так, например, Н.К. Шильдер полагает, что на решение графа Никиты Петровича Панина об организации заговора повлияли беседы с английским послом.

В 1811 году появилась новая версия истории заговора, составленная человеком весьма осведомленным и умным. Им был Август Фридрих Фердинанд фон Коцебу — немец на русской службе. Он был талантливым драматургом, писателем, публицистом, с конца XVIII века состоял на русской службе и помимо литературной деятельности выполнял разного рода конфиденциальные поручения российских властей. Автор более 300 комедий и драм, имевших долгий и прочный успех, он в то же время сочинял множество статей и памфлетов, в которых полемизировал с модными тогда либеральными и прогрессистскими взглядами. Современники считали его ретроградом, завистником, русским шпионом, хотя, говоря современным языком, он был скорее агентом влияния. Коцебу был убит в собственном доме неким студентом Карлом Зандом после того, как в германскую прессу просочились отрывки из его писем Александру I, в которых журналист весьма презрительно высказывался о немецком обществе и его настроениях¹⁵⁵.

В 1800 году император Павел I поручил Коцебу составить подробное описание только что построенного Михайловского замка, для чего предоставил ему свободный доступ во все помещения нового дворца, включая и внутренние покои царской семьи (разумеется, когда в них никого не было). Таким образом, немецкий журналист очень хорошо знал место разыгравшейся драмы и основных действующих лиц. Можно предположить, что идея создать краткую историю заговора с рассмотрением его причин и ближайших последствий была не личной инициативой Коцебу, а заданием, полученным от императора Александра. Государь понимал силу слова и, по-видимому, хотел иметь под рукой готовую официальную версию событий. Рукопись хранилась в семье Коцебу* и была передана императору Александру II, который и соиз-

* Потомство Августа Фридриха Коцебу оставило заметный след в русской истории — трое его сыновей достигли генеральских чинов, капитан 1-го ранга Отто Евстафьевич фон Коцебу был одним из выдающихся русских мореплавателей XIX столетия.

волил опубликовать этот текст. Но нет никаких доказательств, что данный экземпляр был единственным, что не существовало иного экземпляра, у которого был один, но августейший читатель.

Первая часть записки Коцебу посвящена, говоря современным языком, анализу личности императора Павла I. Автор далек от однозначно негативной оценки, данной Карамзиным. Он представляет читателю портрет государя великодушного, благородного, думающего в первую очередь о благе своей страны и своих подданных, многие из действий которого, как государственного, так и личного плана, заслуживают лишь восхищения и благодарности потомков.

Однако одновременно Коцебу описывает нестабильность психического состояния государя. По его мнению, психические особенности личности, а также обстоятельства жизни способствовали тому, что император, будучи исполнен лучших побуждений, вызывал у своих подданных страх, отчего сам страдал еще больше.

Коцебу подводит читателя к мысли, что с течением времени психические отклонения прогрессировали и делали Павла Петровича все менее адекватным. Поэтому желавший только добра подданным император превращался в их глазах в тирана, против которого и составил заговор под руководством военного губернатора столицы графа Петра Алексеевича фон дер Палена. Его участники поначалу колебались в вопросе о сохранении жизни государя, но по настоянию Палена приняли решение о царевубийстве. «Нельзя приготовить яичницу, не разбив яиц», — будто бы заявил генерал.

Относительно участия цесаревича Александра в событиях 11 марта 1801 года Коцебу предлагает сразу две версии: по одной из них цесаревич был в неведении до самого последнего момента, и лишь невероятное присутствие духа и самообладание позволили ему мгновенно овладеть ситуацией; по другой — граф Пален убедил его примкнуть к заговору, предъявив будто бы подписанное

отцом решение об аресте, и единственным условием Александра было сохранение отцу жизни в случае переворота.

Так родилась версия о психическом нездоровье императора. Важно отметить, что современниками она воспринималась совсем в другом контексте, нежели потомками. Как раз тогда, когда Коцебу писал свои записки, в 1811 году был фактически отстранен от престола английский король Георг III, который страдал тяжелой формой порфирии — болезни, обрекшей его на слепоту и душевное расстройство. Над королем было учреждено регентство под руководством его сына и наследника, будущего короля Георга IV.

Таким образом, версия о сумасшествии Павла получала косвенное подтверждение благодаря английской аналогии. На первый взгляд она объясняла все: и участие в заговоре высших лиц империи, в том числе и ближайшего окружения Павла, и участие наследника, и принятие переворота обществом — все сходится, жаль, неправда.

Неправда потому, что, в отличие от Георга III, ни один врач не выявил признаков психического расстройства у Павла Петровича. Его наблюдали несколько российских и иностранных врачей, и никто из них за всю его жизнь не заметил каких-либо отклонений. Даже если допустить, что врачи не хотели по каким-то причинам доверять поставленный диагноз документам, характер лечения императора не указывает на заболевания нервной системы. Современники отмечают, что Павел обладал вспыльчивым и переменчивым характером, но от дурного характера до психического расстройства огромная дистанция. Точку в вопросе поставил русский психиатр начала XX века профессор В.Ф. Чиж. В своей работе, вышедшей в 1907 году и основанной на обширном историческом материале, он пришел к выводу, что «Павла нельзя считать маньяком», «он не страдал душевной болезнью» и «был психически здоровым человеком»¹⁵⁶.

Не считали императора сумасшедшим и сами заговорщики. Как известно, ворвавшись в его покои ночью 11 марта, они по-

требовали от государя подписать манифест об отречении в пользу Александра Павловича. Какую юридическую силу мог бы иметь документ, подписанный душевнобольным?

Версия о психической ненормальности Павла дополнила сложившуюся в итоге в историографии классическую картину заговора и убийства. Но и она, как мы видим, не объясняет причин произошедшего.

Скажем несколько слов о доступных источниках информации. Как уже упоминалось выше, официальная версия произошедшего о заговоре и вовсе умалчивала. Однако многие участники заговора оставили личные воспоминания об этом событии, которые со временем стали доступны российским и зарубежным историкам. Большинство из них прошли правительственную цензуру и были опубликованы во второй половине XIX века. В 1907 году петербургский издатель А.С. Суворин собрал все материалы и опубликовал их одной книгой, снабдив научным комментарием. Эта книга относительно легко доступна и современному читателю, так как в 1990 году была репринтным способом переиздана издательством «Культура»*.

В дореволюционной историографии наиболее полно исследовал интересующие нас события Николай Карлович Шильдер (1842—1902), потомственный военный, участник Русско-турецкой войны 1877—1878 гг., генерал-лейтенант инженерных войск, немало потрудившийся на ниве военного образования. Свободное время генерал посвящал историческим трудам: начиная с 1872 года его статьи публикуют ведущие российские исторические журналы. В 1897 году вышла из печати его объемная монография «Император Александр Первый. Его жизнь и царствование»**, в первом томе которой рассмотрена история прихода государя

* Цареубийство 11 марта 1801 года. Записки участников и современников. М.: Культура, 1990.

** Шильдер Н.К. Император Александр Первый. Его жизнь и царствование. СПб.: Издание А.С. Суворина, 1904.

к власти. За этой книгой последовала другая, в которой автор попытался рассмотреть ситуацию с несколько иной точки зрения, — «Император Павел Первый». Она более доступна современному читателю, так как в 2009 году была переиздана издательством «Вече»*. Однако даже через сто лет после событий 1801 года в императорской России сохранялись некоторые цензурные ограничения на освещение царевичейского заговора, поэтому автор опубликовал лишь часть собранных им материалов и постарался максимально обтекаемо обойти вопрос об участии Александра Павловича в заговоре против отца.

Наиболее полным историческим описанием заговора 1801 года является работа советского историка Н.Я. Эйдельмана «Грань веков», впервые вышедшая в начале 80-х годов XX века и неоднократно переиздававшаяся позже**. Автор попытался собрать все доступные источники о политической борьбе в короткое царствование Павла Петровича и составить из них единую и непротиворечивую картину событий. Главный интересующий нас аспект — личные отношения отца и наследника — остался практически незатронутым. Эйдельман рассматривает конфликт между отцом и сыном как исключительно политический и даже идеологический, что соответствовало традициям советской исторической науки.

Попробуем рассмотреть ситуацию с другой стороны — проследим известную нам историю заговора и попытаемся увидеть причины его возникновения и ту роль, которую сыграл в нем наследник престола.

Первый раз династические интересы отца и сына столкнулись еще до воцарения Павла Петровича. В отечественной историографии существует устойчивое мнение о том, что Екатерина II была намерена завещать престол не сыну, а внуку, благо, петровский «Устав о наследии престола» допускал подобную комбинацию. Причиной для такого шага императрицы были серьезные поли-

* Шильдер Н.К. Император Павел I. М.: Вече, 2009.

** Эйдельман Н.Я. Грань веков. М. Мысль, 1982.

тические разногласия с сыном, а также низкая оценка матерью его как личности.

В реальности же все было гораздо сложнее. Остановимся на некоторых ключевых моментах отношений матери и сына.

Почему младенец был изъят у матери сразу же после родов? Екатерина в своих «Записках» описывает этот момент драматически: «Только что спеленали его, явился по приказанию Императрицы духовник ее и нарек ребенку имя Павла, после чего Императрица тотчас велела бабушке взять его и нести за собою; а я осталась на родильной постеле»¹⁵⁷. С тех пор мать видела сына весьма редко. Решение Елизаветы было вызвано тремя причинами.

Во-первых, только что родившийся младенец становился важнейшим династическим и политическим ресурсом, и вопрос о контроле над ним решал многое. Останься Павел с родителями — это значительно усилило бы их политический вес. Контроль над ним со стороны императрицы усиливал ее позиции, она обретала свободу маневра в вопросе выбора наследника.

Во-вторых, для императрицы и ее окружения не были секретом мировоззренческие взгляды и принципы Екатерины Алексеевны. Как уже упоминалось выше, их не разделяли ни супруг, ни государыня. Поэтому великой княгине попросту не доверяли воспитание сына, что было для нее особенно оскорбительно.

В-третьих, педагогические представления XVIII — XIX веков подразумевали определенную дистанцию между матерью и ребенком. Так, женщины благородного сословия никогда не кормили детей грудью сами. Считалось, что связь между матерью и ребенком должна быть в первую очередь социальной, а не биологической. Поэтому такое удаление матери от ребенка воспринималось современниками как норма, хотя и несколько более строгая, чем обычно.

Воспитание Павла Петровича императрица поручила Никите Ивановичу Панину, и, что удивительно, ни Петр III, ни Екатерина II, сменившие ее на престоле, не переменили этого решения.

Политические взгляды наследника оказались далеки как от отцовских, так и от материнских. В отличие от Петра Федоровича («немца на русской службе»), Павел Петрович воспринимал себя исключительно русским человеком и очень хорошо чувствовал свою связь со своей страной и ее народом. Если Петр Федорович хотел бежать из России в родной Киль, то его сын рассматривал возможность бегства на Урал, к казакам, «которые не выдадут»¹⁵⁸.

Если мать видела свою миссию в воплощении в жизнь идеалов Просвещения, то для Павла все идеологические концепты были вторичны. Если Екатерина полагала, что «пушки не могут воевать с идеями», то ее сын считал, что идеи недолго проживут без авторов, вполне уязвимых для картечи.

Однако при этом разные политические и житейские взгляды матери и сына не мешали им поддерживать если не хорошие, то доверительные отношения, что наглядно показывает переписка Екатерины и Павла. Сын делится с матерью не только наблюдениями, но и открывает ей некоторые свои мысли и сердечные планы. Несколько раз за время правления Екатерины составлялся заговор с целью вернуть престол законному наследнику — Павлу Петровичу, и всякий раз великий князь отказывался получать власть подобным образом, более того, сообщал о таких предложениях матери.

Наглядным примером характера отношений матери и сына являются обе женитьбы Павла. В отличие от своих предшественников на троне, Екатерина очень тактично подошла к вопросу выбора невесты для наследника престола. С одной стороны, императрица полностью контролировала ситуацию, с другой — предоставила возможность сыну самому сделать свой выбор. После сложных дипломатических переговоров 6 июня 1773 года в Россию прибыла ландграфиня Гессен-Дармштадтская Каролина в сопровождении трех дочерей — принцесс Амалии, Вильгельмины и Луизы. Государыня предоставила сыну полную свободу выбора — он мог выбрать

одну из трех принцесс или отвергнуть их всех. Цесаревич с первой же встречи пылко полюбил принцессу Вильгельмину, которая и стала его супругой под именем Натальи Алексеевны¹⁵⁹.

Увы, через три года великая княгиня скончалась при родах. Для знакомства с новой невестой Екатерина позволила Павлу совершить заграничный вояж и посетить двор своего кумира — Фридриха Великого. Именно в Берлине цесаревич сделал предложение вюртембергской принцессе Софии-Доротее, которая получила в крещении имя Марии Федоровны.

Именно этот счастливый брак и способствовал заметному ухудшению отношений между сыном и матерью. И главным поводом к этому стали не политические причины, а семейные — после рождения у великокняжеской четы старших сыновей Александра и Константина Екатерина решительно взяла их воспитание в свои руки.

Императрицей двигал как политический расчет, так и желание показать всем и вся, что она тоже умеет воспитывать детей и сделает это лучше, чем воспитатели ее сына. При этом, в отличие от Елизаветы Петровны, Екатерина не стала полностью изолировать детей от родителей. Она просто не позволила последним вмешиваться в вопросы воспитания. Обычный конфликт между родителями и бабушкой о воспитании внуков разрешился в пользу коронованной бабушки. Н.К. Шильдер так описывает начало семейного конфликта: «Молодым великим князьям предстояло вырастать под двойственным влиянием, пагубно отражавшимся на характере и мировоззрении каждого из них; детей должны были сбить с толку противоречивые между собой требования, предъявлявшиеся как со стороны бабушки, так и со стороны родителей. Екатерина пребывала в убеждении, что родители портят детей, а родители в свою очередь находили, что бабушка балует их и берется за дело воспитания не так, как бы следовало. Подобная обстановка должна была окончательно разрушить установившийся было семейный мир»¹⁶⁰.

Другой причиной, осложнившей отношения Павла и Екатерины, стала французская революция. При этом удивительно, но именно наследник первым осознал глобальный характер этого события. Императрица увидела в нем лишь возможность отвлечь внимание западных соседей от реализации собственных планов. «У меня много предприятий неоконченных, и надобно, чтобы они (западные державы) были заняты и мне не мешали», — говорила Екатерина своему секретарю¹⁶¹.

Павел, напротив, сразу же увидел в революции явление, таящее всемирную опасность, разрушение традиционного миропорядка. Цесаревич понимал, что если не потушить очаг революции непосредственно на месте возгорания, то он очень быстро может поджечь всю Европу.

С другой стороны, для Екатерины, как и для многих сторонников философии Просвещения, французская революция стала своего рода крушением идеалов — слишком уж очевидна была связь между построениями просветителей и действиями революционеров. Императрица, которая с юности стремилась претворить идеи просветителей в жизнь, была в шоке. «Французские философы, которых считают подготовителями революции, ошиблись в одном, — писала она немецкому философу Гримму в декабре 1793 года, — в своих проповедях они обращались к людям, предполагая в них доброе сердце, а вместо того учением их воспользовались прокуроры, адвокаты и разные негодяи, чтоб под покровом этого учения совершать самые ужасные преступления, на какие только способны отвратительнейшие злодеи»¹⁶².

Ход событий подтвердил правоту наследника — революционное правительство, стремясь решить свои внутренние проблемы, а также «освободить другие народы от ига тиранов», 20 апреля 1792 года объявило войну Священной Римской империи и ее союзникам — Пруссии, Испании, Сардинии и Неаполитанскому королевству. После казни короля Людовика XVI (1 февраля 1793 года) республика объявила войну Голландии и Великобри-

тании. Ее армии, набранные из социальных низов, а потому отличавшиеся особой склонностью к грабёжам и насилиям, вторглись на территории мирных европейских стран.

Генералы антифранцузской коалиции сразу почувствовали разницу между «войнами в кружевах», характерными для XVIII века: революционные армии не соблюдали никаких «правил ведения войны», беспощадно добивали раненых и пленных солдат противника, жестоко грабили мирное население. Командующий одной из армий республики генерал Журдан свидетельствует: «Солдаты очень дурно обращаются с населением страны: мне стыдно стоять во главе армии, которая ведет себя столь недостойным образом. Когда офицеры пытаются воспротивиться солдатам, им угрожают, в них даже стреляют»¹⁶³.

Вопреки распространенному мнению, в тактике революционных армий не было ничего новаторского или передового, не было и пресловутого «революционного энтузиазма». Современный историк отмечает:

«Моральные качества были не на должной высоте. Вот что пишут комиссары в Бельгии 8 марта 1793 г. об одной из лучших армий республики: “Это трусы, недостойные имени француза, только и ищущие во время боя покинуть поле битвы и, чтобы скрыть свое бегство, кричащие в этом случае об измене, обвиняя в ней всех без различия генералов, ведущих их в бой”. Действительно, стойкость революционных войск была невелика: если во время Семилетней войны (1756—1762) часть могла сохранить порядок и выполнять боевую задачу и при 50% потерь личного состава, то революционные части бегут максимум при 10%, обычно не выдерживая и 2—6% потерь. Французы давали все сражения с колоссальным численным перевесом. При этом, если при Жемаппе 6 ноября 1792 г. Дюмуре одержал победу, имея 42 000 человек против 14 000, то уже 16 марта 1793 г. он был разбит австрийцами при Неервиндене, несмотря на свое численное превосходство. При Гондшоттене 8 сентября 1793 г. французы имели 50 000 против

15 000, при Ваттиньи 15—16 октября 1793 г. — 45 000 против 18 000 австрийцев, которые 8 раз отбивали у сильнейшего противника центральную деревню. В знаменитой битве при Флеркусе 26 июня 1794 г. австрийцы, располагая всего 46 000 против 80 000 человек Журдана, сумели сбить французов со всех занимаемых позиций, и лишь прибытие свежих резервов спасло Журдана от разгрома. Принц Кобургский приказал отступить, а французская армия была настолько ослаблена боем, что Журдан не решился преследовать отходящего противника»¹⁶⁴.

К 1794 году и Екатерина начала понимать необходимость военного вмешательства России в борьбу с революцией, но время было уже упущено. А в конце 1780-х годов революционная тема стала поводом для очередного охлаждения отношений между императрицей и цесаревичем.

Именно тогда проект отстранения наследника от престола приобретает реальные черты. Обычно историки рассматривают действия императрицы так, будто бы она действительно была самодержавным правителем империи и вопрос о престолонаследии был ее личным делом. В действительности же Екатерина, будучи по сути узурпатором, все годы своего правления была вынуждена не просто считаться с мнением вельмож и аристократии, но часто попадала в зависимость от этого мнения. Вспомним еще раз слова Державина: «Она царствовала политически, наблюдая свои выгоды или поблажая своим вельможам, дабы по маловажным проступкам не раздражать их и против себя не поставить. ...Как она говаривала пословицу “Живи и жить давай другим” и так поступала...»¹⁶⁵

Поэтому такой вопрос, как выбор наследника престола, не мог быть решен Екатериной самостоятельно, а должен был стать объектом борьбы в придворных и политических кругах. Подобно своему отцу, Павел Петрович был законным государем, и его приход к власти означал изменение сложившихся отношений между монархом и элитой. Другое дело — Александр. Он был молод,

неопытен, и навязывать ему свою волю было бы значительно проще. К тому же в случае его воцарения появлялась «проблема Павла», отстраненный от престола великий князь стал бы постоянной угрозой для Александра Павловича.

Достичь соглашения с Павлом Петровичем представители элиты пытались и раньше, организуя заговоры в его пользу, но наследник упорно отказывался от компромиссов — он желал получить власть именно как законный государь. И у этой позиции тоже были влиятельные сторонники при дворе. Русская аристократия того времени не утратила до конца патриотических убеждений и понимания, в чем заключается благо страны. Поэтому Екатерине и в этой ситуации приходилось действовать с оглядкой. Ее действия половинчаты и нерешительны. Объявить свое предварительное решение совету и тут же взять его назад, услышав возражения сторонников Павла. Написать завещание, в котором наследником объявлялся Александр, и хранить его неопубликованным, то есть лишенным юридической силы. При этом закрывать глаза на постепенное увеличение гатчинских войск, превратившихся из потешных отрядов в реальную боевую силу, сопоставимую с гвардией.

Эта ситуация стала первым политическим конфликтом, с которым столкнулся в своей жизни Александр Павлович. Соблазн активно включиться в борьбу за власть был очень велик — ведь на кону была судьба престола. Но молодой великий князь предпочел сохранить верность отцу и не проявил желания активно бороться за корону. Почему?

Во-первых, потому, что весьма негативно оценивал итоги правления екатерининского режима. 10 мая 1796 года в письме своему другу Виктору Павловичу Кочубею Александр пишет:

«В наших делах господствует неимоверный беспорядок; грабят со всех сторон; все части управляются дурно; порядок, кажется, изгнан отовсюду, а империя стремится лишь к расширению собственных пределов»¹⁶⁶.

Известно негативное отношение Павла Петровича к екатерининским фаворитам, а вот что пишет о них Александр:

«Я чувствую себя несчастным в обществе таких людей, которых не желал бы иметь у себя и лакеями, между тем они занимают здесь высшие места, как, например, князь Зубов, Пассек, князь Бярятинский, оба Салтыкова, Мятлев и множество других, которых не стоит даже и называть и которые, будучи надменны с низшими, пресмыкаются перед тем, кого боятся»¹⁶⁷.

Именно в контексте приведенных цитат надо рассматривать высказанное в письме желание великого князя вообще отказаться от своего титула и уйти в частную жизнь. Обычно их воспринимают как выражение жизненных убеждения наследника, но, скорее всего, речь идет именно о конкретной ситуации — сменить на троне бабушку в обход отца и править под руководством людей, «не годящихся даже в лакеи».

16 сентября 1796 года императрица имела с внуком решительный разговор, в котором пыталась склонить его к перевороту против отца, детали беседы нам неизвестны, но известно письмо Александра Екатерине от 24 сентября. В нем он в предельно уклончивой форме дает ответ, который, если отбросить многословие, сводится к одной фразе — как подданный готов выполнить любую волю вашего величества. В тот же день великий князь сообщает обо всем отцу и, по обоснованному предположению Н.К. Шильдера, приносит ему присягу на верность¹⁶⁸.

После смерти Екатерины вопрос о наследнике даже не поднимался — двор, гвардия и столица без колебаний присягнули Павлу Петровичу. Среди первоочередных мер нового государя стало решение вопроса о престолонаследии. В 1797 году петровский «Устав о наследии престола» был отменен. Новый закон устранял фактор личной воли государя в вопросе выбора наследника. Впервые в истории русской монархии принцип родового старшинства и передачи престола от отца к сыну был закреплен законодательно. Со свойственной ему тщательностью Павел Петрович расписал

порядок передачи власти среди родственников государя, причем сделал это настолько продуманно, что даже сейчас, спустя почти сто лет с момента крушения Российской империи, можно определить круг лиц, обладающих законными правами на российский престол.

Таким образом, Александр Павлович был не просто официально объявлен наследником престола, но и получил законодательно оформленные гарантии своего положения — то, чем не обладал ни один наследник престола после царевича Алексея. Более того, император начинает привлекать наследника к решению вопросов гражданского и военного управления. Великий князь занимал должности первого санкт-петербургского военного губернатора, шефа Лейб-гвардии Семеновского полка, инспектора по кавалерии и пехоте санкт-петербургской и финляндских дивизий (в то время дивизия — аналог военного округа. — А.М.), а также председательствовал в Военном департаменте. Цесаревич возглавляет также несколько комиссий, созданных для решения экономических и административных проблем, а с 1799 года стал членом Сената. 1 декабря того же года Павел делает сына и членом Императорского совета¹⁶⁹. Впоследствии Александр жаловался, что в павловское время «выполнял обязанности унтер-офицера». Однако ни один наследник российского престола до него не был наделен столь большими полномочиями и не занимал столь многих и столь важных должностей.

Личные же отношения отца и сына, что называется, не сложились. Сохранившаяся переписка не несет в себе ни грамма родственной теплоты. Обращение — либо официальный титул, либо по имени-отчеству. Александр отца побаивался, а тот не сделал ничего, чтобы этот страх разрушить. Будучи лишенным возможности наладить отношения с сыном в детстве, Павел, кажется, и не пытался сделать это потом. Ему, по-видимому, казалось, достаточным быть императором, уважающим наследника престола, строить отношения на уровне служебных отношений. «Любезный

сын» — был для него лишь одним из титулов Александра. Здесь форма полностью выхолостила содержание.

В этом аспекте показательна история, которую часто любят приводить в книгах для иллюстрации отношений отца и сына. Как-то раз император Павел, зайдя в комнату к сыну, обнаружил на его столе книгу из римской истории, открытую на странице, где описывались деяния Брута. Вернувшись к себе, он велел слуге отнести наследнику «Историю Петра Великого», открытую на странице о деле царевича Алексея.

Не столь уж важно, имел ли место подобный случай в действительности, скорее всего, нет, но важно, что в этом историческом анекдоте родственные отношения между Александром и Павлом даны лишь в виде намека, а на первом плане — отношения двух политиков. И эти политики постепенно занимали все более враждебные позиции.

Император Павел вступил на престол, остро осознавая недостатки екатерининского правления, и с первых же дней начал решительно наводить в государстве порядок. Многие из принятых им мер были полезны и заслужили одобрение если не современников, то историков — восстановление права всех подданных обращаться непосредственно к императору, ограничение барщины, беспощадная борьба с казнокрадством и махинациями, введение в армии нового устава, основанного на передовых достижениях европейской военной науки. Но многое сразу же вызвало и общее отторжение. Например, бесконечная мелочная регламентация всего и вся не только для армии или чиновников, но и для всех подданных империи. Запрет отдельных элементов одежды (круглых шляп, фраков, сапог с отворотами на французский манер, жилетов, длинных панталон). Регламентация быта подданных, причем регламентация мелочная, — сколько блюд нужно иметь на обед и в каком часу обедать. Новые правила приветствия императора встречными на улице. Все это не было прихотью самодура или показателем психического нездоровья государя. Нет, за всем

этим стояло желание Павла Петровича, с одной стороны, облагодетельствовать всех и вся, а с другой — не дать революционным идеям ни малейшего шанса проникнуть в русское общество, хотя бы через подражание французской моде.

При этом меры Павла Петровича в отношении одежды были своеобразным ответом на политику, проводимую в этой области французской революцией. Революционеры придавали вопросу одежды большое значение, даже самоназванием наиболее активной их части стало слово «санкюлоты», то есть носящие длинные штаны, в противовес «аристократам», носившим обыкновенные для того времени короткие панталоны с чулками. Революция отменила ношение париков, косичек, пудрение волос, потому что видела во всем этом признаки «старого порядка», «аристократии».

Но разница между революционной Францией и традиционалистской Россией заключалась в том, что если революция была властью диктаторской, насильственной, а в отдельных проявлениях и тоталитарной, то власть русского царя таковой не была. Вопреки мнению многих своих подданных, Павел не был тираном, или, говоря современным языком, диктатором.

Как отмечает современный биограф императора А.М. Песков, «дело было в том, что Павел Первый не был Петром Первым: он был слишком непоследователен в казнях и милостях. Он слишком легко и сердечно прощал тех, кого сам недавно обидел. Если бы он отправлял под арест и в отставку навечно, то у трона бы остались в конце концов только трепетные исполнители, не помышляющие ни о чем, кроме как о способах снискать милость императора истреблением конкурентов. ...Павел унаследовал от прадеда только истерический нрав, а звероподобной беспощадности не унаследовал: никто из его приближенных не был казнен раз и навсегда, публично и насмерть»¹⁷⁰.

Ключ к загадке Павла заключается в понимании им революции и своего долга как царя противостоять ей. Как уже отмечалось выше, император сразу воспринял революцию как глобальное яв-

ление, угрожающее всему существующему миропорядку. Истоком революции он считал отступление западного (цивилизованного) общества от базовых христианских ценностей и принципов феодального мироустройства. Философия просвещения, культ гедонизма, забвения рыцарских добродетелей — это спровоцировало революцию и сделало ее возможной. А значит, для противостояния революции необходимо возвращение к прежним принципам. Если олицетворением революции стала свобода, то противостоять ей, стать символом реакции должна была честь.

Честь и порядок должны были, по замыслу Павла Петровича, противостоять как революции, так и екатерининскому Просвещению.

«Честь. О ней постоянно толкуют именные указы, приказы, устные сентенции государя — привить рыцарские понятия развращенному потемкинскому и екатерининскому дворянству. Павел совсем не лжет в отличие от беспрерывно лгавшей матушки, он практически всегда говорит и пишет то, что думает; ложь Екатерины была следствием ее стремления совместить несовместимое — самодержавно-крепостническую систему и Просвещение; правдивость Павла — черта его системы, основанной на внутренне последовательных консервативных представлениях»⁴⁷¹.

Ошибка была в том, что революция не создавала никаких ценностей. И не могла их создать. Революционные процессы, по самой своей сути, способны только к разрушению, но не к созиданию. Все революционные идеи и ценности не были новыми, а были украдены у все того же христианского базиса европейской цивилизации, сколько бы с революционных трибун ни твердили бы об обратном. Идеологи революции с корнем выдирали ценности традиционного общества, отбрасывая ненужное как «устаревшее» и «реакционное», но и Павел Петрович, по сути, делал то же самое, только с обратным знаком.

За XVIII век российское дворянство успело проникнуться чувством собственного достоинства и привыкнуть к некоторой

степени личной свободы. Эти качества в сословии последовательно культивировали все российские самодержцы, начиная с Петра Великого. Павел же потребовал от дворянства большей покорности государю, чем требовали в далеком XVII веке, когда дворяне и бояре в письмах царю называли себя рабами и холопами, но отнюдь не получали указаний о форме одежды и количестве блюд на обед. Тяжелее всего пришлось жителям столицы, где полиция в считанные дни выполнила распоряжения императора и где он сам периодически появлялся на улицах.

Государь не понял или не захотел понять, что настоящая честь есть только там, где есть свобода, что идеология рыцарства неотъемлемой частью включает в себя чувство личной свободы. Невозможно делать из подданных рыцарей и одновременно возвращать телесные наказания для дворянства.

В этом противоречии и заключается разгадка конфликта Павла и русского привилегированного общества. Русское общество оставалось в целом традиционным (по взглядам) и поэтому отвергло как идеи революции, так и идеи павловской антиреволюции.

Именно так оценивал правление Павла Петровича русский историк и политический деятель начала XIX века Н.М. Карамзин. В своей «Записке о древней и новой России», поданной императору Александру I в 1811 году, он пишет:

«Что сделали якобинцы в отношении к республикам, то Павел сделал в отношении к самодержавию: заставил ненавидеть злоупотребления оногo. По жалкому заблуждению ума и вследствие многих личных претерпленных им неудовольствий, он хотел быть Иоанном IV; но россияне уже имели Екатерину II, знали, что государь не менее подданных должен исполнять свои святыe обязанности, коих нарушение уничтожает древний завет власти с повиновением и низвергает народ со степени гражданственности в хаос частного естественного права. Сын Екатерины мог быть строгим и заслужить благодарность отечества; к неизъяснимому изумлению россиян, он начал господствовать всеобщим ужасом,

не следуя никаким уставам, кроме своей прихоти; считал нас не подданными, а рабами; казнил без вины, награждал без заслуг; отнял стыд у казни, у награды — прелесть; унизил чины и ленты расточительностью в оных; легкомысленно истреблял долговременные плоды государственной мудрости, ненавидя в них дело своей матери»¹⁷².

Как мы видим, Карамзин ставит Павла на одну доску со столь ненавидимыми им якобинцами. Возможно, историк несколько сгущает краски, сравнивая государя с Иваном Грозным. В отличие от первого русского царя, Павел не был жесток, не был он и тираном, беспощадным диктатором, он был не чужд великодушия и благородства, и истинным удовольствием для него было помиловать провинившегося, творить милость, а не жестокость. Государь хотел быть рыцарем, но в силу своей же политики он оставался единственным рыцарем в государстве. Единственным рыцарем — Дон Кихотом, образом и трагическим, и комическим одновременно. Именно так назвал Наполеон Бонапарт русского царя после того, как между ними завязалась переписка¹⁷³.

Разрыв между императором и обществом произошел далеко не сразу. Царя пытались предупредить, образумить, хотя это было весьма небезопасно, если учесть его вспыльчивый характер. Гавриил Романович Державин попытался воздействовать силой искусства. В оде на рождение великого князя Михаила Павловича он писал:

Престола хищнику, тирану
Прилично устрашать врагов,
Но Богом на престол венчану
Любить их должно, как сынов...

Император прислал поэту в благодарность табакерку, осыпанную бриллиантами, и свое высочайшее благоволение, но выводов, судя по всему, не сделал¹⁷⁴.

Неудивительно, что заговоры против государя возникли почти сразу же по его восшествии на престол. И один из них составилялся вокруг наследника цесаревича Александра Павловича. На первый взгляд это может показаться парадоксальным — только что наследник отверг возможность получить власть в обход отца и фактически поддержал его права на престол, а уже в следующем году пишет своему воспитателю Лагарпу:

«Мой отец, по вступлении на престол, захотел преобразовать все решительно. Его первые шаги были блестящими, но последующие события не соответствовали им. Все сразу перевернуто вверх дном, и потому беспорядок, господствовавший в делах и без того в слишком сильной степени, лишь увеличился еще более.

...Благосостояние государства не играет никакой роли в управлении делами: существует только неограниченная власть, которая все творит шиворот-навыворот. Невозможно перечислить те безрассудства, которые совершаются здесь; прибавьте к этому строгость, лишенную малейшей справедливости, немалую долю пристрастия и полнейшую неопытность в делах. Выбор исполнителей основан на фаворитизме; заслуги здесь ни при чем. Одним словом, мое несчастное отечество находится в положении, не поддающемся описанию. Хлебопашец обижен, торговля стеснена, свобода и личное благосостояние уничтожены. Вот картина современной России, и судите по ней, насколько должно страдать мое сердце»¹⁷⁵.

В этом письме обращают на себя внимание несколько важных моментов, характеризующих взгляды и политическую позицию цесаревича.

Во-первых, это отношение к отцу. Александр пишет о Павле так, будто тот совершенно чужой ему человек. Так может писать глава оппозиции о лидере правящей партии в какой-нибудь парламентской республике или диссидент о диктаторе. Но мало этого, наследник позволяет себе смотреть на государя несколько свысока. Чего стоит только замечание о «полнейшей неопытно-

сти в делах», которое было бы уместно под пером многоопытного государственного мужа, а не двадцатилетнего юноши.

Но это все только на бумаге, в жизни Александр отца откровенно боялся. «Каждое утро, в семь часов и каждый вечер — в восемь, великий князь подавал императору рапорт. При этом необходимо было отдавать отчет о мельчайших подробностях, относящихся до гарнизона, до всех караулов города, до конных патрулей, разъезжающих в нем и его окрестностях, и за малейшую ошибку давался строгий выговор. Великий князь Александр был еще молод, и характер его был робок; кроме того, он был близорук и немного глух; из сказанного можно заключить, что эта должность не была синекурой и стоила Александру многих бессонных ночей. Оба великих князя (Александр и его брат Константин. — А.М.) смертельно боялись отца, и, когда он смотрел сколько-нибудь сердито, они бледнели и дрожали как осиновый лист», — пишет в своих мемуарах офицер Лейб-гвардии Конного полка Николай Саблуков¹⁷⁶.

Во-вторых, описывая в письме состояние страны, Александр в значительной степени сгущает краски. Большинство мемуаристов, характеризуя Павловскую эпоху, сообщают о том, что все негативные последствия деятельности императора сказывались главным образом на положении привилегированных сословий империи. Положение крестьян если и изменилось, то в лучшую для них сторону. Действительно, русская внешняя торговля пострадала после ухудшения отношений с Англией — главным внешнеэкономическим партнером Российской империи, но произошло это не в 1796—1797 годах, а значительно позже — в 1800-м.

В-третьих, в письме Александр сообщает своему воспитателю о группе единомышленников, вместе с которыми он составляет планы для своего будущего царствования. Эта группа, известная в истории как «молодые друзья», состояла из князя Адама Чарторыйского, Новосильцева, Кочубея, Строганова, Воронцова. О деятельности этого кружка в начале правления Павла известно

мало. Вряд ли она сводилась только к чтению и переводу книг, необходимых для развития России, как об этом писал цесаревич. Впрочем, он же сделал оговорку, что о действительных занятиях группы Новосильцев расскажет Лагарпу лично.

В-четвертых, рассуждения Александра Павловича о свободе и о дальнейших путях развития России позволяют получить первое представление о его взглядах на революцию и пути ее преодоления. Как и его отец, молодой великий князь сразу же осознал глобальный характер революции. Поначалу она привлекала его, казалась выходом из душного и лицемерного пространства просветительских салонов XVIII века, которые так любила его бабушка. Александр жадно ловил все новости из Франции и вместе с «молодыми друзьями» затеял своеобразную игру в якобинцев. В отличие от отца и бабушки, он отчасти попал под притягательную силу революции и сумел как бы прочувствовать ее изнутри. Один из его ближайших друзей, молодой граф Павел Александрович Строганов, не только был в 1787—1790 годах в Париже, но и принимал личное участие в революционных волнениях и даже вступил в Якобинский клуб. Так что будущий государь имел возможность получить информацию, что называется, из первых уст.

Казнь Людовика XVI, короля, «вернувшего французам свободу», умного и кроткого правителя, резко изменила отношение Александра Павловича к революции, но не к тем ценностям, которые она пыталась поднять на щит. И вывод, к которому пришел великий князь, был следующим: ценности первичны, а формы их общественной организации — вторичны. Следовательно, сама по себе республика не может гарантировать людям свободу, а монархия отнюдь не обязана подавлять ее. Монархия может быть более свободной, чем республика. Не существует революционной монополии на свободу и осчастливливание людей. Эта парадигма опровергала тезис революции об устарелости «отжившей свой век власти королей», разрушала республиканскую монополию на будущее человечества, перехватывала идеи революции, но не

сопровождала их революционным насилием и террором. Придет время, и именно эта парадигма позволит Александру I стать «Агамемноном Европы», сокрушить кровавое царство революции и вернуть народам мир и свободу. Тогда, в 1797 году, эта доктрина только формировалась в голове наследника российского престола, но даже в начальной своей форме она входила в противоречие с идеями Павла.

Страх перед отцом и отсутствие нормальных отношений между ними не позволили цесаревичу заявить о своей точке зрения. Он и не пытался, обсуждая планы на будущее среди доверенных друзей. Неизвестно, как далеко заходили эти обсуждения. Строго говоря, нам неизвестно даже, обсуждался ли вообще вопрос о приходе Александра к власти. Такие тайны не доверяют ни письмам, ни мемуарам, но такой вопрос рано или поздно должен был быть поставлен.

Впрочем, император Павел не стал дожидаться, пока наследник со своими «молодыми друзьями» задумается о вопросах власти. Заговор, а вернее кружок молодых вельмож вокруг Александра, был мягким образом устранен. Кто отправился служить при европейских дворах, кто — путешествовать по Европе, а в Петербурге остался лишь один цесаревич. Меры были столь мягкими и даже деликатными, потому что никакой угрозы разговоры молодых мечтателей не несли.

Гораздо опаснее был второй заговор, существовавший параллельно с первым и ставивший своей задачей смену фигуры на российском престоле. Об этом заговоре нам известно весьма немного. Некоторые сведения о нем содержатся в уже упоминавшейся выше «Записке» Коцебу. Сведения эти весьма смутные и неконкретные: «Было до тридцати людей, коим поочередно предлагали пресечь жизнь государя ядом или кинжалом». Кем именно предлагалось и кто были эти «отчаянные сорванцы», автор не сообщает. Не сообщает он и имени несостоявшегося цареубийцы, ни даты провалившейся попытки покушения: «Однажды, в маскараде в

Эрмитаже, один из них (заговорщиков), вооруженный кинжалом, стоял у дверей, чрез которые несколько ступеней вели в залу, и ждал государя с твердою решимостью его убить. Государь появился. Убийца пробрался к нему, но вдруг потерял присутствие духа и бежал домой, как будто преследуемый фуриями»¹⁷⁷.

Возможно, этим несостоявшимся «Брутом» был грузинский князь В.М. Яшвиль, который принял участие и в заговоре графа Палена. В письме, направленном Александру I после его вступления на престол, князь пишет:

«Государь, с той минуты, когда несчастный безумец Ваш отец вступил на престол, я решился пожертвовать собою, если нужно будет для блага России, которая со времени кончины Великого Петра была игрищем временщиков и, наконец, жертвою безумца»¹⁷⁸.

Если слова о появлении намерения убить императора сразу же после его вступления на престол не словесный оборот, то перед нами несомненный участник того самого заговора, о котором говорится в «Записке» Коцебу. К тому же кому, как не грузинскому князю, выбрать кинжал в качестве орудия царевубийства?

Но кто был организатором этого заговора? Кто были эти загадочные влиятельные люди, что подбивали офицеров на тиранубийство? Историки об этом молчат. Молчат потому, что точных сведений нет, да и быть не может. Попробуем определить заговорщиков логическим путем.

Для начала отметим, что их целью являлось именно царевубийство. Не отстранение монарха от власти, не навязывание ему каких-то условий, а именно физическое устранение Павла Петровича. Выбор способа — убийство неким одиночкой, «Брутом», — говорит о том, что сами заговорщики планировали остаться как бы в стороне, не связывая себя напрямую с произошедшим.

В случае убийства императора престол законным образом переходил по наследству Александру Павловичу. То есть исполнялся нереализованный по разным причинам план Екатерины

Великой. Значит, можно предположить, что инициаторами заговора были лица, входившие прежде в ближайшее окружение императрицы и связанные с подготовкой ее планов об изменении порядка престолонаследия. А среди этих приближенных первую роль играли братья Зубовы.

Выходцы из нетитулованного русского дворянства, вошедшие в силу только благодаря тому, что один из них — Платон — стал фаворитом государыни, они не могли сохранить устойчивое положение, богатство и влияние после восшествия Павла на престол. На первых порах новый царь обошелся с Зубовыми милостиво, но о влиянии на принятие властных решений им пришлось забыть.

Убийство императора и передача престола его сыну — любимому внуку Екатерины — могли показаться Зубовым средством для возвращения своего влияния. Молодой царь нуждался бы в помощниках и советниках сильнее, чем его отец. К тому же Зубовы полагали, что Александр действительно будет ориентироваться на екатерининские порядки — великий князь прекрасно умел скрывать свои мысли, и о его настоящем отношении к правлению бабушки никто не знал.

Зубовы не были связаны с узким кружком цесаревича и в свои замыслы его не посвящали. Хотя их план и не был раскрыт, у ближайшего окружения Павла бывший фаворит Екатерины и его братья не могли не вызывать подозрение, и в течение года всем троим под разными предлогами было предложено покинуть столицу.

Третий и наиболее известный заговор против Павла Петровича традиционно связывают с именем военного губернатора столицы, генерала от кавалерии графа Петра Алексеевича фон дер Палена. Большинство мемуаристов и историков согласно отмечают, что если бы не энергия и не предприимчивость этого человека, то и новая попытка лишить императора власти окончилась бы так же, как и предыдущие. А потому присмотримся к генералу повнимательнее.

Он родился в 1745 году в семье остзейских дворян, на военную службу поступил в 15-летнем возрасте рядовым Лейб-гвардии Конного полка. В 1769 году в чине ротмистра переводится из гвардии в действующую армию. В сражении при Бендерах, будучи раненным, не покинул поле боя, за что получил орден Святого Георгия 4-го класса. Как сообщалось в приказе, *«за отличное мужество при штурмовании Бендерской крепости и храбрость, с которою, предводительствуя, отнимал у неприятеля бастионы, батареи и улицы»*.

Первый генеральский чин Петр Алексеевич получил лишь в 1787 году — через 27 лет беспорочной и опасной военной службы. В 1789 году генерал командует одной из колонн русской армии при штурме Очакова. Командует храбро, о чем свидетельствует награждение следующей, 3-й степенью ордена Святого Георгия.

В 1792 году генерал выполняет важную политико-административную миссию — способствует включению Курляндии в состав России и образованию Рижской губернии. Местный уроженец, он хорошо знал обстановку в Курляндии и провел свою сложную миссию, что называется, без сучка и задоринки. В 1795 году произведенный в генерал-лейтенанты Пален становится рижским генерал-губернатором.

Итак, перед нами — путь боевого генерала без особых связей и протекции при дворе. Свои чины и награды Петр Алексеевич заслужил на поле боя, проливая кровь за Отечество.

Должность рижского губернатора при Екатерине была бы для него потолком карьеры. Но Павел оценил храброго и предприимчивого военачальника и администратора, и с 1797 года карьера Палена резко пошла в гору. Он становится и графом, и генералом от кавалерии, занимает пост инспектора по кавалерии Санкт-петербургской и финляндской дивизий и становится военным генерал-губернатором Санкт-Петербурга. Что важнее формальных постов, Пален пользуется полным доверием со стороны

государя, что фактически превращает его во второго человека в государстве.

У читателя не может не возникнуть вопрос: зачем такой человек, вознесенный Павлом на вершину власти, включается в заговор против своего благодетеля? И не просто включается, а становится одним из главных его руководителей? Историки обычно объясняют это следующим образом: «Ему (Палену) недоставало одной только безделицы — безопасности, наравне со всеми прочими россиянами, как состоявшими на службе, так и жившими мирно в стороне от круговорота политических дел. Хотя граф Пален и был осыпан всеми милостями и дарами счастья, но тем не менее над головой его непрестанно сверкал дамоклов меч. Самый радостный, самый блестящий день не представлял ему ручательства в спокойной ночи; завистники его всегда бодрствовали и не пропускали ни одного случая, чтобы сделать его подозрительным в глазах государя, а потому военный губернатор не мог рассчитывать на прочность своего счастья»¹⁷⁹.

Импульсивный характер императора Павла Петровича был страшен для его сотрудников, и чем ближе человек стоял к государю, тем страшнее. Такой характер — беда для любого руководителя, что в XIX веке, что в наши дни. Руководитель может быть прекрасным специалистом, хорошо относиться к подчиненным, даже пользоваться их уважением, но если он не может сдерживать свой характер и способен «разнести» сотрудника жестко и прилюдно вне зависимости от его статуса и прошлых заслуг, то рано или поздно ему придется иметь дело с кадровыми проблемами. Причем уходить будут именно ближайшие сотрудники, которые сумели удержаться с руководителем много лет, доверенные, и уходить внезапно, без предупреждения.

Беда Павла Петровича заключалась в том, что его сотрудникам уходить было некуда. Царская служба — не коммерческое предприятие, уволиться невозможно. И указать царю на недостатки его характера опять же было некому. Полковник Николай Саблуков

вспоминал: «Стремительный характер Павла и его чрезмерная придирчивость и строгость к военным делали эту службу весьма неприятной. Нередко за ничтожные недосмотры и ошибки в команде офицеры прямо с парада отсылались в другие полки и на весьма большие расстояния. Это случалось настолько часто, что у нас вошло в обычай, будучи в карауле, класть за пазуху несколько сот рублей ассигнациями, дабы не остаться без денег в случае внезапной высылки.

Подобное обращение, естественно, держало офицеров в постоянном страхе и беспокойстве, благодаря чему многие совсем оставили службу»¹⁸⁰.

Впрочем, сам граф Пален оправдывал свою измену более высокими помыслами, в беседе с генералом Ланжероном он так говорил о своих мотивах: «Состоя в высоких чинах и облеченный важными и щекотливыми должностями, я принадлежал к числу тех, кому более всего угрожала опасность, и мне настолько же желательно было избавиться от нее для себя, сколько избавить Россию, а может быть, и всю Европу от кровавой и неизбежной смуты»¹⁸¹.

Но сам граф Пален не был зачинщиком заговора, его вовлек в это дело другой граф — Никита Петрович Панин. Племянник и тезка того самого Никиты Ивановича Панина, что принимал самое активное участие в «революции 1762 года», можно сказать, потомственный заговорщик. Он родился в 1770 году в семье видного екатерининского полководца. С рождения был записан в гвардию и к 18 годам получил чин бригадира, а к 26 стал генерал-майором. На поле боя новоиспеченный генерал появился лишь один раз — во время Русско-шведской войны 1788—1790 годов. Не имея склонности к военной службе, он посвятил себя дипломатической карьере. С 1797 года занимает пост русского посланника в Берлине, где усердно трудится над укреплением антифранцузской коалиции. В 1799 году возвращается в Россию, где получает звание вице-канцлера империи.

Таким образом, в отличие от карьеры Палена, карьера Никиты Петровича была гладкой, быстрой, обеспеченной не только собственным умом и талантами, но и протекцией мощного аристократического клана. Если Пален долгих 27 лет выслуживал в боях и походах генеральский чин, то Панин получил его, не прилагая к этому никаких усилий, и отбросил как ненужное украшение. Таким людям, по-видимому, было очень не просто найти общий язык, но они сумели это сделать.

Почему граф Панин стал заговорщиком? Обычно это объясняют неудовлетворенностью им как своим положением, так и внешней политикой страны, в частности резким поворотом императора в сторону Франции. Объяснение это выглядит несколько странным. Действительно, став в 29 лет самым молодым вице-канцлером в истории Российской империи, от реального влияния на внешнюю политику страны Никита Петрович был отстранен. Император лично проявлял большую активность в этой сфере, а воплощал его замыслы в жизнь граф Федор Васильевич Ростопчин.

Отношения Панина и Ростопчина сразу же не сложились. Но вместо того, чтобы интриговать против своего непосредственного начальника, что было бы привычной бюрократической игрой, Панин занялся подготовкой заговора против государя императора.

Предлагаемые историками версии вовлечения в заговор двух его основных действующих лиц основаны на косвенных источниках информации. Бумаги и Палена, и Панина после их смерти были изъяты по указанию императора Николая I и, по всей видимости, уничтожены.

Но еще интереснее другой вопрос: как такие разные люди, как Пален и Панин, нашли общий язык друг с другом? Выше уже упоминалось, что главным условием любого заговора является доверие участников друг другу. Здесь же два главных заговорщика являются чуть ли не антиподами: один немец, другой русский,

один усердный служака, другой — родовитый баловень судьбы, при этом первый годится в отцы второму.

Связующим звеном между ними стал адмирал Иосиф Михайлович де Рибас. Потомок знатного испанского рода, он поступил на русскую службу в 1774 году. Через 14 лет сражений и походов, в 1791 году, произведен в чин контр-адмирала, командовал флотилиями и десантами, отличился во множестве сражений, выполнял многие административные поручения, в частности основал на месте турецкого поселения Гаджибей город Одессу. К моменту смерти Екатерины де Рибас в чине вице-адмирала командовал черноморским гребным флотом и приобрел некоторое влияние в придворных сферах. Популярный в начале XX века историк Казимир Валишевский даже включает адмирала в число приближенных императрицы. Павел отстраняет его от всех должностей на юге, но вместо ожидаемой опалы назначает членом Адмиралтейства коллегии, а в 1799-м производит в полные адмиралы. В 1800 году де Рибас фактически исполняет обязанности главы морского ведомства империи.

Вопрос, что его могло побудить принять участие в заговоре против императора, остается открытым. Некоторые историки называют в качестве причины кратковременную опалу, которой адмирал подвергся в марте 1800 года, публицисты и романисты любят подчеркивать его склонность к авантюрам и интригам. С Никитой Петровичем Паниным его связывали давние дружеские отношения¹⁸².

Фон Пален и де Рибас, что называется, одного поля ягоды, поэтому неудивительно, что они без труда нашли общий язык. Возможно, они были знакомы и прежде. Адмирал и наладил контакт между вице-канцлером и военным губернатором столицы.

К моменту организации третьего заговора относятся и первые дошедшие до нас сведения об установлении связи между заговорщиками и наследником престола цесаревичем Александром Павловичем.

Для понимания дальнейших событий скажем несколько слов о личности великого князя. Вслед за Н.К. Шильдером историки и биографы указывают, что его необычное семейное положение — между родителями и бабушкой — воспитало в наследнике скрытность и лицедейские качества. Однако младший брат Александра великий князь Константин, находившийся в точно таких же условиях, никакой ловкости в общении с людьми не приобрел, а превратился в законченного невrastеника.

По-видимому, дело заключалось не в особенностях воспитания, а во врожденном таланте будущего императора. Александр Павлович был прирожденный дипломат. Случай уникальный среди держателей престола российского. Безусловно, дипломатия наравне с военным делом всегда относилась к приоритетным занятиям государей, но никогда за всю историю нашей страны ее не возглавлял человек, столь преуспевший в этой области. Задатки дипломата проявились у юного Александра уже в детстве. «Я еще не видела мальчугана, который так любил бы расспрашивать, так был бы любопытен, жаден на знания, как этот. Он очень хорошо понимает по-немецки и еще более по-французски и по-английски; кроме того, он болтает как попугай, любит рассказывать, вести разговор, а если ему начнут рассказывать, то весь обращается в слух и внимание. У него прекрасная память и его не проведешь» — так описывала четырехлетнего внука Екатерина II в письме одному из своих корреспондентов¹⁸³.

Как и подобает настоящему дипломату, Александр великолепно владел собой, мастерски скрывал свои настоящие чувства и умело изображал то, что хотел изобразить. Наполеон, почувствовавший силу русского императора на шахматной доске европейской дипломатии, дал ему прозвище Северный Тальма*, в русской исторической литературе и публицистике большую популярность получила фраза Петра Вяземского: «Сфинкс, неразгаданный до

* Франсуа-Жозеф Тальма (1763 – 1826) – великий французский актер, реформатор театрального искусства.

гроба». Таким он был для всех, человеком-загадкой. Никто, за исключением, быть может, супруги — императрицы Елизаветы Алексеевны, не мог быть уверенным в том, что знает истинные мысли и чувства государя.

Учитывая это обстоятельство, будет очень сложно разобраться в отношениях между наследником престола и заговорщиками. В отличие от Зубовых, Пален и Панин по совету де Рибаса попытались наладить отношения с Александром Павловичем и даже вовлечь его в заговор. С одной стороны, для заговорщиков это был колоссальный риск: поступи наследник так, как поступал в свое время его отец, участники заговора, поплатились бы головами. С другой — возможно ли держать в неведении человека, в пользу которого организуется государственный переворот. И все же заговорщики решились. Кто из них первым заговорил об этом с Александром, сказать сложно. Есть сведения, что граф Панин встречался с наследником в бане Зимнего дворца в самом начале 1800 года. По другой информации, первым этот вопрос обсудил Пален, который почти ежедневно виделся с цесаревичем по делам службы¹⁸⁴.

Как сообщают мемуаристы, а вслед за ними и историки, великий князь долго колебался. По некоторым сведениям, целых полгода, прежде чем дал согласие на реализацию плана заговорщиков. На самом деле никаких колебаний не было. Если бы Александр принципиально отвергал саму возможность заговора в свою пользу, он в тот же день выдал заговорщиков отцу и дело бы на этом кончилось. Сложно представить, что великий князь полгода размышляет, сообщить отцу о заговоре или нет. При этом по действовавшим в России законам недонесение о заговоре против особы государя императора приравнивалось по степени ответственности к соучастию в заговоре. Уже сам факт того, что цесаревич знал о заговоре и не донес, юридически, делает его заговорщиком. Свой выбор Александр Павлович сделал практически сразу. Об этом говорит также и то, что заговорщики,

не дожидаясь ответа наследника, деятельно приступили к подготовке заговора.

Император Павел опасался государственного переворота. Проанализировав опыт событий 1725, 1740, 1741 и 1762 годов, он сделал то, о чем подумывал еще его отец, — реформировал российскую гвардию. Во-первых, состав гвардии был расширен — добавились Лейб-гвардии егерский батальон, полки — Лейб-гвардии гусарский и Лейб-гвардии казачий. Во-вторых, была пересмотрена заложенная еще Петром Великим роль гвардии как кузницы офицерских кадров для армии. Павел прекратил практику записи дворян рядовыми в полки с младенческого возраста, место молодых представителей благородного сословия заняли обычные, хотя и наиболее тщательно отобранные рекруты. Гвардия перестала быть дворянской корпорацией, а стала тем, чем и должна была быть изначально, — отборными воинскими частями.

В популярной литературе часто пишут о многочисленных трудностях, которые доставило солдатам внедрение павловских новшества в обмундировании и строевой подготовке. Но при этом обычно умалчивают, что одновременно был наведен жесткий порядок в вопросах снабжения, питания и обмундирования. Как это ни парадоксально звучит на первый взгляд, но для солдат служба в павловское время была легче и спокойнее, нежели в предшествующее екатерининское и последующее александровское. Солдаты гвардии любили императора и были ему преданы.

Совсем другое дело офицеры. Для них, избалованных в предыдущее царствование не слишком обременительным несением службы, новые порядки оказались сродни стихийному бедствию. Один из офицеров описал произошедшую перемену в остроумных стихах:

Ахти-ахти-ахти — попался я впросак!
Из хвата-егеря я сделался пруссак.
И, каску поменяв на шляпу треуголку,

Веду теперь я жизнь и скучну и невольну.
Наместо чтоб идти иль в клуб, иль в маскарад,
Готов всегда бежать к дворицу на вахтпарад¹⁸⁵...

Потом публицисты будут говорить, что «дух воинский Павел заменил духом капральским», но все-таки представляется, что участие в таком военном мероприятии, как развод караулов (пресловутый вахтпарад), более полезно для офицера, чем посиделки в клубе или танцы на маскараде.

Верный принципу субординации, Павел постоянно наказывал гвардейских офицеров как за их собственные оплошности, так и за оплошности их подчиненных. В таких условиях службы неизбежной стала высокая степень текучести офицерских кадров. Полковник Саблуков вспоминал, что из 130 офицеров Лейб-гвардии Конного полка, которые находились на службе к моменту вступления сына Екатерины на престол, только четверо остались в полку к 1801 году.

Другой мерой, которая должна была, по мнению Павла Петровича, обезопасить от участи отца, стало строительство в Петербурге нового дворца — знаменитого Михайловского замка. Замысел проекта особого укрепленного дворца государь начал составлять еще в бытность свою наследником престола. Здание должно было сочетать комфорт и блеск императорской резиденции с безопасностью крепостного укрепления. Превратил царский замысел в полноценный архитектурный проект один из самых знаменитых русских зодчих Василий Иванович Баженов.

Указ о строительстве дворца Павел издал в первый же месяц своего правления — 28 ноября 1796 года: «Для постоянного государева проживания строить с поспешанием новый неприступный дворец-замок. Стоять ему на месте обветшавшего Летнего дома».

Строительство под руководством зодчего В. Бренна шло рекордными темпами в 1797 году закладка, в 1800-м — освящение, а в начале 1801 года император уже праздновал новоселье.

Здание замка было окружено глубокими рвами с водой, в стенах нижнего этажа имелись бойницы, помещения могли вместить значительный гарнизон. Проживая в таком укрепленном дворце, расположенном в центре столицы империи, государь мог не опасаться повторения событий 1762 года*.

Однако граф Пален хорошо знал один из главных принципов военного дела — не делай того, чего ждет противник. Император ждет крупного военного мятежа и попытки взбунтовать против него целые полки, а заговорщики будут действовать малыми силами — небольшие отряды вовлеченных в заговор офицеров сумеют преодолеть кордоны охраны и покончить с тираном.

Каким образом покончить? Наследник согласился сотрудничать с заговорщиками только при одном условии — сохранение жизни отцу. «Великий князь Александр не соглашался ни на что, не потребовав от меня предварительно клятвенного обещания, что не станут покушаться на жизнь его отца»¹⁸⁶ — так рассказывал Пален генералу Ланжерону. Об этом условии наследника сообщают практически все мемуаристы. Александр не хотел занять трон с репутацией отцеубийцы и тем самым существенно осложнил задачу заговорщикам.

Во-первых, надо было решать юридический вопрос об отстранении царствующего императора от власти, чего законы Российской империи не предусматривали в принципе.

Во-вторых, необходимо было каким-то образом изолировать низвергнутого царя от общества и, главное, от возможных сторонников. Как уже упоминалось выше, несмотря на «пруссификацию» армии, рядовые солдаты гвардейских и армейских полков любили своего державного повелителя. Даже после его убийства, присяга новому царю прошла в гвардии далеко не гладко, а если бы он остался жив?

* После смерти Павла замок долгое время пустовал. Примечательно его последующее использование: в 1823 году он был переделан под размещение военного инженерного училища, где готовили будущих фортификаторов для русской армии. Тогда же замок получил и свое второе название — Инженерный.

В-третьих, было непонятно, каким образом позиционировать наследника, пришедшего к власти при живом императоре. То ли как регента, то ли как полноправного монарха.

Сколько бы проблем удалось избежать в случае гибели Павла в ходе переворота. Но тогда надлежало страшиться гнева наследника... Куда ни кинь — всюду клин.

Впрочем, граф Пален и не собирался ломать себе голову, размышляя над этими проблемами. Для себя он все уже решил, а слово дал, лишь чтобы «успокоить щепетильность моего будущего государя». «Я обнадежил его намерения, хотя был убежден, что они не исполнятся. Я прекрасно знал, что надо завершить революцию или уже совсем не затевать ее, и что если жизнь Павла не будет прекращена, то двери его темницы скоро откроются, произойдет страшнейшая реакция, и кровь невинных, как и кровь виновных, вскоре обогрят и столицу, и губернии»¹⁸⁷, — говорил он впоследствии Ланжерону. Вместо того чтобы думать о том, как обеспечить условия для правления нового государя при сохранении жизни предыдущему, граф Пален продумывал план, который позволил бы ему уберечься от гнева Александра после убийства Павла.

А что же Александр Павлович? Поверил ли он обещанию Палена? Большинство мемуаристов оправдывает цесаревича, уверяя современников и потомков, что он был настолько молод и неопытен, что не разгадал коварства заговорщиков. Да и в заговоре участия, в сущности, не принимал, а только знал о нем.

Однако историки с самого начала усомнились в столь наивном и пассивном поведении будущего императора. Оно вызывало сомнения хотя бы потому, что после прихода к власти Александр Павлович проявил совсем другие качества, быстро овладев ситуацией и исключив возможность вмешательства в политику для вождей заговора. Да и в самом заговоре его роль оказалась куда более весомой, чем просто стороннего наблюдателя.

Одно известно достоверно: Александр не только не предупредил отца о готовящемся заговоре (что был обязан сделать и как

наследник, и как офицер, и как верноподданный), но и не сделал ничего в рамках заговора, чтобы спасти отцу жизнь.

Почему наследник вообще принял участие в заговоре? Почему не выполнил свой долг и не арестовал Палена и Панина, которые начали вести с ним такие разговоры? Автор одной из наиболее полных современных биографий цесаревича, российский историк А. Архангельский, пишет: «Черная дыра властолюбия всосала в себя Александра». Красивый образ, но соответствует ли он реальности?

Многие историки в качестве причины, побудившей наследника примкнуть к заговору против отца, указывают на недовольство политикой императора, столь ясно сформулированное в письме Лагарпу. Но письмо было написано в 1797 году и с тех пор многое изменилось. За эти годы был наведен порядок в армии, введены новые, более современные уставы, а главное — радикально сокращено казнокрадство и нецелевое использование рекрутов. Наведен порядок в финансовой сфере и впервые за многие годы приняты радикальные меры к уменьшению инфляции. Наведен относительный порядок в судебной сфере, что наглядно видно на примере работы высшего судебного органа империи — Сената.

В 1797 году в Сенат поступило 21 951 дело, решено — 20 838.

В 1798-м поступило 27 795 дел, решено — 25 517.

В 1799-м поступило 30 910 дел, решено — 33 060 (с учетом дел, не решенных в прошлые годы).

В 1800-м поступило 42 223 дел, решено — 44 480¹⁸⁸.

Многое из того, что начал делать Павел Петрович, будет продолжено его сыном. При всей разности мировоззрения наследник не мог не оценить реальных достижений правления своего отца, а следовательно, должен был несколько скорректировать свое отношение к его правлению.

Существует версия, что Павел намеревался отрешить наследника от власти, сослать его, а престол передать племяннику супруги принцу Евгению Вюртембергскому. Действительно, в

самом начале 1801 года молодой принц прибыл в Россию и после устроенной ему неожиданно торжественной встречи стал фактическим воспитанником государя. Назначенному воспитателем принца генералу Дибичу император как-то сказал, что «сделает для принца нечто такое, что всем-всем заткнет рот и утрет носы». Однако вряд ли планы царя заходили столь далеко, что допускали отмену им же утвержденного, тщательно разработанного закона о престолонаследии. Даже если старшие сыновья и прогневили отца и заслуживали отстранения от власти, то оставались младшие — Николай и Михаил, которые в силу своего возраста были вне подозрений. Кстати, принц Евгений предполагал, что за императорскими словами скрывается намерение выдать за него замуж одну из дочерей царя. В любом случае принц Вюртембергский приехал в Россию уже после того, как Александр Павлович примкнул к заговорщикам.

Возможна и еще одна версия, объясняющая решение наследника. Увидев раскрытую перед ним Паленом картину масштабного заговора и убедившись, что остановить его невозможно, Александр решает присоединиться к заговорщикам, действуя по принципу «Не можешь остановить — возглавь» и намереваясь в ходе задуманного переворота осуществить свой собственный план, который бы позволил ему ликвидировать заговор, пусть и пожертвовав фигурой отца. Эта версия как будто объясняет многое — и сам факт участия наследника в заговоре, и формы этого участия, и его поведение после прихода к власти, в том числе достаточно быструю, хотя и гуманную расправу с лидерами переворота. Но против этой версии работает один весьма существенный аргумент — как бы ни был могуч заговор, в момент, когда цесаревич узнал о нем, он имел все возможности, чтобы пресечь оный.

Как уже упоминалось выше, достоверно описать ход заговора и роль в нем наследника весьма сложно. Поэтому немного нарушим хронологический принцип нашего повествования и рассмотрим устоявшуюся в исторической науке версию истории заговора.

А потом, опираясь на известные нам факты, попытаемся реконструировать предшествующие события.

Итак, граф Пален, заручившись согласием наследника, приступил к реализации своего плана. Ему были необходимы помощники, и он добился от императора возвращения из опалы братьев Зубовых и генерала Беннигсена.

Биография Леонтия Леонтьевича Беннигсена сильно напоминает биографию самого Палена. Родился в 1745 году в Ганновере. В качестве офицера ганноверской армии участвует в Семилетней войне. В 1773-м — поступает на русскую службу в чине премьер-майора. Участвует в Русско-турецкой и Русско-польской войнах. В 1794-м — через двадцать лет напряженной службы — получает первый генеральский чин, в 1798-м производится в генерал-лейтенанты, а в 1799-м увольняется со службы и впадает в немилость у Павла.

Перед нами — очередной профессиональный воин, получивший чины и ордена на полях сражений, вдали от придворных сфер. Пален знал Беннигсена по совместной службе и поддерживал с ним дружеские отношения. Роль опального генерала в заговоре понятна — он твердой рукой боевого генерала должен руководить группой не имеющих никакого боевого опыта гвардейских офицеров.

Менее понятно, зачем Палену понадобились Зубовы. Генерал Ланжерон, комментируя в своих записках решение главы заговора привлечь к нему Зубовых, отмечает, что только один из братьев, Валериан, обладал должной энергией и решительностью, а от остальных проку было весьма мало¹⁸⁹. Из историков попытался рассмотреть эту проблему Н.Я. Эйдельман, выдвинувший два объяснения.

С одной стороны, по мнению историка, Пален был связан с кланом Зубовых еще во времена их придворного доминирования в последние годы царствования Екатерины II, доказательством чего служат доверительные письма генерала и прошения по разным делам, найденные в архиве Платона Зубова¹⁹⁰.

С другой стороны, Эйдельман полагает, что «дело было прежде всего в имени, в клане. Слишком много значил князь Зубов прежде; денежные, дружеские, феодально-патриархальные связи семьи Зубовых дополнялись и самим фактом возможного появления в заговоре братьев Зубовых, важных генералов, известных многим солдатам, — к тому же высоких, видных, зычных»¹⁹¹.

Однако оба аргумента не выглядят убедительными. Возвышение Зубовых началось с попадания Платона Александровича в фавор к императрице Екатерине в 1789 году. При этом к государственным делам новый фаворит смог подобраться лишь после смерти князя Потемкина в 1791-м. К этому времени карьера Палена была уже во многом сделана. Безусловно, он должен был поддерживать переписку и даже заискивать перед временщиком, но так вынуждены были поступать и другие военные и государственные деятели империи.

Историки обоснованно считают Платона Зубова одним из наименее умных и талантливых фаворитов Екатерины. Не блистали умом и прочими достоинствами и его братья. Род Зубовых, хотя и достаточно старинного происхождения, не принадлежал тем не менее к русской родовой знати. Свои графские и княжеские титулы они получили лишь в последнее десятилетие XVIII века. Поэтому говорить о каких-то обширных «феодально-патриархальных» связях Зубовых не приходится.

Еще менее влияния имели Зубовы на солдат и офицеров гвардии, тем более что, как уже отмечалось выше, и офицерский, и солдатский составы гвардейских полков в значительной степени обновились по сравнению с екатерининскими временами.

Но граф Пален именно братьям Зубовым отводил в своем плане весьма заметную роль, о которой будет сказано чуть ниже.

После возвращения Зубовых в Петербург началась вербовка рядовых участников заговора — гвардейских офицеров. Вовлеченные в заговор генералы Талызин, Ушаков, Депрерадович устраивают у себя обеды, рауты, ужины, на которых исподволь

ведут беседы с приглашенными офицерами своих полков. В заговор посвящают далеко не всякого. Только того, кому командиры имеют склонность доверять. Точное число набранных таким образом заговорщиков неизвестно — списков, естественно, никто не составлял, а ситуация после переворота не способствовала откровениям. По оценкам историков, число участников заговора составляло от 80 до 240 человек.

Слухи о заговоре распространялись по городу, полиция начала что-то подозревать, но ничего конкретного не узнала. Во-первых, потому, что организаторы переворота подбирали кандидатов в заговорщики с большой осмотрительностью. Во-вторых, потому, что сама структура полиции пребывала еще в зачаточном состоянии и не имела возможности вести разыскную работу в такой замкнутой и спаянной касте, как гвардейское офицерство. В-третьих, полиция подчинялась военному губернатору Петербурга, то есть все тому же Палену. Занимая такой пост, он надежно перекрывал большую часть каналов, по которым информация могла дойти до государя.

Потом мемуаристы и историки будут искать в случайно оброненных Павлом фразах подтверждение тому, что информация все-таки дошла до царя, и он готовился встретить изменников во всеоружии. Начало этому мифу положил сам Пален, который в нескольких близких по смыслу, но различающихся в деталях версиях передал разговор, будто бы бывший у него с Павлом за несколько дней до развязки:

«7 марта я вошел в кабинет Павла в семь часов утра, чтобы подать ему, по обыкновению, рапорт о состоянии столицы. Я застаю его озабоченным, серьезным; он запирает дверь и молча смотрит на меня в упор минуты с две и говорит наконец: “Г. фон Пален! Вы были здесь в 1762 году?” — “Да, ваше величество”. — “Были вы здесь?” — “Да, ваше величество, но что вам угодно этим сказать?” — “Вы участвовали в заговоре, лишившем моего отца престола и жизни?” — “Ваше величество, я был свидетелем пере-

ворота, а не действующим лицом, я был очень молод, я служил в низших офицерских чинах в конном полку. Я ехал на лошади со своим полком, ничего не подозревая, что происходит; но почему, ваше величество, задаете вы мне подобный вопрос?” — “Почему? Вот почему: потому что хотят повторить 1762 год”.

Я затрепетал при этих словах, но тотчас же оправился и отвечал: “Да, ваше величество, хотя! Я это знаю и участвую в заговоре”. — “Как! Вы это знаете и участвуете в заговоре? Что вы мне говорите!” — “Сущую правду, ваше величество, я участвую в нем и должен сделать вид, что участвую ввиду моей должности, ибо как мог бы я узнать, что намерены они делать, если не притворюсь, что хочу способствовать их замыслам? Но не беспокойтесь — вам нечего бояться: я держу в руках все нити заговора, и скоро все станет вам известно. Не старайтесь проводить сравнений между вашими опасностями и опасностями, угрожавшими вашему отцу. Он был иностранец, а вы русский; он ненавидел русских, презирал их и удалял от себя; а вы любите их, уважаете и пользуетесь их любовью; он не был коронован, а вы коронованы; он раздражил и даже ожесточил против себя гвардию, а вам она преданна. Он преследовал духовенство, а вы почитаете его; в его время не было никакой полиции в Петербурге, а нынче она так усовершенствована, что не делается ни шага, не говорится ни слова помимо моего ведома; каковы бы ни были намерения императрицы, она не обладает ни гениальностью, ни умом вашей матери; у нее двадцатилетние дети, а в 1762 году вам было только 7 лет”. — “Все это правда, — отвечал он, — но, конечно, не надо дремать”¹⁹².

Проверить достоверность рассказа графа Палена в данном случае невозможно. Но ряд моментов в его рассказе вызывает сомнение, и главный из них — не великолепное самообладание рассказчика, а его отзыв о покойном государе Петре Федоровиче. Выше уже неоднократно упоминалось, с каким уважением относился император Павел к памяти своего отца. Еще не успев взойти на престол, он повелел удалить от двора обер-гофмаршала

князя Барятинского (одного из участников убийства в Ропше), а на просьбу дочери о смягчении его участи ответил: «У меня тоже был отец, сударыня!»¹⁹³ Поэтому очень маловероятно, чтобы на серию обвинений в адрес своего отца, государь ответил кратким: «Все это правда». В рассказе Палена этот эпизод играет роль «спускового крючка» переворота, непосредственного повода для начала операции. Именно после этого разговора Пален требует санкции наследника на начало действий и получает согласие с отсрочкой на два дня — до 11 марта.

Между 9 и 11 марта происходит еще одно событие, которое говорит о том, что император что-то подозревает. В один из этих дней (точно неизвестно в какой) старшие сыновья государя — великие князья Александр и Константин — приведены к особой, дополнительной присяге на верность отцу.

Наступает роковое 11 марта 1801 года. Среди гвардейских подразделений, занимающих караулы в Михайловском замке, — особенно любимый наследником 3-й батальон Семеновского полка (его назначение в караул и было причиной отсрочки, которую Александр затребовал у Палена). На утреннем разводе караулов полковник Лейб-гвардии Конного полка Саблуков, чей эскадрон также выставляет посты во дворце, с удивлением узнает, что вопреки обыкновению он назначен дежурным офицером по полку, а значит, не сможет появляться во дворце в течение дня и контролировать своих подчиненных.

Решающие события начинают разворачиваться вечером. На квартире командира Преображенского полка генерала Талызина* проходит дружеский ужин, на котором собирается большая часть вовлеченных в заговор офицеров. Закуска и шампанского генерал не жалел. Когда пирующие «разогрелись», Пален произносит зажигательную речь и объявляет о начале рокового

* Генерал-лейтенант Петр Александрович Талызин приходился родственником адмиралу Ивану Лукьяновичу Талыzinу, который сыграл столь важную роль в событиях 1762 года. Еще один потомственный заговорщик.

действия. Господа офицеры дружно пьют за здоровье императора Александра.

Машина переворота запущена. Участники заговора разбиты на четыре группы.

Первая во главе с братьями Зубовыми и генералом Беннигсеном — ударная. Она должна проникнуть во дворец и, преодолев, если понадобится, сопротивление охраны, низложить Павла.

Вторая во главе с графом Паленом выдвигается к дворцу для поддержки первой группы.

Третья, в которую входит большинство участвующих в заговоре генералов и старших офицеров, поднимает по тревоге гвардейские части и собирает их вокруг дворца. Солдаты и значительная часть офицеров в заговор не вовлечены. Гвардейские полки и батальоны выводят на площадь с одной целью — для контроля над ними. В строю, связанные военной дисциплиной и повиновением командирам солдаты, лишены возможности проявить инициативу и вмешаться в события.

Четвертая группа, состоящая из лично связанных с наследником престола генералов и офицеров, концентрируется вокруг покоев великого князя Александра. Ее задача — обеспечить безопасность цесаревича в момент переворота.

Полковник Саблуков является во дворец для доклада великому князю Константину о положении в полку. При встрече с императором тот обходится с офицером милостиво. Однако менее чем через час Саблуков снова вызван в замок и получает приказ государя свести с поста свой эскадрон. Конногвардейцы Саблукова несут караул непосредственно перед входом в покои государя. Это ключевая позиция, а конногвардейцы — наиболее опасные противники для заговорщиков. В отличие от солдат пехотных полков, — они несут караул с холодным оружием и мастерски им владеют. К тому же их пост, то есть один из немногих групповых постов в замке — то есть заговорщикам приходится иметь дело не с одиноким часовым, а минимум с капральством. И вот этой-то

надежной страже государь приказывает покинуть свой пост. «Вы все якобинцы», — говорит он Саблукову. Более того, государь отдает приказ о передислокации всего Лейб-гвардии Конного полка из Петербурга в пригороды, причем выступить полк должен той же ночью — в 4 часа утра. Занять освободившийся пост Павел приказывает двум вооруженным лакеям — камер-гусарам. Таким образом, император собственноручно ослабляет свою охрану в наиболее значимом для заговорщиков пункте.

Очевидно, что царь получил какую-то информацию относительно неблагонадежности Лейб-гвардии Конного полка, и получил ее непосредственно вечером. При этом информация касалась не заговора, а именно неблагонадежности конногвардейцев. Угрозы заговора государь не чувствовал, иначе бы, выгнав с поста один взвод, поставил бы на его место другой.

В другом крыле дворца, в спальню к малолетнему племяннику императрицы принцу Евгению Вюртембергскому, неожиданно приходит его воспитатель, генерал Дибич. Удивленный мальчик слышит, что в эту ночь может произойти выступление против тирана-царя. При этом сам Дибич в успех заговора не верит, но на всякий случай принимает меры предосторожности — с ним несколько офицеров, готовых, по его словам, в случае необходимости защитить юного принца¹⁹⁴.

Верные присяге солдаты в белых колетах идут к казармам, а к замку уже стягиваются заговорщики. В литературе встречается мнение, что солдаты и офицеры гарнизона дворца были почти поголовно вовлечены в заговор. Это мнение неверно. Солдат и вовсе никто в планы переворота не посвящал, а среди офицеров было немало число преданных государю гатчинцев. Но на ключевых постах стояли участники заговора, что во многом позволило нейтрализовать способность к сопротивлению лояльных офицеров и обеспечить практически беспрепятственное выполнение плана.

Первая группа заговорщиков во главе с Зубовыми и Беннигсеном проходит через Летний сад к Рождественским воротам

замка. Охрана беспрепятственно пропускает их внутрь. Состав этой группы небольшой — около 20—26 человек. Проводником в коридорах новопостроенного дворца является полковой адъютант Преображенского полка капитан А.В. Аргамаков. Он старался не просто провести группу к императорской спальне, но по возможности сделать это тихо и встретить на пути как можно меньше часовых. По приказу графа Палена участники авантюры были одеты в полную парадную форму, при орденах и лентах. Это было тонко продуманный момент — увидев перед собой группу важных генералов, обычный часовой не станет без размышлений применять оружие. Так оно и случилось. «Я ожидал уже смены в ночное время, часы уже пробили, как увидел, что несколько генералов шло прямо в комнаты государя. Сдача была: “Никого не впускать” — я сделал на руку и остановил. В ту же минуту на меня бросился офицер и два солдата, зажали рот, вывели вон и сдали в караульную, как важного секретного арестанта», — вспоминал один из гвардейцев позднее¹⁹⁵.

Не на всех постах все проходило гладко: рядовой 3-й роты 3-го батальона Семеновского полка Агапеев попытался оказать сопротивление заговорщикам, но был ранен сабельным ударом.

И вот двери в спальню государя. Нет на часах отосланных Павлом верных конногвардейцев. За запертой дверью — лишь два камер-гусара. Одному из них Аргамаков сообщает, что в столице начался пожар, и требует немедленно открыть дверь. Камер-гусар прекрасно знает полкового адъютанта преображенцев и выполняет его просьбу. В следующую секунду гусары понимают, что допустили роковую ошибку. Один из них вступает в неравную схватку с заговорщиками, а другой пытается криком поднять тревогу. Но все бесполезно. Раненый страж оседает на пол, и группа Зубовых — Беннигсена, несколько уменьшившаяся в числе (видимо, часть офицеров отстала в ходе нейтрализации постов), врывается в спальню императора.

Что делают в этот момент остальные участники переворота? Генерал Талызин выводит из казарм Преображенский полк и ведет его к Михайловскому замку. За ним следуют также поднятые по тревоге семеновцы и кавалергарды.

Цесаревич Александр и его супруга не ложатся спать, а пребывают в своих покоях. Там же находятся генералы Уваров и Депрерадович. За дверями на часах — солдаты особенно преданного наследнику 3-го батальона Семеновского полка. Царевич напряженно ждет...

А что же Пален? Его группа должна попасть в замок через центральные ворота, но почему-то запаздывает. По мнению большинства современников, хитрый генерал попросту выжидал, чем кончится дело. Впрочем, есть и другие мнения. Н.Я. Эйдельман полагал, что группа Палена должна была блокировать все пути, ведущие из царской спальни, на тот случай, если императору удастся ее покинуть. Так или иначе, генерал Пален находится хоть и в замке, но в стороне от главного места событий.

Что именно произошло в опочивальне государя, достоверно неизвестно. Далеко не все участники оставили свои воспоминания об этом роковом моменте, а те, кто оставил, далеко не всегда говорили правду. Можно признать достоверными следующие моменты:

- нашел спрятавшегося за ширмами императора генерал Беннигсен. Он же объявил Павлу об аресте его именем императора Александра;

- граф Zubov попытался зачитать государю некий документ — то ли манифест об его низложении за подписью Александра, то ли текст указа о добровольном уходе от власти, который Павел должен был подписать. Составителем текста этого документа называют Дмитрия Прокофьевича Трощинского. В любом случае нет упоминания, что император этот документ подписал;

- Беннигсен по каким-то причинам покидает на время комнату;

— в момент его отсутствия Платон Зубов, его брат Николай и князь Яшвиль убивают императора — наносят ему удары по голове, после чего душат.

Александр Павловичу весть об убийстве отца приносят последовательно граф Зубов и граф Пален. При первом известии об убийстве молодой царь (юридически он стал царем в ту секунду, когда перестало биться сердце Павла Петровича) потрясен. Он шокирован, деморализован и плачет. Из оцепенения его выводят слова графа Палена: «Довольно ребячиться, ступайте царствовать, покажитесь гвардии!»

Гвардейские солдаты встречают известие о смерти государя сдержанно. Преображенский полк, несмотря на призывы своего командира генерала Талызина, встречает нового императора гробовым молчанием. Лишь после присяги семеновцев и кавалергардов они соглашаются присягнуть.

Солдаты Лейб-гвардии Конного полка, который не успел выполнить приказ Павла о передислокации в предместья, отказываются присягать новому императору, пока не увидят предыдущего умершим. Лишь когда представители солдат были допущены к мертвому телу, полк без всякого энтузиазма приносит присягу.

Но проблемы с гвардией были не единственными. Императрица Мария Федоровна, которая узнала о смерти мужа, пребывала в ярости убитой горем женщины. Пока врачи приводили изуродованный труп императора в порядок, стража не допускала безутешную вдову к телу. Напрасны были ее мольбы и просьбы. Солдаты Семеновского полка, хотя и искренне сочувствовали государыне, строго выполняли приказ. Лишь когда врачи закончили свою работу, императрице позволили проститься с мужем.

Через день, когда заgrimированное и одетое тело убитого государя было выставлено для прощания, его впервые увидел и Александр Павлович. «Императрица-мать обернулась к сыну и с выражением глубокого горя и видом полного достоинства сказала: “Теперь вас поздравляю — Вы император”. При этих словах

Александр, как сноп, свалился без чувств, так что присутствующие на минуту подумали, что он мертв»¹⁹⁶.

Впрочем, молодой император быстро справился с собой. Утром 12 марта 1801 года был оглашен манифест, в котором подданные Российской империи уведомлялись о безвременной кончине от апоплексического удара императора Павла Петровича и о вступлении на престол его сына императора Александра Павловича. Хваставшиеся было своими подвигами участники заговора, сообщив, куда дует ветер, быстро прикусили языки. Руководители заговора напрасно рассчитывали на упрочнение или хотя бы сохранение своего влияния на политику. Пален, Панин, Зубовы, Яш-виль — в довольно сжатые сроки были высланы из Петербурга в собственные имения под надзор полиции. У современников устойчивое мнение, что все гвардейские офицеры, так или иначе принимавшие участие в перевороте, были отстранены от службы или понесли иное наказание. В реальности это было совсем не так, более того, большинство участников заговора смогли сделать успешную карьеру, а некоторые стали ближайшими сотрудниками государя.

Вышеизложенная версия построена историками, которые попытались связать отдельные известные факты при помощи логических звеньев в единую, непротиворечивую картину. Однако непротиворечивой она представляется только на первый взгляд. Чтобы лучше осветить интересующий нас аспект — роль, которую сыграл Александр Павлович в заговоре против своего отца — попробуем обратить внимание на несколько странных моментов устоявшейся версии.

Первый вопрос, являющийся важным для нашей темы: планировалось ли убийство императора Павла Петровича заговорщиками заранее, или оно было случайным? Выше уже приводились слова графа Палена о том, что лично для него этот вопрос не стоял ни минуты. Но эти слова были сказаны генералу Ланжерону почти через два десятка лет после событий 1801 года, а опубликованы еще позже.

Целый ряд осведомленных современников — полковник Николай Саблуков, князь Адам Чарторыйский, сенатор Карл Гейкинг, Август Коцебу и др. — полагали, что целью заговорщиков было лишь отречение Павла с передачей наследнику регентских полномочий. Все мемуаристы подчеркивают, что сохранение жизни отцу было категорическим требованием Александра и обязательным условием, которым он обуславливал свое участие в заговоре.

Если бы это было так, то перед заговорщиками вставала бы сложнейшая задача по изоляции свергнутого государя. Задача куда более сложная, чем проникнуть в Михайловский замок и совершить переворот. Задача, решение которой требует тщательной подготовки, — нужно подготовить место, где будет заключен монарх, людей, которые будут его охранять, юридические основания и т. д. и т. п.

Историки пытались найти следы такой подготовки, но единственное, что удалось обнаружить наиболее тщательно изучившему этот вопрос Н.Я. Эйдельману, — это некая частная карета, заранее поданная к замку (этой каретой воспользовался потом Александр, чтобы перебраться из замка в Зимний дворец), да единичное упоминание о якобы имевшем место быть экстренном ночном заседании Сената. Это упоминание содержится в воспоминаниях 16-летнего юнкера Семеновского полка Михаила Леонтьева и не находит подтверждений в других источниках¹⁹⁷.

И все. Одна карета и один слух, записанный юным офицером. Поэтому можно смело предположить, что никакой предварительной подготовки к аресту монарха и содержанию его под стражей не велось. Быть может, заговорщики просто не успели как следует подготовиться и рассчитывали на импровизацию, подобно тому как это было в 1762 году? Это предположение необходимо отвергнуть сразу же. В 1762 году в распоряжении узурпаторов оказался весь столичный государственный аппарат и гвардия. В 1801-м гвардия представляла смертельную угрозу. Да и полагаться на

импровизацию было совсем не в духе фон Палена — человека по-немецки педантичного и аккуратного.

Поэтому слова Палена о решении убить императора не были пустым бахвальством, придуманным задним числом, а в точности соответствовали истине.

А теперь еще раз рассмотрим отношение к этой проблеме Александра с учетом того, что нам известно о его реальной роли в заговоре. Наследник не просто дал согласие Палену на осуществление переворота, но и принял деятельное участие в его подготовке. А раз так, значит, он был посвящен во все детали плана и не мог не видеть, какую участь приготовили руководители заговора его отцу.

Было ли потрясение Александра при получении известия о смерти отца наигранным? Скорее всего, нет. Но ведь по-другому и быть не могло. До роковой ночи 11 марта наследник еще не переступил черту. Планы, обсуждения с молодыми друзьями, письма Лагарпу, даже разговоры с фон Паленом — все это было еще, что называется, в рамках дозволенного, все еще можно было исправить. Теперь роковой рубеж был перейден. Перейден в любом случае, даже если бы Павел остался в живых и был бы лишь арестован. Эта ночь была не только ночью государственного переворота, но личным грехопадением Александра Павловича. Было от чего плакать... И одновременно прибавим — было и для чего изображать слезы.

Решение заговорщиков об убийстве императора объясняет и еще один вопрос для чего Палену понадобились Зубовы? Хитрому генералу* было известно и об их отношении к Павлу, и об их попытке организовать покушение на его жизнь. Зубовы и несостоявшийся Брут — князь Яшвиль были включены в ударную группу, которой предстояло низложить монарха. Контролировать ситуацию должен был старый соратник Палена генерал Беннигсен.

* Граф Пален говорил про себя, что всю жизнь изучает науку пфификологию — от немецкого слова *phiffig* — «хитрый», «ловкий», «пронырливый».

Здесь все было рассчитано верно: хладнокровие и мужество Беннигсена позволили группе успешно добраться до императорской спальни, а там Зубовы, увидев перед собой беззащитного Павла, расправились с ним.

По-видимому, план переворота, разработанный Паленом, предполагал сделать именно Зубовых в глазах всех и вся главными виновниками и организаторами заговора*. Именно поэтому сам граф и отсутствовал в составе группы цареубийц. Он должен был вместе с покинувшим Зубовых в решительный момент Беннигсеном, арестовать братьев и представить их на суд новому императору. И в учебниках истории сложилась бы красивая и логичная версия — после смерти Екатерины ее приближенные задумали свергнуть ненавистного им Павла и неким образом сумели реализовать свой замысел. Наследник, уцелевший, по этой версии, только чудом, в глазах всех выглядел бы не отцеубийцей, а мстителем за отца...

Но почему этот хитрый план, достойное детище постигшего пфификологию Палена, потерпел неудачу?

И сразу новый вопрос — почему гнев Александра после переворота обрушился на голову Палена, но обошел стороной человека, без которого Зубовы не достигли бы успеха — Беннигсена?

Сразу после переворота, 15 марта, он восстановлен на службе и назначен Виленским губернатором. В 1802 году он получает очередной чин — генерала от кавалерии, неоднократно командует русскими войсками в ходе Наполеоновских войн. В 1807 году умудряется сразиться с ничейным результатом с самим Наполеоном под Прейсиш-Эйлау, участвует в кампании 1812 года и в заграничных походах. Награжден российскими орденами, включая орден Св. Георгия 1-й степени, и графским Российской империи

* В пользу этой версии говорит и то, что князь А. Чарторыйский, прибывший в Петербург через месяц после переворота и собиравший сведения о нем среди непосредственных участников, называет Платона Зубова «Официальный руководитель заговора» (см. Цареубийство 11 марта 1801 года. Записки участников и современников. М.: Культура, 1990. С. 234).

достоинством. В 1818 году пожилой генерал, которому исполнилось 73 года уходит в отставку и возвращается в родной Ганновер. Некоторые историки видят знак царской немилости в том, что Беннигсен так и не получил фельдмаршальский жезл. Но Александр Павлович в отличие от своего отца, присваивал фельдмаршальское звание весьма редко, и действительно за выдающиеся заслуги. За 25 лет его царствования высший военный чин получили 4 полководца: два старых ветерана — князь Алексей Прозоровский и граф Иван Гудович, отличившиеся во время Русско-турецких войн, а также Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов (за Бородинское сражение) и Михаил Богданович Барклай-де-Толли (за взятие Парижа). При всем уважении к военным успехам Беннигсена таких полководческих высот он не достиг.

Другое дело — Пален. Уже через месяц после переворота он выслан в свое имение близ Митава и безвыездно пребывает там до самой своей смерти. Вряд ли генерал рассчитывал на такой финал. Что-то в его плане не сработало.

Обратимся теперь к теме, которая не привлекала до настоящего времени внимания историков, и рассмотрим, какую роль сыграл в событиях 11 марта 1801 года царевич Константин Павлович. В судьбе младшего брата Александра I много загадочного. Это и история его первого брака, и темные грехи молодости, и его поведение в грозном декабре 1825 года, и сама смерть на фоне восставшей Польши. Роковая ночь в Михайловском замке — лишь одна из них.

Скажем несколько слов о самом Константине Павловиче, тем более что этот персонаж мало знаком отечественным любителям истории. Он родился в 1779 году и воспитывался вместе со старшим братом под опекой Екатерины II. Хотя Константин занимал заметное место в геополитических и династических планах императрицы, но все-таки своего старшего внука бабушка любила куда больше. В ее письмах Константин упоминается лишь как приложение к Александру, а когда о нем все же пишут отдельно, то без всякого восхищения и обожания.

Братья занимались вместе, под руководством одних и тех же учителей и воспитателей, но при этом и для них Александр был главным учеником. Программы обучения формировались, прежде всего под него, с учетом его индивидуальных особенностей. Младшему и менее способному Константину приходилось сложнее. Как и брату, ему надо было строить отношения и с родителями, и с бабушкой, но у него не было дипломатического таланта Александра, его умения управлять своими чувствами и тщательно продумывать каждый шаг в общении. Это несколько испортило характер великого князя, он стал импульсивным, раздражительным, склонным к нервным срывам. Хотя старшие сыновья Павла воспитывались вместе, близких, дружеских отношений между ними не сложилось. Слишком уж разными оказались характеры и результаты воспитания. Мы можем сделать такой вывод потому, что не видим Константина в числе ближайших друзей Александра. Нет свидетельств, что наследник привлекал брата и к работе своего кружка в 1797 году. Да и во времена правления императора Александра великий князь и формальный наследник престола (до 1820 года) Константин не играл заметной роли.

Современники обычно упоминают братьев вместе, рядом стоят они и на групповом портрете императорской фамилии, который написал в 1800 году придворный художник Герхардт фон Кюгельген, но в действительности, испытывая друг к другу по-настоящему братские чувства, единомышленниками братья не были. По мнению генерала Ланжерона, «император Александр не захотел открыть своему брату тайну замышляемого заговора, он страшился его нескромности и, быть может, его честности и прямоты»¹⁹⁸.

Дело, скорее всего, было не только в характере великого князя. В случае успеха заговора Александр становился ни много ни мало императором всероссийским, получал высшую власть в стране. А Константин? Что получил бы он в случае успеха заговора? Ничего. Его положение не претерпевало каких-либо изменений.

Конечно, он становился наследником престола, но старший брат был молод, счастлив в браке, и должность наследника была весьма непрочной. С другой стороны, у Константина мог появиться мотив выдать заговор императору, так как в этом случае Александр, скорее всего, был бы отстранен от наследования престола в его пользу. Необходимо помнить, что с 1799 года Константин в нарушение «Устава о наследии престола» носил титул цесаревича. Так император решил отметить его за участие в суворовском походе.

Генерал Ланжерон, хорошо знавший Константина, полагает, что последний, скорее всего, не стал бы выдавать заговорщиков отцу, но «очень вероятно, что оказал бы долгое, энергичное и, может быть, действительное сопротивление решению своего брата»¹⁹⁹.

Давая объяснение Ланжерону по поводу своих действий в роковую ночь 11 марта 1801 года, Константин Павлович постарался ответить максимально уклончиво. Он ничего не знал о заговоре, ночью спал, «как спят в 20 лет», был разбужен пьяным Платоном Zubовым и отведен к брату, вместе с которым покинул замок и переехал в Зимний дворец. Царевич не скрыл своего испуга и растерянности во время событий.

Но так ли это было на самом деле? Действительно ли Константин не почувствовал того, о чем думал почти весь Петербург, о чем стал догадываться его отец, — о существовании заговора? Неужели его не насторожила процедура дополнительной присяги на верность, которую провел для него и Александра генерал-прокурор Обольянинов? Ряд свидетельств говорит о том, что поведение Константина было иным и он сыграл в событиях куда большую роль, чем хотел бы представить впоследствии.

Большой интерес представляют сведения, содержащиеся в записках полковника Лейб-гвардии Конного полка Николая Саблукова. Но прежде чем привести их, скажем несколько слов об авторе. Николай Саблуков родился в 1776 году в семье сенатора и видного чиновника. В 1790 году поступил в Лейб-гвардии Кон-

ный полк, в 1792-м произведен в офицеры. В 1795—1796 годах — учился в Германии, посещал занятия в нескольких университетах. Он — один из немногих офицеров полка, сумевших прослужить в нем все сложные годы павловского правления. К 1801 году он уже полковник и командир лейб-эскадрона. К заговору не примкнул. В сентябре 1801 года уходит в отставку с повышением в чине (генерал-майор), после чего уезжает в Великобританию. В 1806—1809 годах возвращается и служит в Морском министерстве. В 1812 -м в рядах действующей армии, награжден золотой шпагой с надписью «За храбрость» и орденами. После изгнания неприятеля из пределов России снова уходит в отставку, проживает попеременно то в России, то в Великобритании. В 1848 году скончался в Санкт-Петербурге²⁰⁰.

Даже эта краткая справка позволяет понять, почему записки полковника Саблукова представляют особую ценность для историков. Во-первых, их автор — человек с университетским образованием и широким кругозором. Во-вторых, он, хотя и находился в центре событий, не принадлежал к заговорщикам, а сохранял верность своему монарху. Для него не было необходимости оправдываться самому или оправдывать своих товарищей по оружию. В-третьих, записки Саблукова были впервые изданы в Великобритании в 1865 году, то есть не проходили российскую цензуру.

В 1801 году полковник Саблуков был непосредственным подчиненным великого князя Константина, который был шефом Лейб-гвардии Конного полка. Согласно его запискам, ни один из офицеров полка, за исключением, быть может, командира — генерала Алексея Петровича Тормасова, не входил в число заговорщиков. Более того, даже после победы заговора «офицеры нашего полка держались в стороне и с таким презрением относились к заговорщикам, что произошло несколько столкновений, окончившихся дуэлями»²⁰¹.

Может показаться, что полковник выгораживает свой полк, но и другие источники не подтверждают участия конногвардейцев в

заговоре. Это объясняется не только высокими моральными качествами офицеров конной гвардии, но и стремлением заговорщиков сохранить свою деятельность втайне от Константина Павловича, который тщательно вникал в жизнь своего полка и прислушивался к офицерским настроениям.

Уникальная информация содержится в рассказе Саблукова о событиях ночи с 11 по 12 марта. Как уже упоминалось выше, император Павел лично снял караул конногвардейцев и отдал полку приказ покинуть столицу ранним утром следующего дня.

Закончив предварительные приготовления к выступлению, Саблуков присел отдохнуть, как вдруг, в первом часу пополуночи, камердинер великого князя принес ему записку следующего содержания:

«Собрать тотчас же полк верхом, как можно скорее, с полною амунициею, но без поклажи и ждать моих приказаний.

Константин Цесаревич»²⁰².

На словах посланный передал приказ Константина зарядить оружие боевыми патронами, так как Михайловский замок окружен гвардейскими частями с неясными намерениями.

Выходит, спящий, «как спят в 20 лет», Константин заметил сосредоточение войск вокруг дворца, понял, что происходит что-то важное, и вызвал свой полк, на верность которого мог положиться. Приказание цесаревича начало исполняться — офицеры будили солдат, при свете свечей седлали лошадей, но выдвинуться полк не успел. В самый разгар подготовки явился адъютант Константина, сообщивший офицерам новость о смерти государя и о вступлении на престол Александра Павловича.

На утро была назначена присяга полка новому императору, однако конногвардейцы отказывались присягать, пока их представители лично не убедились в смерти Павла Петровича.

Оставим на время записки Саблукова и попытаемся по другим источникам выяснить, что же делал цесаревич Константин в замке. В нескольких источниках встречается упоминание о том,

что, когда заговорщики ворвались в царскую спальню, император ошибочно принял одного из них за своего сына и спросил: «И Ваше Высочество здесь?»²⁰³ Наиболее драматично этот момент описан в мемуарах князя Адама Чарторыйского: «Один из заговорщиков отвязал свой офицерский шарф и накинул его на шею злополучного монарха. Последний стал отбиваться и по естественному чувству самосохранения высвободил одну руку, просунул ее между шеей и охватывавшим ее шарфом, крича: “Воздуху! Воздуху!”. В это время, увидав красный конногвардейский мундир одного из заговорщиков и приняв последнего за сына своего Константина, император в ужасе закричал: “Ваше высочество*, пощадите! Воздуху! Воздуху!”²⁰⁴.

При этом и мемуаристы, и историки затрудняются с ответом на вопрос: кого из заговорщиков мог принять император за цесаревича? Дело осложняется двумя факторами: Лейб-гвардии Конный полк имел уникальный по своему цвету мундир — красный, который невозможно было спутать ни с каким другим, а офицеры полка, как мы знаем, в заговоре не участвовали. Н.Я. Эйдельман приводит мнение генерала де Санглена о том, что за Константина Павел принял заглянувшего на минуту в комнату Уварова. Но, во-первых, генерал-адъютант Уваров, по свидетельству многих, находился непосредственно при Александре Павловиче, а, во-вторых, он командовал кавалергардским полком, который хотя и был создан на базе конной гвардии, но значительно отличался от него по мундиру. В ту ночь в замке находились только два человека, носившие форму Лейб-гвардии Конного полка, — великий князь Константин Павлович и его адъютант Ушаков.

Интересно, что «крепко спавший» Константин проявляет поразительную осведомленность по поводу того, что проис-

* Показательный момент — в критическую, отчаянную минуту, зовя на помощь сына, Павел обращается к нему не по имени и не каким-нибудь семейным прозвищем, а лишь титулом! Такова была стена, которую воздвигла между ним и старшими сыновьями Екатерина и которую отец и сыновья так и не смогли разрушить после ее смерти...

ходило в спальне его отца. Так, 15 апреля 1801 года (то есть месяц спустя после переворота) великий князь подробно рассказал обо всем произошедшем своему бывшему наставнику, барону К.И. Остен-Сакену. Дневник Остен-Сакена, в который он записал беседу с цесаревичем, является одним из наиболее ранних по времени создания письменных источников о заговоре 11 марта. И содержит некоторые подробности, которые в других источниках отсутствуют. Так, например, Константин называет в числе непосредственных участников убийства отца подполковника Лешерн фон Герцфельдта. Это имя не упоминается более никем из мемуаристов, но косвенные источники подтверждают его участие в заговоре²⁰⁵.

Да и сам рассказ Константина Ланжерону содержит ряд сомнительных моментов. Например, великий князь рассказывает генералу, что его разбудил пьяный Платон Зубов, который через час после убийства оказался непосредственно перед кроватью царевича. Каким образом бывший фаворит Екатерины проник в спальню Константина, которая охранялась часовыми? Куда делись в этот момент адъютант царевича, лакеи, которым и надлежало будить своего господина в случае чего? Почему царевич не проснулся, хотя в замке поднялся шум, подтверждаемый многими источниками?

А теперь попробуем совместить эти факты и рассказ полковника Саблукова. Убийство императора произошло примерно между половиной первого и часом ночи. Константин был разбужен Зубовым «через час после убийства», то есть примерно в половине второго. Но ведь уже в час ночи Саблуков читает его приказ о подъеме полка по тревоге. Время в записках полковника указано довольно точно — «несколько минут после часа пополуночи». А ведь ездовому Константина, доставившему записку, необходимо было еще добраться из Михайловского замка до казарм полка. Расстояние между этими объектами — порядка трех верст, которые предстояло пройти по заснеженным улицам мартовского

Петербурга, что потребовало бы никак не меньше 20 минут*. Стало быть, отправлен он был в самом начале первого часа ночи.

Очевидно, что один из источников неверно указывает время. Рассказ Саблукова последователен и снабжен четкими указаниями на время произошедшего. Кроме того, полковнику незачем «передвигать стрелки часов», его рассказ — это рассказ человека, честно выполнявшего свой долг, которому нечего и незачем изменять действительность.

Другое дело — царевич Константин. Ведь если принять за основу сведения Саблукова, то получается, что великий князь проснулся гораздо раньше (если вообще ложился спать), а значит, видел гораздо больше и принял в произошедших событиях определенное участие. Какое? Попробуем построить непротиворечивую версию на основе известных нам фактов.

Итак, вечером 11 марта император Павел приказывает снять караул лейб-гвардии Конного полка от дверей своей спальни. Возможно, что он высказал все, что думает о «впавшем в якобинство» полке, его шефу — Константину Павловичу. Царевич не мог не понять, что происходит что-то неладное — накануне его вместе со старшим братом привели к дополнительной присяге на верность, теперь этот выговор, подозрительные перемещения караулов... Около полуночи Константин замечает приближающиеся к замку гвардейские колонны, он отправляет своего ездового в полк с приказом зарядить оружие и быть наготове.

В это время в замок проникает группа Беннигсена и Палена. Возможно, царевич услышал производимый ими шум, или, что вероятнее, до него добежал один из камер-гусаров, охранявших вход в императорские покои и теперь отчаянно пытавшихся поднять тревогу. Взяв саблю, Константин отправляется к спальне отца и появляется именно в тот момент, когда мятежники убивают императора.

* 20 минут — это верхом на резвой лошади, если пешком — то все 40.

У читателя не может не возникнуть вопрос: если Константин не был замешан в заговоре и дело обстояло так, как описано выше, то почему он не вмешался? Почему не бросился на защиту отца, который отчаянно звал его на помощь? Увы, знакомство с дальнейшей биографией великого князя показывает, что он часто терялся в критических ситуациях и был даже склонен к некоторому паникерству:

В 1807 году, после поражения русской армии под Фридландом, цесаревич стал одним из наиболее ревностных сторонников немедленного заключения мира с Бонапартом на любых условиях: «Государь! Если Вы не желаете заключить мира с Францией, то дайте каждому из ваших солдат хорошо заряженный пистолет и скомандуйте им пустить себе пулю в лоб. В таком случае вы получите тот же результат, какой вам дало бы новое и последнее сражение»²⁰⁶.

В 1812 году цесаревич опять настаивал на заключении мира с Наполеоном, в результате чего был сослан из действующей армии в Тверь под надзор сестры Екатерины Павловны.

В 1825 году Константин, которому уже присягнула столица, отказывался и занять трон, и подтвердить свое отречение от престола, что привело в итоге к трагическим событиям 14 декабря.

В 1830-м, узнав о начале восстания в Варшаве, Константин бросает свой дворец, бросает сохраняющих верность присяге польских солдат и офицеров и бежит в Россию. Оказавшись в штабе армии Дибича, он снова сеет панические настроения и в итоге выслан из армии.

Вот и в роковую ночь царевич попросту испугался. Он не умел так владеть собой, как его братья Александр и Николай, да и что он мог сделать один, против группы озверевших от выпитого спиртного и собственной крамольной наглости офицеров?

Но его появление тем не менее сыграло важную роль в последующей истории заговора. Первоначальный план, в котором подразумевалось возложить всю ответственность на Зубовых,

потерпел крах — появился свидетель, видевший слишком много и обладавший слишком высоким рангом, чтобы его можно было заставить замолчать.

Поэтому и было столь велико потрясение Александра — вместо того, чтобы взойти на престол как законный государь, казнивший убийц своего отца, он выступил в глазах многих причастным к заговору, если не лидером одного. Тайное стало явным, и стало явным слишком быстро.

И тут молодой император проявил качества будущего великого дипломата и политика. Его потрясение, помимо прочего, было еще и своеобразным тайм-аутом, под прикрытием которого он отчаянно искал приемлемый выход из ситуации. К моменту паленовского «Довольно ребячиться, ступайте царствовать!» план в общих чертах был уже готов. Александр разом оборвал все надежды заговорщиков на официальное признание их заслуг. Обнародованный утром 12 марта 1801 года манифест уведомлял страну о трагической кончине от апоплексического удара императора Павла Петровича и ни о чем более.

А что же Константин? Он тоже принял для себя решение, о котором через несколько дней сообщил Саблукову: «После того, что случилось, брат мой может царствовать, если это ему нравится; но если бы престол когда-нибудь должен был перейти ко мне, я, наверное, бы от него отказался»²⁰⁷. Как известно из истории, свое слово царевич сдержал. Вот вам и еще одна точка выбора пути российской истории.

Хотя Александр и отклонил по понятным причинам предложение Г.Р. Державина провести формальное следствие по делу о цареубийстве, но подверг опале основных организаторов переворота. Если причина наказания Платона и Николая Зубовых очевидна, то почему пострадали два человека, которые отсутствовали в момент убийства в покоях Павла и не могли нести ответственность за его убийство, — генерал Пален и граф Панин. Это наказание — одно из малопонятных мест устоявшейся версии переворота. Если Пален

и Панин были основными инициаторами и организаторами заговора, то почему молодой царь смог так легко избавиться от них? Вспомним, Елизавета смогла избавиться от Лестока и Шетарди только через несколько лет, а Екатерина была вынуждена терпеть графа Панина до самой его смерти.

И вот тут необходимо вернуться к другому сомнительному моменту истории — образованию заговора. Обычно предполагают, что инициатором мятежа выступил граф Панин, который посредством адмирала де Рибаса привлек к участию генерала Палена, а потом и наследника престола.

Этот эпизод является одним из наиболее сомнительных моментов устоявшейся версии истории переворота. Никаких доказательств участия в заговоре адмирала де Рибаса не существует. Как уже упоминалось выше, флотоводец имел репутацию весьма хитрого человека и настоящего мастера придворной и политической интриги. И действительно был знаком и с графом Паниным, и с генералом фон Паленом. Но и только. Версия об участии в заговоре де Рибаса сильно напоминает логическую реконструкцию, которую создали современники мемуаристы, а потом закрепили историки. Повторяем, никаких достоверных доказательств соучастия адмирала в заговоре нет. С большой вероятностью можно предположить, что он пал жертвой собственной репутации.

Но если подвергнуть сомнению роль де Рибаса в заговоре, то кто же тогда свел Панина и Палена и послужил настоящим инициатором интриги? Был еще один человек, с которым и дипломат, и генерал встречались и обсуждали предстоящий переворот, — цесаревич Александр.

И ведь действительно, очень сомнительной выглядит версия, что заговорщики решили привлечь к заговору наследника престола. Сейчас мы знаем, как именно Александр относился к отцу и что думал о его правлении. Но мы также знаем, что он умел прекрасно скрывать свои чувства и мысли. Для того чтобы решиться на попытку вовлечь в заговор наследника престола, заговорщикам

нужно было не меньше храбрости и решительности, чем для того, чтобы организовать сам заговор. Во всех предшествующих переворотах возводимый на престол человек не имел никаких шансов получить его иным образом. Здесь ситуация прямо противоположная.

Все встает на свои места, перевернув ситуацию на 180 градусов и увидев в наследнике престола инициатора переворота. Александр построил свою интригу так, что заговорщики всерьез предполагали, что это они его вовлекают в заговор, но на самом деле все было ровно наоборот.

Тогда становится понятным и то, что молодой император сумел быстро покарать заговорщиков, и причина кары — невыполнение задуманного плана.

Впрочем, предположение о том, что именно Александр выступил настоящим организатором заговора против своего отца, тоже является не более чем логической реконструкцией. Эта реконструкция хорошо вписывается в дальнейшее развитие событий, ибо семейная драма императора Павла Петровича и его сыновей получила необычное продолжение.

Дитя века Просвещения, император Александр Павлович в момент своего вступления на престол в Бога не верил. Конечно, он соблюдал все положенные обряды Православной Церкви, выстаивал службы и т. д., но все это было лишь формой. Да и могло ли быть по-другому, после воспитания под руководством бабки-вольтерьянки и наставника-республиканца? Верная ученица Вольтера, Екатерина II оказала влияние в этом вопросе не только, на внука, но и на сына. Тем более что и кумир Павла, Фридрих Великий, говорил о себе как о законченном атеисте.

Сами не замечая того, люди «просвещенного» XVIII века копали глубокий подкоп под само основание монархической государственности. Власть абсолютного монарха покоится на двух основаниях — силе государственного аппарата и сакральной легитимации, основанной на религиозных представлениях подданных.

Власть трактуется как проявление власти божества, высшей воли. Однако такое понимание власти государя подданными налагает на него обязательство не нарушать при осуществлении властных полномочий установленных религией норм и этических ценностей. Отказ от соблюдения этих принципов приводит к потере монархом важнейшего основания своей власти — религиозной легитимации, что очень быстро приводит к потере власти вообще, как это произошло с шахом Ирана в 1979 году.

Главное ограничение заключается в двойном положении монарха: «наряду с суверенитетом, понятие “самодержец” подразумевает и вассалитет, подчиненную зависимость по отношению к Верховному Судье — Богу»²⁰⁸.

При этом на Господа Бога не распространялась средневековая формула «Вассал моего вассала — не мой вассал» — каждый из подданных государя имел возможность для непосредственного общения с Богом. Государь не становился, таким образом, посредником между Богом и своим народом, а был лишь представителем народа перед Богом. Свобода богообщения позволяла подданным постоянно проверять деятельность монарха на предмет соответствия нормам веры и в случае нарушения этих норм позволяла ставить вопрос о правомерности подчинения неправому решению царя.

Атеизм является разрушительным ядом для монархической государственности, ибо человек, отрицающий бытие Бога, отрицает тем самым и власть монарха. Как говорил некий полицейский чин в одном из романов Достоевского, «ежели Бога нет, то какой же я после этого буду урядник?». Атеист не вписывается в монархическое общество, так как в рамках мировоззрения, не допускающего существования Бога, нет и признания власти монарха. Проявление же атеизма среди верхушки общества практически неминуемо ведет к социальной катастрофе.

Впрочем, отношение императора Павла Петровича к вере было более сложным. Атеистом в строгом смысле этого слова он не был. Более того, искренне верил в Бога, горячо молился пред

иконами, придавал большое значение знамениям и символам. Но эта вера удивительным образом сочеталась в нем с вполне вольтерьянским взглядом на Церковь и ее роль в обществе. Государь смотрел на религиозную организацию исключительно как на творение рук человеческих, как на политический и социальный институт, подчиненный власти монарха. Отсюда его закреплённое в законодательном акте положение об императоре как главе Церкви, благорасположение к католической церкви — вплоть до приглашения римскому папе переселиться в Россию²⁰⁹.

Александр Павлович пришел к вере в страшном для России 1812 году. В то самое время, о котором Лермонтов потом напишет: «Мы долго молча отступали», — русские армии отходили все дальше в глубь страны, избегая смертельного удара бонапартовых полчищ. Время, когда от всех и прежде всего от государя требовалось предельное напряжение душевных сил. 7 сентября 1812 года, получив известие о пожаре Москвы, в самый критический момент войны, когда поражение казалось уже состоявшимся, Александр по совету князя Голицына решил обратиться к Священному Писанию и, к своему удивлению, не нашел Библии в своей библиотеке. К счастью, экземпляр Библии на французском языке был у императрицы Елизаветы Алексеевны, которая поделилась им с супругом. Тогда же царь узнал, что русского перевода Священного Писания и вовсе не существует, а славянский последний раз издавался во времена императрицы Елизаветы Петровны.

Государь взял предложенную ему Библию и случайно открыл ее на 90-м псалме, на следующий день он услышал его в храме во время богослужения. Биограф русского императора А.Н. Архангельский отмечает, что этот случай показывает, насколько царь был далек от церковной жизни, «иначе он не мог бы не знать, что 90-й защитительный псалом читается при всякой угрозе внешней или внутренней»²¹⁰. Но до 1812 года Александр Павлович не знал об этом. И услышанный псалом («Живый в помощи») воспринял

как обращение от Бога к себе лично, как ответ на свое обращение к нему, как предвестие грядущей победы.

«И Бог помог», — напишет потом о грозе 12-го года Пушкин: несокрушимая и овеванная легендами наполеоновская армия сама оставила Москву, после сражения за Малоярославец отказалась сойтись с русской армией в новой генеральной баталии и начала свое отступление из России, быстро превратившиеся в бегство...

Александр, да и вся Россия видели в этом проявление Божиего промысла. Парадоксально, но для того, чтобы глава великой православной державы, помазанник Божий уверовал в Бога по-настоящему, потребовалось страшное испытание для страны и народа.

Но чудо свершилось — бывший вольтерьянец и «республиканец в душе» стал христианином. На медали, изготовленной в честь изгнания неприятеля из пределов России, вместо обычного для таких наград царского профиля был отчеканен символ Всевидящего Ока. На оборотной стороне медали — прямая четырехстрочечная надпись — «не нам, не нам, а имени Твоему» — цитата из Псалтыри: «Не нам, Господи, не нам, но имени Твоему дай славу, ради милости Твоей, ради истины Твоей» (Пс. 113,9).

И тогда же царь принимает еще два важных решения.

25 декабря 1812 года он подписывает манифест о строительстве храма Христа Спасителя. Этот документ заслуживает того, чтобы привести его целиком:

«Спасение России от врагов, столь же многочисленных силами, сколь злых и свирепых намерениями и делами, совершенное в шесть месяцев всех их истребление, так что при самом стремительном бегстве едва самонаималейшая токмо часть оных могла уйти за пределы Наши, есть явно излишняя на Россию благодать Божия, есть поистине достопамятное происшествие, которое не изгладят веки из бытописаний. В сохранение вечной памяти того беспримерного усердия, верности и любви к Вере и к Отечеству, какими в сии трудные времена превознес себя народ Российский,

и в ознаменование благодарности Нашей к Промыслу Божию, спасшему Россию от грозившей ей гибели, вознамерились Мы в Первопрестольном граде Нашем Москве создать церковь во имя Спасителя Христа, подробное о чем постановление возведено будет в свое время. Да благословит Всевышний начинание Наше! Да совершится оно! Да простоит сей Храм многие веки, и да курится в нем пред святым Престолом Божиим кадило благодарности позднейших родов, вместе с любовью и подражанием к делам их предков.

АЛЕКСАНДР.

Вильно.

25 декабря 1812 года».

Второй документ, подписанный меньше чем через месяц — 11 января 1813 года, — это указ о создании Российского библейского общества. *«Единственный предмет Общества есть способствование к приведению в России в большее употребление Библии без всяких примечаний и пояснений... Единственное попечение Общества обращается на то, чтобы обитателям Российского государства доставлять Библии на разных языках за самые умеренные цены».*

Сам обратившись к чтению Священного Писания, государь решил сделать его доступным для подданных. Работа по переводу Библии на русский язык растянулась на десятилетия, только в 1876 году вышел из печати полный текст Священного Писания. Но уже в 1817 году Библейское общество начало распространение русского перевода Нового Завета. Удивительно, но эта сфера деятельности императора Александра Павловича, столь важная для него и оказавшая огромное влияние на развитие русского общества в XIX веке, остается практически незамеченной многими его современными биографами.

Христианство стало и главной идеологической составляющей зарубежного похода русской армии и создания новой, последней

антифранцузской (а точнее — антиреволюционной) коалиции. Это был своеобразный крестовый поход народов и государей Европы против персонифицированной в лице Наполеона Бонапарта революции. Это стало понятно даже французам — вопреки ожиданиям русских офицеров, население наполеоновской империи не стало оказывать всенародного сопротивления захватчикам. «Взращенные в духе свободы» французы оказались неспособными сделать то, что сделали «угнетаемые тиранами» испанцы, русские, пруссаки.... Советские историки упрекали Наполеона, что он не воззвал к народным массам, не привлек их к борьбе, но ведь ни испанцам, ни русским не потребовалось призыва высшей власти, чтобы начать истреблять вторгшегося в их страну неприятеля, а пруссаки создали свой Тугендбунд даже вопреки воле берлинского двора.

Финальной точкой этого крестового похода стало торжественное пасхальное богослужение, проведенное военными священниками русской армии на том самом месте, где были казнены король Людовик XVI и королева Мария-Антуанетта. Символичным стало и то, что в том году (1814) Пасха у православных, католиков и протестантов пришлось на один день.

Но, став верующим человеком, Александр не мог не вернуться и заново не осмыслить события 1801 года. Если прежде он мог мыслить о них в категориях «просвещенного» и циничного XVIII века, в духе «цель оправдывает средства», то теперь он ясно видел, что нарушил заповедь Божию: почитай отца твоего и мать твою, чтобы тебе было хорошо и чтобы продлились дни твои на земле, которую Господь, Бог твой, дает тебе.

Каким бы отцом ни был Павел, это не оправдывало греха и преступления Александра. Близкий друг юности царя, а потом политический противник, князь Адам Чарторыйский писал: «В его (Александра) глазах событие 11 марта было несомненным пятном на его репутации как государя и человека, хотя в сущности оно доказывало только юношескую неопытность, полное незнание

людей и своей страны. Этот упрек преследовал его всю жизнь и подобно коршуну терзал его чувствительное сердце»²¹¹.

Но дело здесь глубже, чем просто в «пятне на репутации». В лучах славы Агамемнона Европы это пятно исчезало почти без следа, а вот совесть...

Христианская вера не только пробуждает укоры совести, но и показывает на средство преодоление греха — покаяние. Это было необычно. Ни Елизавета, ни Екатерина никогда не раскаивались в совершенном, напротив, до конца своих дней пребывали в уверенности, что поступили правильно. Но Александр Павлович поступил иначе. Он несколько раз исповедовался, причем не только в дворцовой, парадной церкви, но и в обычных небольших церквушках во время своих многочисленных путешествий по России. Он исповедовался слепому монаху-провидцу в Киево-Печерской лавре, он каялся... И народ, тот самый народ, который в 1812 году поднялся с девизом «За веру и царя» против супостатов, заметил это.

Так родилась совершенно необычная для истории русского массового сознания легенда о старце Федоре Кузьмиче. Согласно этой легенде, император Александр не умер в 1825 году в Таганроге, а тайно отрекся от императорского звания и собственного имени, под видом простого старца Федора Кузьмича пошел странствовать по России, замаливая и свои грехи, и грехи всего народа русского. Много раз в нашей истории безвестный самозванец выдавал себя за «истинного царя», иные и на страницы учебников истории попали. Но чтобы царь стал самозванцем... Такого не было до и не будет после. Легенда оказалась настолько устойчивой, настолько насыщенной подробностями, что по сию пору историки не могут на все сто процентов ее опровергнуть. Ибо действительно существовал старец праведного жития Федор Кузьмич, скончавшийся в 1864 году в Томске и прославленный Церковью как святой праведный Федор Томский, о молодых годах которого ничего не известно. После смерти старца в его бумагах нашли две записки:

А КРЫЮТ СТРУФИАН

НО ЕГДА УБО А МОЛЧАТ П НЕВОЗВЕЩАЮТ.

Русский историк начала XX века князь В.В. Барятинский так раскрывает их смысл:

«Я скрываю тебя, Александр, как страус, прячущий свою голову под крыло

Но когда Александры молчат, Павлы не возвещают»²¹²

Вот так отразилась в сознании русского народа покаяние царя за давний, но страшный грех молодости — отречение от власти и праведное житие.

Но государь думал не только о своей душе. Он думал и о будущем страны и династии. И не только думал, но и принимал решения, которые стали основой для эпилога семейной драмы сыновей Павла Петровича.

Неоднократно подвергая свою жизнь опасности на поле брани в ходе войн с Наполеоном, император не мог не задумываться о вопросе престолонаследия. Его дети умерли в младенчестве, и уверовавший император не мог не увидеть в этом знака свыше. Брак его брата и официального наследника Константина Павловича распался еще в 1803 году — супруга великого князя уехала в Германию и не пожелала возвращаться. К тому же Константин неоднократно повторял многим людям то, что царствовать не намерен и постарается от этой участи уклониться.

Но тут в династический расклад вмешался третий сын императора Павла — Николай. В 1814 году, направляясь в действующую армию, царевич проезжал через прусскую столицу. Там он познакомился со старшей дочерью прусского короля принцессой Шарлоттой. Познакомился и влюбился. В следующем году, в момент торжества русского оружия — вступления нашей армии в Париж, Николай рассказал о своих чувствах старшему брату. Тот вступил в переговоры с королем Пруссии Фридрихом-Вильгельмом, и вопрос был решен. Конечно, помимо чувств двух молодых людей

немалую роль сыграли и политические соображения — таким образом закреплялся на династическом уровне военный и политический союз России и Пруссии, — но брак Николая и Шарлотты, получившей в крещении имя Александра, стал первым за многие годы браком по любви в российской императорской семье.

17 апреля 1818 года в Москве у великокняжеской четы родился сын — Александр Николаевич, будущий царь-освободитель. Это был первый законнорожденный ребенок мужского пола в царской семье, родившийся после гибели Павла Петровича.

Император Александр усмотрел в этом знак свыше. В 1819 году во время маневров в Красном Селе государь неожиданно заговорил с Николаем о престолонаследии. Сам Николай Павлович так пересказал содержание этого разговора супруге: «Константин решительно не хочет ему наследовать на престоле, тем более что они оба видят в нас знак благодати Божьей, дарованного нам сына. Что поэтому мы должны знать наперед, что мы призываемся на сие достоинство»²¹³.

Вот он — выход, найденный императором! И он сам, и его брат Константин так или иначе были замешаны в событиях 11 марта 1801 года. Может, потому и не было у них законных детей. Николай, не участвовавший в тех событиях в силу своего малого возраста, благословлен Богом, и ему надлежит наследовать царство.

В 1822 году цесаревич Константин личным письмом подтвердил государю свое намерение отказаться от престола в пользу Николая. Выждав довольно длительный срок, 16 августа 1823 года император Александр Павлович подписывает манифест, в котором юридически закрепляет добровольное отречение Константина и назначает Николая Павловича наследником престола. Подписывает и... повелевает хранить в тайне. Пакеты с манифестом находятся в Государственном совете, Сенате, Священном Синоде и в ризнице Успенского собора Московского Кремля. Манифест не обнародован.

Почему? Историки и по сию пору не могут прийти к единому мнению. Ведь император прекрасно понимал, что необнародованный документ является юридически ничтожным. В глазах всего населения империи наследником по-прежнему являлся Константин Павлович, и именно в этом качестве он ежедневно поминался на церковных службах во всех церквях России.

Наиболее часто такое парадоксальное решение государя объясняют его подозрительностью. Александр, как и всякий правитель, пришедший к власти не совсем законным путем, всю жизнь допускал возможность переворота и против себя. К тому же император был глуховат на одно ухо, что, по мнению многих биографов, способствовало развитию у него подозрительности к собеседникам. Неопубликованный документ в любой момент мог быть затребован государем назад и уничтожен или заменен другим²¹⁴.

Однако если государь был столь неуверен в своем решении, то зачем же он вообще его принимал? Ведь куда проще было бы не издавать никакого манифеста.

Другая версия связывает хранение документа в тайне с намерением царя отречься от престола. Как уже упоминалось выше, такое намерение Александр высказывал и в 1819, и в 1822, и в 1825 годах («Я прослужил уже 25 лет, и солдату в этом возрасте дают отставку»). Строго говоря, желание отказаться от власти и пожить частной жизнью не оставляло императора с молодости. Но теперь оно приобрело иное значение: возможно, государь и в самом деле хотел оставить престол, который занял преступным путем? Однако отречение царствующего монарха не только не допускалось законом, но и не имело примеров в российской истории, поэтому намерение императора так намерением и осталось. Да если бы Александр и решился его осуществить, то тем более следовало обнародовать манифест о смене наследника престола заранее, чтобы не огорошивать подданных сразу двумя беспрецедентными актами.

Хотя официально документ и считался секретным, но о его существовании и содержании знали многие. Так, император Александр лично сообщил о сделанных им распоряжениях по случаю наследства брату супруги Николая великой княгини Александре Федоровне, прусскому наследному принцу Фридриху-Вильгельму. Был уведомлен об этом и принц Оранский (будущий король Нидерландов Вильгельм II) ²¹⁵.

Знал и царевич Николай. Тайна, окружавшая указ, ставила его в весьма странное положение: он и был наследником престола (то есть вторым человеком в государстве после императора), и не был им. Возможно, Александр Павлович захотел проверить брата на устойчивость к искусу власти. Получить ответ на вопрос: действительно ли Николай достоин трона?

Хотя, по свидетельству многих современников, государь предчувствовал свою скорую кончину, но, отправляясь в свое последнее путешествие в Таганрог, он не сделал каких-либо распоряжений относительно престолонаследия. На вопрос князя А.Н. Голицына ответил: «Положимся на Бога: Он устроит все лучше нас, слабых смертных» ²¹⁶.

Судя по этим словам, решение не обнародовать манифест было сознательным. Александр Павлович, как и многие правители до и после него, наверняка задавался вопросом: а каково истинное отношение подданных к нему как императору и человеку? Как посчитаются с его волей, когда его не станет, и как поведут себя братья? Смерть старшего брата должна была стать для Николая Павловича последним экзаменом на пути к императорскому престолу.

Когда в столице получили известие о смерти императора Александра, то и Николай Павлович, и высшие чины империи, и гвардия быстро принесли присягу на верность императору Константину Павловичу. В Варшаву был направлен экстренный курьер с призывом прибыть в столицу и принять власть. Все это произошло, несмотря на то что конверт с манифестом о престо-

лонаследии был вскрыт и его содержимое стало официально известно высшим сановникам империи. Почему же воля умершего императора была проигнорирована?

Именно потому, что, не будучи обнародованным, документ не получил юридической силы при жизни Александра I, а с момента его смерти, согласно российскому законодательству, императором являлся уже Константин Павлович. Сложнее всех в этой ситуации пришлось Николаю. Он мог бы, ссылаясь на манифест, потребовать присяги на свое имя, но он не только сам одним из первых присягнул Константину, но и убедил членов Государственного совета сделать то же самое. Великий князь решил, что принять корону законным порядком может только после подтверждения отречения Константина и ни мгновением раньше.

Все зависело от воли Константина Павловича. В глазах большинства жителей империи он уже являлся законным государем. У него были как недоброжелатели, так и искренние сторонники, в том числе и среди высших должностных лиц государства и военного командования. Обоим братьям предстояло пройти искушение властью. И оба его с честью выдержали.

Узнав о смерти старшего брата (на два дня раньше, чем об этом узнали в Петербурге), Константин посылает Николаю письмо, в котором подтверждает свое решение отказаться от престола, и уступает право на наследование. Это письмо повез в Петербург самый младший из сыновей Павла Петровича — великий князь Михаил²¹⁷.

Вместо ожидаемого из Варшавы манифеста, то есть официального документа, который можно обнародовать и который имеет силу законодательного акта, Николай получил лишь частное письмо. Константин же не желал издавать манифест, так как полагал, что в должность императора не вступил и посему издавать таковой прав не имеет. К тому же опубликованный официальный манифест невозможно было отозвать, а Константин, несмотря на

давно принятое решение, все-таки колебался: престол российской державы — не шутка.

Началась переписка между Санкт-Петербургом и Варшавой, не принесшая никаких результатов. Надо учесть, что к этому времени и Николай Павлович, и его окружение уже знали о подготовке в столице империи военного переворота, который вошел в историю под названием «Заговор декабристов».

Хотя рассмотрение истории этого мятежа и не относится непосредственно к нашей теме, но на некоторых важных моментах все же необходимо остановиться.

Для начала укажем, что история этого заговора является одной из наиболее мифологизированных тем нашей историографии. В привычной для современного читателя трактовке декабристы — это часть русского революционного движения, которые «разбудили Герцена» и т. д. Дворяне-революционеры, одним словом. Так охарактеризовал декабристов В.И. Ленин в публицистической работе «Памяти Герцена». Но ленинская работа была не исторической, а публицистической, и при ее написании вождь пролетариата стремился не поразить читателей глубиной исторических знаний, а доказать, что он и его партия имеют давнюю историю. Именно в таком контексте и рассматривала советская историческая наука движение декабристов. Нельзя сказать, что советские историки работали недобросовестно или занимались фальсификацией. Но были аспекты темы, которые ими практически не рассматривались, так как совершенно не вписывались в концепцию революционного движения. Например, связь декабристов с придворными кругами и некоторыми высшими чиновниками. Только в постсоветское время стали появляться исследования, рассматривающие бунт 14 декабря вне революционной традиции, а потому затрагивающие многие важные для нашей темы аспекты.

Традиционно декабристское движение описывается как череда сменяющих друг друга тайных обществ (все более тайных и все более революционных), во главе которых стояли молодые

офицеры-интеллектуалы, мечтающие о конституции, республике, а главное — о личной власти. В действительности же создание тайных обществ было своеобразной модой того времени. В Петербурге их было великое множество, помимо декабристских Северного и Южного обществ существовали также: Орден восстановления, Общество военных друзей, Польское тайное общество, общество Семисторонней и семиугольной звезды, тайное общество «Квилков», Тайное общество друзей природы... Редкий офицер гвардии, врашавшийся в петербургском свете, не состоял хотя бы в одном из таких обществ²¹⁸. Более того, до 1822 года подобные организации даже не были запрещены. Поэтому неудивительно, что заговорщики выбрали в качестве организационной структуры тайное общество, это было не следствием их замыслов, а веянием времени. Примечательно, что часть заговорщиков и вовсе не состояла в каком-либо из тайных обществ. Из 116 человек, в отношении которых было вынесено судебное определение по итогам расследования заговора, не состоявших в тайных обществах было 20 человек, то есть каждый шестой²¹⁹.

Не подтверждают современные исследования и высокий уровень идейности или революционности участников заговора. Об этом писали еще современники, причем такие разные люди, как А.С. Пушкин или генерал И.Н. Скобелев*.

Вот что писал Пушкин:
Сначала эти заговоры
Между Лафитом и Клико.
Всё это были разговоры.
И не входила глубоко

* Скобелев Иван Никитич (1778—1849), сын сержанта. Участвовал во множестве войн и сражений, прошел путь от рядового до генерала от инфантерии, награжден золотым георгиевским оружием «За храбрость» (1809), орденами Святого Георгия 4-й (1814) и 3-й (1831) степеней. Родоначальник генеральской династии, самым известным представителем которой является его внук — генерал от инфантерии Михаил Дмитриевич Скобелев (Белый генерал).

В сердца мятежная наука.
[Всё это было только] скука
Безделье молодых умов,
Забавы взрослых шалунов.

А вот что генерал Скобелев:

«Ничтожное, богомерзкое и, так сказать, французско-кучерское воспитание получившие и себе собственно вредные шалуны, поколебать исполинских сил не имеют; тварь сия жалка, нежели опасна»²²⁰.

Важно отметить, что обе организации, задействованные в событиях междоусобицы, были основаны в 1822 году — как раз тогда, когда Константин Павлович письменно подтвердил своему брату намерение отречься от престола. Поразительное совпадение! К тому же состав руководства новых обществ (Северного и Южного) значительно отличался от состава организации предшественника — Союза благоденствия. И отличается не только персонально, но и положением. Если в руководстве прежних обществ мы видим генералов и штаб-офицеров, то здесь — сплошь капитаны да поручики. В руководстве Северного тайного общества, которому отводилась ключевая роль в планах заговорщиков, мы видим отставного поручика Рылеева, штабс-капитана Бестужева (Марлинского) и подполковника князя Трубецкого. Невольно напрашивается мысль, что перед нами лишь показные фигуры, исполнители, а подлинные руководители остались в тени.

Анализ состава Северного общества говорит еще об одном: у него не было никаких шансов организовать военный переворот против царствующего императора, тем более такого, как Александр Павлович. За всю историю России XVIII и XIX веков нам не известно ни одного случая вооруженного мятежа регулярных войск против правительства. Служба русского солдата была отнюдь не легкой, но верность государю императору он сохранял всегда. Другое дело — смутное обстановка междоусобицы. Когда мятеж

подымается не столько против монарха, сколько в защиту монарха более «правильного», как это было в 1762 или 1741 годах.

То есть заговор декабристов — это не что иное, как попытка последнего в истории России дворцового переворота, а революционеры 1825 года мало чем отличаются от революционеров 1762-го.

Значит, истоки этого заговора надо искать на самом верху имперской иерархии. Кто-то, кто знал о письмах Константина Александру и о принятом императором решении об изменении порядка престолонаследия, решил сыграть «в свою игру». Кто были эти люди, попытавшиеся совершить последний дворцовый переворот в истории страны? Историки выдвигают несколько версий.

По одной из них, нити заговора уходят к императрице матери Марии Федоровне и ее ближайшему окружению, состоящему в основном из сановников немецкого происхождения. Царица и прежде вмешивалась в политику, но ее вмешательство носило характер рекомендаций старшему сыну или давления на него. Прийти к власти, подобно Екатерине II, Мария Федоровна не могла ни по юридическим, ни по политическим мотивам.

Другие исследователи предполагают, что нити заговора сходились к петербургскому военному генерал-губернатору генералу от инфантерии графу Милорадовичу. Прославленный воин, пользовавшийся большим авторитетом в солдатской среде, он был старым соратником и другом цесаревича Константина (со времен Швейцарского похода Суворова). Граф приложил большие усилия, чтобы высшие государственные органы империи приняли решение о присяге именно Константину. Однако, узнав об отказе последнего занять престол, в сердцах проговорил: «Я надеялся на него, а он губит Россию», после чего фактически перешел на сторону Николая Павловича.

Может быть, заговорщики в Петербурге не обманывали солдат, а на самом деле действовали в пользу цесаревича Константина?

Ведь сколько ни отрекался последний в частных беседах и личных письмах от престола, официально он оставался законным наследником. Может быть, Николай узурпировал трон, а декабристы были агентами Константина? И действительно, среди ближайшего окружения цесаревича мы видим несколько видных фигур Северного тайного общества. Также обращает на себя внимание, что при наличии в Варшаве заметного числа заговорщиков, их связях с польскими подпольными организациями нам ничего неизвестно о планах их выступления в столице Царства Польского. Если согласиться с устоявшейся версией, что целью заговорщиков было истребление всей царской фамилии и установление в России республики, то такое упущение кажется странным. Ведь даже в случае успеха мятежа в Петербурге заговорщиком пришлось бы иметь дело с Константином, располагающим как русскими оккупационными войсками в Польше, так и собственно польской армией.

Однако если Константин и в самом деле хотел бы бороться за престол, то зачем он писал письма об отречении Николаю? Почему не принял принесенную ему армией и народом присягу и не возглавил империю?

Исследователи обратили внимание на тесную связь заговорщиков с руководством и акционерами Российско-американской компании. И действительно, один из руководителей заговора, Кондратий Рылеев, с 1823 года возглавлял канцелярию компании, многие декабристы были связаны родственными узами с ее акционерами. Основанная в 1799 году, «под высочайшим Его Императорского Величества покровительством Российская Американская Компания» была полугосударственной коммерческой колониальной структурой, главным назначением которой было управления русскими владениями в Америке. Компания постоянно получала субсидии и кадровую помощь от государства, без чего вести дел, скорее всего, не смогла бы. Самостоятельной роли ее руководство не играло, но вполне могло послужить координирующей структурой для неких сил, замысливших заговор.

Где же его источник? Для ответа на этот вопрос необходимо рассмотреть еще один аспект истории декабризма — отношение к тайным обществам со стороны императора Александра I. Многие историки рассматриваемого периода обращали внимание на несколько парадоксальную реакцию царя на информацию о готовящемся заговоре. Конспираторы из дворян и гвардейцев были весьма посредственные, и «государева дела искатели» уже в 1821 году представили императору краткую справку о деятельности Союза благоденствия и перечень его членов, где были упомянуты генералы М.Ф. Орлов, М.А. Фонвизин, С.Г. Волконский, полковники И.А. Фонвизин, А.Н. Муравьев, Ф.Н. Глинка, А.Ф. Бриген, П.Х. Граббе, подполковник П. Пестель и капитан Н. Муравьев и ряд других офицеров²²¹. В роли доносчика выступил один из членов Коренной управы (руководящего центра) тайного общества Михаил Грибовский²²².

Казалось бы, долг государя — пресечь заговор в зародыше, но реакция Александра Павловича оказалась неожиданной. Генералу Васильчикову он сказал поразительную фразу: «Не мне их карать». Обычно ее рассматривают в идеологическом аспекте — сам царь в молодости увлекался идеями свободы, даже играл в якобинца, и поэтому у него рука не поднялась на свободолюбивых заговорщиков.

Такое объяснение выглядит несколько странным. Политические взгляды царя давно изменились. Он лично убедился, к чему приводит революционное прекраснодушие, и не щадил его. Другое дело, если рассматривать эту ситуацию в контексте осмысления Александром Павловичем своей роли в убийстве отца. Царь калялся и допускал, что ему самому тоже суждено испить эту чашу. Летом того же года во время маневров Южной армии государь встретится с одним из руководителей заговора — генерал-майором князем Волконским. Поблагодарив за отлично подготовленную к смотру бригаду, он тихо скажет: «Князь, вы — отличный генерал, занимайтесь вашей бригадой дальше и не вмешивайтесь в управ-

ление моей империей». Совсем в духе Павла Петровича. Сергей Волконский будет потрясен словами монарха, но крамольных умыслов не оставит.

Одними разговорами дело не кончилось, некоторые меры царь все же принял — в 1822 году официально запрещены тайные общества (хотя исполнение запрета практически не контролировалось). Были уволены в отставку генералы М.Ф. Орлов, М.А. Фонвизин и П.С. Пущин, полковники А.Ф. Бриген, Ф.Н. Глинка, П.Х. Граббе, А.Г. Непенин²²³.

Но действительно эффективных мер против заговорщиков — арестов, ссылок и т. д. — так и не было предпринято. Правительственные агенты продолжали наблюдать за заговором (главным образом, за Южным обществом), и только.

Александр Павлович был необычный император. Выше уже говорилось о том, кем был этот государь для своих подданных. Получалось так, что его желание предугадывались ими и странным образом преображались в массовом сознании и реальности. Лишь некоторым близким людям царь говорил о намерении отречься от престола, но это желание было угадано народом, и родилась легенда о Федоре Кузьмиче. Царь желал искупить старый грех отцеубийства и участия в перевороте — и рождается заговор, ставящий целью уничтожения императорской фамилии.

Конечно, не Александр Павлович выступил инициатором этого заговора, но он практически ничего не сделал для того, чтобы его предотвратить. Абсурд? Русский историк начала XX века великий князь Николай Михайлович, имевший доступ к дворцовым архивам и личным архивам царской семьи, посчитал, что в последний год жизни у царя «начались проявления полного маразма и обнаружилось это в стремлении к уединению и постоянных молитвах»²²⁴. Слова о полном маразме — свидетельство того, что родовитый историк так и не понял своего царственного родственника. Что для него, великого князя, принадлежавшего к либеральным кругам русского общества, было признаком маразма,

в действительности было свидетельством колоссальной духовной работы Александра I.

Изначально заговор катился по накатанной дорожке дворцового переворота XVIII века, когда жадные до власти деятели стремились воспользоваться любой сложностью, любой проблемой в вопросах престолонаследия для удовлетворения своих амбиций. Но на этот раз среди царской семьи не нашлось предателя. Ни цесаревич Константин, ни вдовствующая императрица Мария Федоровна не поддержали заговор, что обрекло последний на поражение. Обращение к революционному сценарию было для декабристов малоудачным и вынужденным экспромтом. И все же... и все же заговор имел шансы на успех, если бы не железная воля и мужество, проявленные молодым императором Николаем Павловичем, сдавшим этот незапланированный экзамен при вступлении на престол.

12 декабря в Петербург прибыл курьер, привезший пакет от сопровождавшего покойного императора в его последнем путешествии генерала Дибича. В этом пакете содержалась вся известная окружению Александра I информация о заговоре. Николай Павлович был поражен его размахом и понял, что действовать надо незамедлительно. Не дожидаясь более официального манифеста об отречении Константина, он принимает решение вступить на престол, опираясь на неопубликованный манифест императора Александра о престолонаследии от 1823 года и личное письмо Константина, сообщавшее об отречении последнего. Присяга новому императору была назначена на 14 декабря 1825 года. Интересно, что почти сразу же об этой дате узнали и вожди заговорщиков, что подтверждает у них наличие неких высокопоставленных осведомителей во дворце. Дальнейшие события хорошо известны читателю. Остановимся лишь на одном аспекте.

Вопреки распространенной версии истории самого восстания 14 декабря, его критической точкой стало не многочасовое противостояние на Сенатской площади между мятежниками и верными

государю войсками, а попытка поручика Николая Панова во главе 900 гренадер восставшего лейб-гренадерского полка захватить Зимний дворец и находящуюся в нем царскую семью.

Толпа мятежников с криками «ура» и ружьями наперевес рванулась было ко входу во дворец и остановилась при виде строя гвардейского саперного батальона. Гвардейские саперы были одной из любимых частей Николая Павловича, когда он, будучи еще великим князем, возглавлял инженерную часть русской армии. Не только всех офицеров, но и многих солдат этого батальона великий князь знал в лицо. В тот день они без колебаний принесли присягу своему шефу и получили приказ охранять дворец.

Несколько минут длилось это противостояние мятежных гренадер и саперов. На стороне восставших было и численное преимущество, и пехотному бою они были обучены, несомненно, лучше. Но, видя решимость верных присяге солдат, мятежники не выдержали и отступили к Сенатской площади²²⁵.

Уже после подавления восстания, вечером 14 декабря, государь нашел время выйти к верным саперам и поблагодарил их за верность: «Если я видел сегодня изменников, то с другой стороны видел также много преданности и самоотвержения, которые останутся для меня всегда памятными»²²⁶.

Первым делом нового царя по восшествии на престол стало расследование истории заговора, поставившего империю на грань катастрофы. Цесаревич Константин, узнав о событиях в Петербурге, требовал расследования без остановок, «пока не будет найдена исходная точка всех этих происков». Да и сам государь был поначалу намерен «дойти до дна этого озера»²²⁷.

Однако, хотя расследование длилось более полугода и велось весьма тщательно, никаких высокопоставленных покровителей декабристов оно не выявило. Всего к делу было привлечено 570 человек — именно столько фамилий содержится в составленном Александром Дмитриевичем Боровковым, секретарем следственной комиссии, справочнике, озаглавленном «Алфавит

членам бывших злоумышленных тайных общества и лицам, прикосновенных к делу, произведенному высочайше утвержденною 17 декабря 1825 года Следственной комиссиею». Именно поэтому во многих советских книгах можно встретить упоминание о 570 заговорщиках.

Однако в свой «Алфавит» пунктуальный секретарь заносил не только тех, в отношении кого велись следственные действия, но всех, кто так или иначе упоминался в ходе расследования. Например, там упомянуты лица, умершие задолго до 1825 года. Изобличенных заговорщиков было гораздо меньше. К концу следствия в распоряжении комиссии оставалось 189 человек, из которых 11 были освобождены без всяких последствий (до этого в ходе следствия было освобождено более 150 человек, арестованных по ложным доносам или в следствие ошибки), 57 человек были подвергнуты разного рода дисциплинарным и административным взысканиям — административному аресту, переводу из гвардии в армию, увольнению со службы и т. д. — и 121 человек изобличенных мятежников был предан суду²²⁸. Верховный суд, действуя на основании законов Российской империи, вынес следующий приговор: 5 человек были осуждены «вне всяких разрядов» и приговорены к смертной казни через четвертование; 31 — к смертной казни путем отсечения головы, остальные были приговорены к лишению чинов и дворянства, каторжным работам исылке в Сибирь.

Приговор поступил на утверждение к государю, и Николай Павлович, который в прогрессивной, а потом советской историографии был заклеямен как «кровавый деспот», существенно смягчил наказание осужденным. Царь сразу же отменил такие формы смертной казни, как четвертование и отсечение головы*,

* Помимо гуманных здесь сыграли свою роль и чисто технические соображения: четвертование в России не применялось со времен Анны Иоанновны, отсечение головы — со времен Пугачевского бунта, то есть, скорее всего, палачи, способные выполнить эти жестокие процедуры, попросту отсутствовали.

31 мятежнику смертная казнь была заменена на каторжные работы, многим заметно сокращены сроки каторги, некоторым каторга была заменена ссылкой, ссылка — разжалованием в солдаты. Лишь пятерке самых отъявленных злодеев государь не изменил приговор, оставив его на усмотрение Верховного суда²²⁹.

Суд не считал возможным помиловать эту пятерку, и они были казнены 13 июля 1826 года. Либеральная дореволюционная, а потом и советская историография сделали из этой пятерки мучеников революционного дела, символ всего декабристского движения. Но вопрос, почему именно эти пять человек были выделены из более чем сотни осужденных и поставлены «вне всяких разрядов», практически не рассматривался.

В отношении троих казненных — Сергея Муравьева-Апостола, Михаила Бестужева-Рюмина и Петра Каховского — главным аргументом, по-видимому, послужило то, что они не только приняли участие в заговоре и мятеже, но и лично обагрили свои руки кровью. Муравьев-Апостол и Бестужев-Рюмин лично расправились с командиром Черниговского пехотного полка подполковником Гебелем*. Петр Каховский 14 декабря на Сенатской площади подлым выстрелом в спину убил генерала Милорадовича, пытавшегося уговорить солдат прекратить мятеж, а до этого — полковника Стюрлера, командира Лейб-гвардии Гренадерского полка, пытавшегося удержать своих подчиненных от мятежа.

Павел Пестель участия в восстании не принимал. Его взгляды были настолько жестокими и настолько крайними, что собственные товарищи «сдали» его властям еще до всякого выступления. В ходе следствия, помимо участия в заговоре, были вскрыты и многочисленные факты, говоря современным языком, «злоупотребления служебным положением» командира Вятского пехотного полка.

* Пытавшийся остановить мятеж в своем полку, Гебель получил 14 штыковых ран (четыре на голове, одну в углу левого глаза, одну на груди, одну на левом плече, три на животе и четыре на спине), двойной перелом правой руки, после чего был брошен заговорщиками на снег умирать. Он чудом остался в живых.

Но интереснее всех — отставной поручик и правитель канцелярии Российской-американской компании Кондратий Рылеев. В приговоре суда мы читаем следующее:

«Умышлял на Цареубийство; назначал к совершению оного лица; умышлял на лишение свободы, на изгнание и истребление **ИМПЕРАТОРСКОЙ** Фамилии и приуготовлял к тому средства; усилил деятельность Северного общества; управлял оным, приуготовлял способы к бунту, составлял планы, заставлял сочинить Манифест о разрушении Правительства; сам сочинял и распространял возмутительные песни и стихи и принимал членов; приуготовлял главные средства к мятежу и начальствовал в оных; возбуждал к мятежу нижних чинов через их Начальников посредством разных обольщений и во время мятежа сам приходил на площадь».

Если мы же посмотрим на биографию Рылеева, то увидим несколько интересных моментов. Кондратий Федорович родился в 1795 году в семье мелкопоместного дворянина, который служил управляющим у княгини Голицыной, окончил кадетский корпус, служил артиллеристом (1814—1818), потом отставка, служба по гражданскому ведомству в Петербургской уголовной палате, а с 1824 года — в Российско-американской компании, причем сразу на высокой должности правителя канцелярии.

С 1819 года Рылеев становится известен как литератор, сотрудничает с ведущими столичными литературными журналами, а с 1823 года совместно с А.А. Бестужевым (Марлинским) издает журнал «Полярная звезда» — сугубо литературное издание, далекое от всякой политики.

В начале 1823 года Рылеев вступает в Северное общество и неожиданно быстро становится одним из его руководителей. Вместе с князем С.Н. Трубецким и А.А. Бестужевым входит в состав его руководящего органа — Верховной думы, а в 1825 году избирается единоличным диктатором. (Незадолго до восстания передал этот пост С.Н. Трубецкому.)

Удивительная для заговорщика карьера! Худородный дворянин, не служивший в гвардии, подвизавшийся на презируемой аристократами судебной службе, а потом и вовсе ушедший в коммерцию, из всех достоинств которого можно с уверенностью назвать лишь поэтический талант, едва войдя в круг заговорщиков, тут же становится вождем и начальником. Для сравнения — тот же князь Сергей Трубецкой, гвардии полковник и адъютант Главного штаба, участник войны 1812 года, заграничных походов, неоднократно отмеченный за храбрость на поле боя. В тайных обществах состоял с 1816 года. Стихов, правда, писать не умел...

Чем объяснить такое возвышение Рылеева? Но это еще не все загадки. В начале декабря 1825 года Рылеев серьезно заболевает, а его квартира становится штабом заговора (мятежники приходят под благовидным предлогом проведать больного). Руководящие полномочия он передает Трубецкому и непосредственно в день восстания особой роли не играет. Он метался по Петербургу, то заезжая к мятежникам на Сенатскую, то «объезжая казармы полков, ища подкреплений». Деятельность была суматошной, но совершенно неэффективной, верные правительству войска уже были стянуты в центр города, да и в казармы штатского барина никто бы не пустил...

Арестован был в первую же ночь после провала мятежа и с самого начала стал давать чистосердечные показания. По свидетельству многих, искреннее чувство христианского раскаяния в содеянном, охватившее Рылеева после ареста, тронуло самого государя, и он обращался с ним милостиво.

И вдруг — «поставлен вне всяких разрядов» и приговорен к смертной казни через четвертование.

Странно. Вот сопредседатель Рылеева по Северному обществу А.А. Бестужев, штабс-капитан Лейб-гвардии Драгунского полка, активно участвовал в бунте, неотлучно был на Сенатской площади, пытался возглавить контратаку мятежников на правительственную артиллерию. Приговорен по первому разряду,

императором казнь заменена каторгой, потом высылкой рядовым на Кавказ, участвуя во многих стычках и боях с горцами, заслужил Георгиевский крест, чин унтер-офицера, а потом и прапорщика, то есть вернул себе дворянство. Его повести под псевдонимом Марлинский снова стали появляться в печати. В 1839 году погиб в бою на мысе Адлер.

Может быть, дело в личности Рылеева? Может быть, он был прирожденным вождем-революционером, русским Дантоном, а то и Робеспьером? В мемуарах декабристов о его личности написано весьма немного (что неудивительно, учитывая его позднее вступление в организацию). С их страниц встает образ увлеченного, но добросердечного и мягкого человека, для которого семейное счастье важнее любых потрясений. Об этом же говорят и его показания на допросах. Полное раскаяние читается и в последнем письме несостоявшегося диктатора супруге:

«Бог и Государь решили участь мою: я должен умереть, и умереть смертью позорною. Да будет Его святая воля! Мой милый друг, предайся и ты воле Всемогущего, и Он утешит тебя. За душу мою молись Богу. Он услышит твои молитвы. Не ропщи ни на него, ни на Государя: ето будет и безрассудно и грешно. Нам ли постигнуть неисповедимые суды Непостижимого? Я ни разу не взроптал во все время моего заключения, и за то Дух Святый дивно утешал меня.

Подивись, мой друг, и в сию самую минуту, когда я занят только тобою и нашею малюткою, я нахожусь в таком утешительном спокойствии, что не могу выразить тебе. О, милый друг, как спасительно быть христианином. Благодарю моего Создателя, что Он меня просветил и что я умираю во Христе. Ето дивное спокойствие порукою, что Творец не оставит ни тебя, ни нашей малютки»²³⁰.

Поэт не ошибся относительно будущего семьи: государь проявил к ней самое живое участие — вдове выдал 2000 рублей (императрица от себя добавила 1000) и назначил пенсию, которую вдова получала до второго замужества, а дочь до совершеннолетия.

И все-таки царь утвердил смертный приговор. Почему? Возможно, что здесь сыграло свою роль то же обстоятельство, что обеспечило в свое время Рылееву столь быстрое возвышение в стане заговорщиков. Какое? Рискнем предположить, что служащий Российско-американской компании Кондратий Рылеев и был тем связующим звеном между дворцовыми кругами и заговорщиками. Он слишком много знал, что и послужило причиной его гибели. Государь не хотел казнить поэта, но и оставить его в живых было нельзя. Впоследствии Николай Павлович уничтожит многие бумаги из личного архива своей матери и старших братьев, навсегда похоронив возможность установить, кто же из членов императорского семейства был связан с неудавшимися мятежниками.

Почему государь не стал раскрывать эту связь? Потому что она не сыграла никакой роли в восстании. Заговор, замышлявшийся как дворцовый переворот, очень быстро приобрел черты революционного и внушил страх своим создателям. Они отказались от него, но было поздно — 100 прапорщиков попытались изменить государственный строй империи. Личное мужество Николая Павловича и верность присяге большинства гвардейцев спасли Россию от катастрофы.

После смерти супруги императора Александра царицы Елизаветы Алексеевны ее бумаги разбирала императрица мать Мария Федоровна. И многое сожгла. После смерти самой Марии Федоровны император Николай и его брат Михаил по ее просьбе сожгли ее дневники и бумаги. Та же участь постигла заметную часть личного архива Константина Павловича и даже императора Александра I.

Это в таинственных романах, уничтожая подлинные документы, властители оставляют в тайном хранилище книгу в толстом кожаном переплете с медными застежками, где записана вся «истинная правда». В жизни все гораздо проще, никаких следов несостоявшейся семейной драмы не осталось...

События XVIII века научили русских государей ценить семейную жизнь. Чтобы русский царь, «защитник православной веры», уверовал в Бога, потребовалось вторжение в наше Отечество бонапартова воинства двенадцати языков. Чтобы русские цари поняли, что семейная жизнь государя не только его личное дело или долг перед династией, но важнейший фактор устойчивости всей конструкции монархической государственности, живой пример для подданных, потребовалось целое столетие дворцовых переворотов и смут.

У императора Павла Петровича и императрицы Марии Федоровны было 10 детей. Собственно, с этого момента и можно говорить о возвращении в Россию понятия «царская семья». Эта семья имела все шансы стать дружной и крепкой — любящий и ответственный отец, заботливая и умная мать, прекрасные дети. Но вмешательство Екатерины Великой привело к отчуждению родителей и старших сыновей, отчуждению глубокому, преодолеть которое Павел не смог даже перед лицом смерти. «Ваше высочество, помогите!» — кричал он, обращаясь к Константину, будто забыв, что у сына, кроме титула, есть имя.

Кандидатуры жен для Александра и Константина были выбраны Екатериной без учета мнения самих великих князей, и оба брака в целом сложились неудачно. Лишь под конец жизни добились семейной гармонии Александр и Елизавета, а Константин обрел семейное счастье лишь в позднем морганатическом браке.

Трезво оценивая опыт минувшего, император Александр не мешал младшему брату Николаю, по отношению к которому он

играл в некоторой степени роль отца, выбрать невесту себе по сердцу. И видимо, не случайно после того, как великий князь сообщил своему венценосному брату о своей избраннице, устроил ему встречу, ставшую наглядным уроком семейной жизни. Николай Павлович посетил Луи-Филиппа, будущего короля, а тогда герцога Орлеанского. «Я получил столь сильное впечатление от его семейной жизни, о коей еще недавно я сам так мечтал, не отдавая себе в том отчета, что попросил герцога Орлеанского позволение приехать через день проститься с ним и его семьей. Он дал согласие, и я провел еще один день, можно сказать, наслаждаясь счастьем, поскольку мои первые впечатления от Нейи подтвердились; и с тех пор я решил в своей семейной жизни придерживаться усвоенных мною правил...» — рассказывал император по прошествии многих лет²³¹.

Начиная с Николая I русские цари уделяли своей семейной жизни не менее важное внимание, чем государственным делам. Впрочем, можно ли вопросы продолжения царского рода или воспитания будущего главы государства отделить от сферы политики?

Основы семейной жизни русских царей в XIX веке покоились на трех китах: любовь, чувство долга и православная вера. Родители не препятствовали наследникам самостоятельно выбирать себе спутниц жизни (конечно, в рамках монаршего круга Европы, иные брачные союзы считались недостойными русского царского дома и России как государства). К тому же в новом столетии династические связи значили куда меньше, чем в прошлом. Поэтому и не возражал император Александр III, стремившийся к союзу с Французской республикой, против женитьбы своего старшего сына Николая (будущего царя-страстотерпца) на немецкой принцессе, к тому же внучке английской королевы.

Дети в царской семье всегда рассматривались как благословение Божие государю, его семье и России в целом. А потому их было много: у Николая I — семеро, у Александра II — восемь от первого (законного) брака и четверо от второго (morganaticкого), у

Александра III — шестеро (из которых один умер в младенчестве), у Николая II — пятеро.

Воспитанию детей придавалось особое значение. Они учились в России, старшие сыновья — по индивидуальным программам, с учетом личных особенностей и склонностей каждого. Главными задачами воспитания было формирование чувства ответственности и долга перед Богом за свою страну и народ. Система воспитания складывалась постепенно и достигла своего совершенства при двух последних императорах.

Именно благодаря здоровому семейному духу, традициям воспитания и чувству любви Россия после 1825 года ни разу не сталкивалась с династическими кризисами, которые неотступно лихорадили ее после смерти Петра Великого. И те ситуации, которые в XVIII веке приводили к кровавым драмам с тяжкими последствиями для династии и страны, в XIX веке разрешались тихо, по-семейному.

Первая глава этой книги была посвящена тому, как царь Петр Алексеевич под давлением новой семьи и коррумпированного окружения расправился со своим сыном и законным наследником русского престола царевичем Алексеем. А вот как подобная коллизия разрешилась в XIX веке.

Император Александр Николаевич, которого благодарный русский народ величал царем-освободителем*, старался исполь-

* Почитание Александра II как царя-освободителя было настолько широко, что в России ему было поставлено более 500 памятников, причем все — исключительно на народные пожертвования. Они стояли на площадях городов и у сельских церквей, на Дальнем Востоке и в Западном крае, это было искреннее проявление любви народа к своему государю. Но освободителем старший сын Николая I был не только для русских крестьян. В центре столицы Болгарии Софии стоит конный памятник царю, армии которого спасли единоверный болгарский народ от турецкой неволи. Стоит памятник этому государю и в Хельсинки — столице независимой ныне Финляндии. По-разному складывались отношения нашей страны с этими двумя государствами в смутном XX веке, но ни финны, ни болгары не оскорбили память русского царя. Из памятников, поставленных ему в России, не уцелел ни один... Только в 2005 году в Москве был открыт первый и пока единственный в России памятник этому монарху.

зывать своих родственников в качестве ближайших помощников и соратников. Далеко не все из них оправдали доверие государя как по деловым, так и по нравственным качествам.

Царь-реформатор на многое закрывал глаза. И на безупречное в нравственном отношении поведение, и на деловую нечестность, в том числе и на факты откровенной коррупции, связанные с железнодорожным строительством. Почему? Потому, что и сам был небезгрешен — помимо официальной, у царя с 1866 года была еще одна, вторая, тайная семья. После смерти императрицы Марии Александровны царь официально вступил в брак со своей любовницей Екатериной Долгоруковой и признал родившихся у нее детей законными (хотя и не членами императорской фамилии).

Окружение царя увидело в этом шанс устранить от наследования престола законного наследника — цесаревича Александра Александровича. Он был человек прямого и строго нрава и не терпел как моральной нечистоплотности, так и нечестности в делах. Окружение отца наследник недолюбливал, многие либеральные реформы считал чрезмерными и несвоевременными. Брак царя с Долгоруковой (получившей титул светлейшей княгини Юрьевской) вызвал недовольство наследника и его супруги. Отдельные личности из окружения государя напрямую говорили ему о необходимости устранения от престола цесаревича.

Но все эти происки разбились о любовь государя к своему старшему сыну и внуку — будущему Николаю II. И каковы бы ни были его чувства к новой семье, он не допускал мысли о разрыве отношений со своими детьми. Сраженный подлой бомбой террориста, государь умер на руках наследника, своей мученической кончиной испутив ошибки и грехи.

Другое время, другие нравы и, главное, другие отношения в царской семье.

Впрочем, семейные конфликты в ней тоже были, но совсем другого рода, чем прежде. Главной их причиной стал рост численности членов императорской фамилии, то есть прямых потомков

царствовавшего государя. С одной стороны, многочисленность великих князей устраняла проблему пресечения правящей династии, столь близко подступавшую к русскому трону в XVIII веке. С другой — необходимо было гармонично встроить в государственный механизм Российской империи членов правящей династии. Каждый из них от рождения получал качественно иной статус, чем представитель даже самого аристократического рода. При этом если в течение XIX века сословные привилегии постепенно сокращались (собственно, уже в начале века титулованное дворянство не имело никаких юридических преимуществ перед обычным), то положение членов царского рода оставалось практически неизменным.

В то же время эти привилегии не были уравновешены чувством ответственности за судьбу династии и трона, так как при многочисленности императорской фамилии шансы наследовать престол были невысоки. Будем справедливы, большинство членов династии достойно выполняли свой долг перед государем и Отечеством, но были и такие, кто уронил достоинство своего высокого звания или, что еще хуже, пытался путем интриг играть в политику. К началу XX века обнаружились серьезные трения между царем и его семьей, некоторыми из членов и некоторыми семействами императорской фамилии.

Можно ли эти конфликты назвать семейными? По характеру они скорее похожи на придворные интриги — довольно архаичное явление для рубежа столетий.

Нельзя сказать, чтобы эта проблема оставалась незамеченной — Александр III предпринял ряд шагов, чтобы, во-первых, ограничить рост численности императорской фамилии (титул великого князя оставался только за родными детьми и внуками монарха, но не за их потомством), а во-вторых, сократить ее политическое влияние. Эту линию продолжил Николай II, к концу правления которого роль членов императорской фамилии в государственном и военном аппарате была сведена к минимуму.

Отношения в семье последнего русского царя были близки к идеалу. Ни сложность политической и военной ситуации в стране, ни тяжелая болезнь единственного сына и наследника — цесаревича Алексея не могли поколебать чувство любви и единства.

Священник Афанасий Беляев, исповедовавший царскую семью в заточении летом 1917 года, записал в своем дневнике:

«Впечатление получилось такое: дай, Господи, чтобы и все дети нравственно были так высоки, как дети бывшего Царя. Такое незлобие, смирение, покорность родительской воле, преданность безусловная воле Божией, чистота в помышлениях и полное незнание земной грязи — страстной и греховной, меня привело в изумление, и я решительно недоумевал: нужно ли напоминать мне как духовнику о грехах, может быть им неведомых, и как расположить к раскаянию в неизвестных для них грехах»²³².

Эта семья была единой в своей жизни и вместе приняла свой смертный час. Когда-то давно, в начале XVIII века, царевич Алексей Петрович умер под пыткой, которой руководил его отец. В роковом июле 1918 года царевич Алексей Николаевич погиб на руках своего отца, вместе с ним удостоившись прославления от Бога как святой...

* * *

Ушла в прошлое русская монархия, и ее семейные драмы остались лишь на страницах исторических книг. Что нам, современным жителям некогда великого и славного Отечества, до теней прошлого? Какое отношение имеют они к нам, кроме как развлечь живым своим рассказом?

Царская семья всегда была примером для подданных. И быть может, не случайно наиболее быстрый рост населения России приходится на время правления Александра III и его сына Николая II. В 1897 году под скипетром русского царя проживало 129 миллионов подданных, к 1915 году их число возросло до 179 миллионов.

Конечно, сыграли свою роль многие факторы — и бурное экономическое развитие страны, и создание системы здравоохранения*, и прогресс самой медицины... Но немалую роль сыграл и живой пример царской семьи и ее отношения к детям.

Эпизоды, которые были затронуты в нашей книге, интересны для нас не только с точки зрения удовлетворения исторического любопытства, но и как наглядное пособие по построению семейной жизни. Русская царская семья даже сейчас способна показать нам, потомкам своих верноподданных, как надо и как не надо строить семейные отношения. Последние развиваются одинаково и в блистающем нарядной позолотой царском дворце, и в украшенной резными наличниками избе, и в квартире панельного многоэтажного дома. Да, последствия частных семейных драм не столь значительны для государства или общества, но они важны для жизни конкретного человека, части этого единого общества. И уроки истории в данном аспекте важны не только для государственных мужей и политиков, но и для каждого из нас — российских обывателей.

Построение любого нормального общества начинается с семьи. А построение семьи, отношения в ней зависят не от решений парламента или правительства, не от воли сюзерена или президента, а только от людей, которые ее образуют. Сделать шаг к восстановлению в России нормального общества может каждый, начав с собственной семьи.

* Именно во время правления Николая II в России появилось многое из того, что нам ныне кажется привычным, — больничные листы и участковые врачи, станции скорой помощи и женские консультации, родильные дома и молочные кухни.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Боханов А.Н.* Святая царица. М.: Вече, 2006. С. 233.

² *Высочков Л.* Николай I. М.: Молодая гвардия, 2003. С. 235.

³ *Алексеев Ю.Г.* Под знаменами Москвы М.: Мысль, 1992. С. 44—45.

⁴ *Высочков Л.* Николай I. М.: Молодая гвардия, 2003. С. 22, 23.

⁵ Там же. С. 28.

⁶ *Боханов А.Н.* Император Александр III. М.: Русское слово, 2004. С. 16.

⁷ Там же. С. 21.

⁸ «Он всех простил....». Император Николай II. Церковь о Царской семье. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. С. 5.

⁹ Там же, С. 6.

¹⁰ *Боханов А.Н.* Ук. соч. С. 13.

¹¹ Иван Грозный. Ук. соч. С. 34.

¹² *Гончаров Ю.М.* Городская семья второй половины XIX начала—XX века. Барнаул, 2002. С. 63—64.

¹³ *Балашов Д.М.* Бремя власти. Петрозаводск: КАРЭКО, 1994. С. 225.

¹⁴ *Громыко М.М.* Мир Русской деревни. М.: Молодая гвардия, 1991. С. 215.

¹⁵ *Чулков Г.И.* Императоры: Психологические портреты. М.: Московский рабочий, 1991. С 7.

¹⁶ Там же. С. 57.

¹⁷ Там же. С. 223.

¹⁸ Там же. С. 3.

¹⁹ *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. IX. М.: Московский рабочий, 1994. С. 187.

²⁰ *Скрынников Р.Г.* Иван Грозный. М.: Наука, 1974. С. 235.

²¹ Там же.

²² *Митрополит Иоанн (Снычев).* Самодержавие духа, СПб.: Царское дело, 1996. С. 136.

²³ *Флоря Б.Н.* Иван Грозный. М.: Молодая гвардия, 1999. С. 375.

²⁴ *Громыко М.М.* Мир Русской деревни. М.: Молодая гвардия, 1991. С. 223.

²⁵ *Козляков В.Н.* Михаил Федорович. М.: Молодая гвардия, 2004. С. 31.

²⁶ *Лавров А.С.* Регентство царевны Софьи Алексеевны. М.: Археографический центр, 1999. С. 16.

²⁷ *Богословский М.М.* Петр I Материалы к биографии. М.: Центрполиграф 2007. Т. 1. С. 59.

²⁸ *Скрынников Р.Г.* Борис Годунов. М.: Наука, 1978. С. 16.

²⁹ *Козляков В.Н.* Михаил Федорович. М.: Молодая гвардия, 2004. С. 145—147.

³⁰ Там же. С. 149—151.

³¹ *Андреев И.Л.* Алексей Михайлович. М.: Молодая гвардия, 2003. С. 83—84.

³² Там же. С. 592.

³³ *Богданов А.П.* Несостоявшийся император Федор Алексеевич М.: Вече, 2009. С. 208—211.

³⁴ Архив князя Ф.А. Куракина. СПб.: Русская старина, 1890. Т. 1. С. 55.

³⁵ Там же.

³⁶ *Павленко Н.И.* Царевич Алексей. М.: Молодая гвардия, 2008. С. 12.

³⁷ *Костомаров Н.И.* Царевич Алексей Петрович // Исторические исследования и монографии. М.: Книга, 1989. С. 127.

³⁸ *Павленко Н.И.* Царевич Алексей. М.: Молодая гвардия, 2008. С. 15.

³⁹ Там же.

⁴⁰ *Костомаров Н.И.* История России в жизнеописании главнейших ее деятелей.

⁴¹ *Павленко Н.И.* Царевич Алексей. М.: Молодая гвардия, 2008. С. 17.

⁴² Там же. С. 21.

⁴³ Там же. С. 41.

⁴⁴ Там же. С. 47.

⁴⁵ *Павленко Н.И.* Меншиков. М.: Молодая гвардия, 1999. С. 198—199.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ *Нахапетов Б.А.* Врачебные тайны дома Романовых. М.: Вече, 2007. С. 39.

⁴⁸ *Павленко Н.И.* Царевич Алексей. М.: Молодая гвардия, 2008. С. 52

⁴⁹ Там же. С. 55.

⁵⁰ Там же. С. 56.

⁵¹ Там же. С. 29.

⁵² *Павленко Н.И.* Царевич Алексей. М.: Молодая гвардия, 2008.
С. 66—68.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же. С. 69.

⁵⁵ Там же. С. 70.

⁵⁶ Полное собрание русских летописей. Т. 2. С. 14.

⁵⁷ *Павленко Н.И.* Царевич Алексей. М.: Молодая гвардия, 2008.
С. 83

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ *Павленко Н.И.* Царевич Алексей. М.: Молодая гвардия, 2008.
С. 105.

⁶⁰ Там же. С. 109.

⁶¹ Там же. С. 112.

⁶² *Костомаров Н.И.* Царевич Алексей Петрович // Исторические исследования и монографии. М.: Книга, 1989. С. 156.

⁶³ Там же С. 139

⁶⁴ *Павленко Н.И.* Царевич Алексей. М.: Молодая гвардия, 2008.
С. 144—145

⁶⁵ Там же. С. 207.

⁶⁶ Там же. С. 222.

⁶⁷ *Костомаров Н.И.* Царевич Алексей Петрович // Исторические исследования и монографии. М.: Книга, 1989. С. 162.

⁶⁸ *Павленко Н.И.* Царевич Алексей. М.: Молодая гвардия. 2008. С. 223.

⁶⁹ *Заозерский А.И.* Фельдмаршал Б.П. Шереметев. М.: Наука, 1989. С. 150—151.

⁷⁰ *Павленко Н.И.* Царевич Алексей. М.: Молодая гвардия, 2008. С. 235.

⁷¹ *Боханов А.Н.* Самодержавие. М.: Русское слово, 2002. С. 248.

⁷² *Писаренко К.А.* Тайны дворцовых переворотов. М.: Вече. С. 6—29 и далее.

⁷³ *Алексеев Ю.Г.* Государь всея Руси. Новосибирск: Наука, 1991. С. 44.

⁷⁴ Там же. С. 199.

⁷⁵ *Костомаров Н.И.* Царевич Алексей Петрович // Исторические исследования и монографии. М.: Книга, 1989. С. 165.

⁷⁶ Там же. С. 160.

⁷⁷ *Карамзин Н.М.* Записка о древней и новой России // *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Ростов-на-Дону, Феникс, 1997. С. 484.

⁷⁸ *Романюк С.К.* В поисках пушкинской Москвы. М.: Профиздат, 2001. С. 17.

⁷⁹ *Мыльников А.С.* Петр III, повествование в документах и версиях. М.: Молодая гвардия, 2002.

⁸⁰ *Иванов О.А.* Екатерина II и Петр III. История трагического конфликта. М.: Центрполиграф, 2007.

⁸¹ *Иванов О.А.* Ук. соч. С. 102.

⁸² *Елисеева О.И.* Молодая Екатерина. М.: Вече, 2010.

⁸³ *Писаренко К.А.* Ошибка императрицы. Екатерина и Потемкин. М.: Вече, 2008.

⁸⁴ *Мыльников А.С.* Ук. соч. С. 50.

⁸⁵ *Черкасов П.П.* Двуглавый орел и королевские лилии. М.: наука, 1995. С. 19–20.

⁸⁶ Там же. С. 22.

⁸⁷ *Писаренко К.А.* Тайны дворцовых переворотов. М.: Вече, 2009. С. 38.

⁸⁸ *Анисимов Е.В.* Елизавета Петровна. М.: Молодая гвардия, 1999. С. 49; *Писаренко К.А.* Тайны дворцовых переворотов. М.: Вече. С. 35. Первый автор приписывает авторство столь необычного проекта вице-канцлеру А.И. Остерману, а второй — самой принцессе Елизавете.

⁸⁹ *Анисимов Е.В.* Анна Иоанновна. М.: Молодая гвардия, 2002. С. 295–296.

⁹⁰ Там же. С. 293.

⁹¹ *Анисимов Е.В.* Елизавета Петровна. М.: Молодая гвардия, 1999. С. 34.

⁹² *Черкасов П.П.* Двуглавый орел и королевские лилии. М.: наука, 1995. С. 36.

⁹³ Там же. С. 39.

⁹⁴ *Мыльников А.С.* Ук. соч. С. 61–62.

⁹⁵ Там же. С. 64.

⁹⁶ *Анисимов Е.В.* Елизавета Петровна. М.: Молодая гвардия, 1999. С. 386

⁹⁷ *Елисеева О.И.* Молодая Екатерина. М.: Вече, 2010. С. 64.

⁹⁸ Там же. С. 63.

- ⁹⁹ *Мыльников А.С.* Ук. соч. С. 23.
- ¹⁰⁰ Там же. С. 54.
- ¹⁰¹ Там же. С. 58.
- ¹⁰² *Иванов О.А.* Ук. соч. С. 113.
- ¹⁰³ Там же. С. 123.
- ¹⁰⁴ *Боханов А.Н.* Император Александр III. М.: Русское слово, 2004. С. 86.
- ¹⁰⁵ *Мыльников А.С.* Ук. соч. С. 115.
- ¹⁰⁶ *Писаренко К.А.* Ошибка императрицы. Екатерина и Потемкин. М.: Вече, 2008. С. 8.
- ¹⁰⁷ *Анисимов Е.В.* Генерал Багратион. Жизнь и война. М.: Молодая гвардия, 2009. С. 750 и далее.
- ¹⁰⁸ *Мыльников А.С.* Ук. соч. С. 170—174.
- ¹⁰⁹ *Елисеева О.И.* Молодая Екатерина. М.: Вече, 2010. С. 249.
- ¹¹⁰ *Звягинцев А.Г., Орлов Ю.Г.* Око государево. Российские прокуроры XVIII век. М.: Росспэн, 1994. С. 79.
- ¹¹¹ *Танстолл Б.* Морская война в век паруса. 1650—1815. М.: ЭКСМО. С. 171.
- ¹¹² *Черкасов П.П.* Двуглавый орел и королевские лилии. М.: Наука, 1995. С. 130.
- ¹¹³ *Анисимов Е.В.* Елизавета Петровна. М.: Молодая гвардия, 1999. С. 341.
- ¹¹⁴ Там же. С. 343—344.
- ¹¹⁵ *Немирович-Данченко В.И.* Скобелев. М.: Воениздат, 1993.
- ¹¹⁶ *Черкасов П.П.* Двуглавый орел и королевские лилии. М.: Наука, 1995. С. 135.

¹¹⁷ Там же. С. 159—220.

¹¹⁸ *Цвейг. С. Мария-Антуанетта. М.: Мысль, 1989. С. 460.*

¹¹⁹ *Елисеева О.Е. Молодая Екатерина. М.: Вече, 2010. С. 303.*

¹²⁰ Там же. С. 308.

¹²¹ Там же. С. 354.

¹²² *Мыльников А.С. Ук. соч. С. 132.*

¹²³ Там же. С. 201

¹²⁴ *Мыльников А.С. Ук. соч. С. 136—137.*

¹²⁵ *Мыльников А.С. Ук. соч. С. 151.*

¹²⁶ *Орлов А.С. , Георгиев В.А., Георгиева Н.Г., Сивохина Т.А. Хрестоматия по истории России с древнейших времен до наших дней. М., 1999. С. 189.*

¹²⁷ *Авва Дорофей. Душеполезные поучения. М., 2003. С. 58.*

¹²⁸ *Мыльников А.С. Ук. соч. С. 149.*

¹²⁹ Полное собрание законов Российской империи. Т.15. СПб., 1830. С. 894, 907, 908, 926.

¹³⁰ *Мыльников А.С. Ук. соч. С. 154.*

¹³¹ *Карташев А.В. Очерки по истории Русской Церкви. М.: Терра, 1992. Т. 2. С. 438.*

¹³² Полное собрание законов Российской империи. Т.16. СПб., 1830. С. 1.

¹³³ *Писаренко К.А. Тайны дворцовых переворотов. М.: Вече, 2009. С. 190.*

¹³⁴ Цареубийство 11 марта 1801 года. Записки участников и современников. М.: Культура, 1990. С. 25. Примечательно, что эту

версию излагает весьма благожелательно настроенный по отношению к Павлу Петровичу мемуарист — полковник Саблуков.

¹³⁵ *Елисеева О.И.* Молодая Екатерина. М.: Вече, 2010. С. 359.

¹³⁶ Полное собрание законов Российской империи. Т.15. СПб., 1830. С. 875.

¹³⁷ Там же. С. 880.

¹³⁸ *Шильдер Н.К.* Император Павел I. М.: Вече, 2009. С. 35.

¹³⁹ *Павленко Н.И.* Царевич Алексей. М.: Молодая гвардия, 2008. С. 102.

¹⁴⁰ Там же. С. 190.

¹⁴¹ *Мыльников А.С.* Ук. соч. С. 215—216.

¹⁴² *Писаренко К.А.* Тайны дворцовых переворотов. М.: Вече, 2009. С. 188.

¹⁴³ Там же. С. 286.

¹⁴⁴ *Писаренко К.А.* Тайны дворцовых переворотов. М.: Вече, 2009. С. 189.

¹⁴⁵ *Писаренко К.А.* Ошибка императрицы. Екатерина и Потемкин. М.: Вече, 2008. С. 251.

¹⁴⁶ *Заринова З.Н.* Реформа народного образования в 80-х годах XVIII века (Историко-правовой аспект) // Вестник НГУ им. Лобачевского, №1 1995. С. 34—37. (Серия «Право»).

¹⁴⁷ *Песков А.М.* Павел I. М.: Молодая гвардия, 1999. С. 17.

¹⁴⁸ *Песков А.М.* Павел I. М.: Молодая гвардия, 1999. С. 73

¹⁴⁹ *Черкасов П.П.* Лафайет. Политическая биография. М.: Мысль, 1991. С. 7.

¹⁵⁰ *Тарле Е.В.* Наполеон. М.: Ритм, 1992. С. 101.

¹⁵¹ *Троицкий Н.А.* Александр I и Наполеон. М.: Высшая школа 1994. С. 67.

¹⁵² *Тарле Е.В.* Наполеон. М.: Ритм, 1992. С. 103.

¹⁵³ *Наханетов Б.А.* Врачебные тайны дома Романовых М.: Вече, 2007. С. 62.

¹⁵⁴ Цареубийство 11 марта 1801 года. Записки участников и современников. М.: Культура, 1990. С. 161.

¹⁵⁵ Цареубийство 11 марта 1801 года. Записки участников и современников. М.: Культура, 1990. С. VI—VII.

¹⁵⁶ *Эйдельман Н.Я.* Грань веков. М.: Мысль, 1982. С. 139.

¹⁵⁷ Записки императрицы Екатерины II. М.: Наука, 1990. С. 156.

¹⁵⁸ *Эйдельман Н.Я.* Грань веков. М.: Мысль, 1982. С. 39.

¹⁵⁹ *Шильдер Н.К.* Император Павел I. М.: Вече, 2009. С. 70.

¹⁶⁰ Там же. С 108.

¹⁶¹ Там же. С. 182.

¹⁶² *Черкасов П.П.* Екатерина II и Людовик XVI. М.: Наука, 2004. С. 465.

¹⁶³ *Кудряшов И.Ю.* Военный потенциал Франции накануне революции 1789—1799 гг. и его реализация. Электронная публикация на сайте автора: http://www.genstab.ru/rev1789_3.htm.

¹⁶⁴ *Кудряшов И.Ю.* Военный потенциал Франции накануне революции 1789—1799 гг. и его реализация. Электронная публикация на сайте автора: http://www.genstab.ru/rev1789_4.htm.

¹⁶⁵ *Державин Г.Р.* Записки 1743—1812. Полный текст. М.: Мысль, 2000. С. 166.

¹⁶⁶ *Шильдер Н.К.* Император Александр Первый. Его жизнь и царствование. СПб., Издание А.С. Суворина, 1904. С. 114.

- ¹⁶⁷ Там же. С. 113
- ¹⁶⁸ Там же. С. 131.
- ¹⁶⁹ Там же. С. 175—176.
- ¹⁷⁰ *Песков А.М.* Павел I. М.: Молодая гвардия, 1999. С. 59—60.
- ¹⁷¹ *Эйдельман Н.Я.* Грань веков. М.: Мысль, 1982. С. 76.
- ¹⁷² *Карамзин Н.М.* Записка о древней и новой России // *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Ростов-на-Дону: Феникс, 1997. С. 490.
- ¹⁷³ *Эйдельман Н.Я.* Грань веков. М.: Мысль, 1982. С. 73.
- ¹⁷⁴ *Державин Г.Р.* Записки 1743—1812. Полный текст. М.: Мысль, 2000. С. 217.
- ¹⁷⁵ *Шильдер Н.К.* Император Александр Первый. Его жизнь и царствование. СПб.: Издание А.С. Суворина, 1904. С. 161—162.
- ¹⁷⁶ Цареубийство 11 марта 1801 года. Записки участников и современников. М.: Культура, 1990. С. 33—34.
- ¹⁷⁷ Цареубийство 11 марта 1801 года. Записки участников и современников. М.: Культура, 1990. С. 320—321.
- ¹⁷⁸ *Сафонов М.М.* Грузинский князь Яшвиль // Грузино-российские научно-культурные связи в истории Санкт-Петербурга. СПб., 2003. С. 252.
- ¹⁷⁹ *Шильдер Н.К.* Император Павел I. М.: Вече, 2009. С. 355.
- ¹⁸⁰ Цареубийство 11 марта 1801 года. Записки участников и современников. М.: Культура, 1990. С. 39.
- ¹⁸¹ Там же. С. 134.
- ¹⁸² *Шильдер Н.К.* Император Павел I. М.: Вече, 2009. С. 350.
- ¹⁸³ *Шильдер Н.К.* Император Александр Первый. Его жизнь и царствование. СПб.: Издание А.С. Суворина, 1904. С. 17.

¹⁸⁴ *Эйдельман Н.Я.* Грань веков. М.: Мысль, 1982. С. 187.

¹⁸⁵ *Леонов О.Г., Ульянов И.Е.* Русская пехота 1698—1801. М.: АСТ, 1995. С. 216.

¹⁸⁶ Цареубийство 11 марта 1801 года. Записки участников и современников. М.: Культура, 1990. С. 135.

¹⁸⁷ Там же. С. 135—136.

¹⁸⁸ *Песков А.М.* Павел I. М.: Молодая гвардия, 1999. С. 31.

¹⁸⁹ Цареубийство 11 марта 1801 года. Записки участников и современников. М.: Культура, 1990. С. 137.

¹⁹⁰ *Эйдельман Н.Я.* Грань веков. М.: Мысль, 1982. С. 186.

¹⁹¹ Там же. С. 203.

¹⁹² Цареубийство 11 марта 1801 года. Записки участников и современников. М.: Культура, 1990. С. 138—140.

¹⁹³ *Песков А.М.* Павел I. М.: Молодая гвардия, 1999. С. 17.

¹⁹⁴ *Эйдельман Н.Я.* Грань веков. М.: Мысль, 1982. С. 281.

¹⁹⁵ *Эйдельман Н.Я.* Грань веков. М.: Мысль, 1982. С. 315.

¹⁹⁶ Цареубийство 11 марта 1801 года. Записки участников и современников. М.: Культура, 1990. С. 97.

¹⁹⁷ *Эйдельман Н.Я.* Грань веков. М.: Мысль, 1982. С. 333.

¹⁹⁸ Цареубийство 11 марта 1801 года. Записки участников и современников. М.: Культура, 1990. С. 145

¹⁹⁹ Там же.

²⁰⁰ Отечественная война 1812 года. Энциклопедия. М.: РОС-СПЭН, 2004. С. 634—635.

²⁰¹ Цареубийство 11 марта 1801 года. Записки участников и современников. М.: Культура, 1990. С. 95.

²⁰² Там же. С. 81.

²⁰³ *Эйдельман Н.Я.* Грань веков. М.: Мысль, 1982. С. 320.

²⁰⁴ Цареубийство 11 марта 1801 года. Записки участников и современников. М.: Культура, 1990. С. 228.

²⁰⁵ *Сафонов М.М.* Грузинский князь Яшвиль // Грузино-русские научно-культурные связи в истории Санкт-Петербурга. СПб., 2003.

²⁰⁶ *Троицкий Н.А.* Александр I и Наполеон. М.: Высшая школа 1994. С. 120.

²⁰⁷ Цареубийство 11 марта 1801 года. Записки участников и современников. М.: Культура, 1990. С. 101.

²⁰⁸ *Боханов А.Н.* Самодержавие. М., 2002. С. 26.

²⁰⁹ *Карташев А.В.* Очерки по истории Русской Церкви. М.: Терра, 1992. Т. 2. С. 556.

²¹⁰ *Архангельский А.Н.* Александр I. М.: Молодая гвардия.

²¹¹ Цареубийство 11 марта 1801 года. Записки участников и современников. М.: Культура, 1990. С. 218.

²¹² *Кн. Барятинский В.В.* Царственный мистик (Император Александр I — старец Федор Кузьмич). Л.: Сказ, 1990. С. 142—143.

²¹³ *Высочков Л.* Николай I. М.: Молодая гвардия, 2003. С. 65.

²¹⁴ *Троицкий Н.А.* Александр I и Наполеон. М.: Высшая школа, 1994. С. 286.

²¹⁵ *Высочков Л.* Николай I. М.: Молодая гвардия, 2003. С. 79.

²¹⁶ *Кн. Барятинский В.В.* Царственный мистик (Император Александр I — старец Федор Кузьмич). Л.: Сказ, 1990. С. 15.

- ²¹⁷ *Высочков Л. Николай I. М.: Молодая гвардия, 2003. С. 87.*
- ²¹⁸ *Крутов В.В., Шевцова-Крутова Л.В. Белые пятна красного цвета. Декабристы. М.: Терра, 2001. Кн. 1. С. 17–18.*
- ²¹⁹ Там же. С. 35.
- ²²⁰ Там же. С. 86.
- ²²¹ *Троицкий Н.А. Александр I и Наполеон. М.: Высшая школа 1994. С. 282.*
- ²²² *Эйдельман Н.Я. Не ему их судить... // Наука и жизнь, 1976. № 7.*
- ²²³ *Троицкий Н.А. Александр I и Наполеон. М.: Высшая школа 1994. С. 286.*
- ²²⁴ Там же.
- ²²⁵ *Высочков Л. Николай I. М.: Молодая гвардия, 2003. С. 111.*
- ²²⁶ Там же. С. 116.
- ²²⁷ Там же. С. 127.
- ²²⁸ *Крутов В.В., Шевцова-Крутова Л.В. Белые пятна красного цвета. Декабристы. М.: Терра, 2001. Кн. 1. С. 224–225.*
- ²²⁹ *Крутов В.В., Шевцова-Крутова Л.В. Белые пятна красного цвета. Декабристы. М.: Терра, 2001. Кн. 1. С. 342–347.*
- ²³⁰ Цит по тексту, опубликованному на сайте Музея декабристов: <http://decemb.hobby.ru/index.shtml?litera/proza/letter>.
- ²³¹ *Высочков Л. Николай I. М.: Молодая гвардия, 2003. С. 33.*
- ²³² «Он всех простил.....». Император Николай II. Церковь о Царской семье. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. С. 143.

СОДЕРЖАНИЕ

СЕМЬЯ И ВЛАСТЬ (ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ).....	3
ПЕРВЫЙ ИМПЕРАТОР	
И ЕГО «НЕПОТРЕБНЫЙ СЫН».....	24
ОКЛЕВЕТАННЫЙ ИМПЕРАТОР	
И «РЕВОЛЮЦИОНЕРКА» НА ТРОНЕ	97
ЕГДА УБО А МОЛЧАТ П НЕВОЗВЕЩАЮТ.....	194
ПОСЛЕСЛОВИЕ.....	293
ПРИМЕЧАНИЯ.....	300

Научно-популярное издание

Тайны Российской империи

Музафаров Александр Азизович

СЕМЕЙНЫЕ ДРАМЫ РОССИЙСКИХ МОНАРХОВ

Выпускающий редактор *В.А. Ластовкина*

Корректор *О.Б. Бубликова*

Верстка *И.М. Сорокина*

Художественное оформление *Е.А. Забелина*

ООО «Издательский дом «Вече»

Почтовый адрес:

129348, г. Москва, ул. Красной Сосны, 24, а/я 63.

Фактический адрес:

127549, г. Москва, Алтуфьевское шоссе, 48, корпус 1.

Тел.: (499) 940-48-71, 940-48-72, 940-48-73.

E-mail: veche@veche.ru

<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 17.09.2010. Формат 84×108¹/₃₂.

Гарнитура «PetersburgC». Печать офсетная. Бумага офсетная.

Печ. л. 10. Тираж 6000 экз. Заказ № 1117.

Отпечатано с электронного оригинал-макета,
предоставленного издательством,
в ОАО «Рыбинский Дом печати»
152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ВЕЧЕ»
ООО «ВЕСТЬ» является основным поставщиком
книжной продукции издательства «ВЕЧЕ»

Почтовый адрес:
129337, г. Москва, ул. Красной Сосны, 24, а/я 63.
Фактический адрес:
127549, г. Москва, Алтуфьевское шоссе, 48, корпус 1.
Тел.: (499) 940-48-71, (499) 940-48-72, 940-48-73.

Интернет: www.veche.ru
Электронная почта (E-mail): veche@veche.ru

По вопросу размещения рекламы в книгах
обращаться в рекламный отдел издательства «ВЕЧЕ».
Тел.: (499) 940-48-70
E-mail: reklama@veche.ru

ВНИМАНИЮ ОПТОВЫХ ПОКУПАТЕЛЕЙ!
Книги издательства «ВЕЧЕ» вы можете приобрести также
в наших филиалах и у официальных дилеров по адресам:

В Москве:
Компания «Лабиринт»
115419, г. Москва,
2-й Рощинский проезд, д. 8, стр. 4.
Тел.: (495) 780-00-98, 231-46-79
www.labyrinth-shop.ru
В Санкт-Петербурге:
ЗАО «Диамант» СПб.
г. Санкт-Петербург, пр. Обуховской Обороны, д. 105.
Книжная ярмарка в ДК им. Крупской.
Тел.: (812) 567-07-26 (доб. 25)
В Нижнем Новгороде:
ООО «Вече-НН»
603141, г. Нижний Новгород, ул. Геологов, д. 1.
Тел.: (831 2) 63-97-78
E-mail: vechenp@mail.ru
В Новосибирске:
ООО «Топ-Книга»
630117, г. Новосибирск, ул. Арбузова, д. 1/1.
Тел.: (383) 336-10-32, (383) 336-10-33
www.top-kniga.ru
В Киеве:
ООО «Издательство «Арий»
г. Киев, пр. 50-летия Октября, д. 26, а/я 84.
Тел.: (380 44) 537-29-20, (380 44) 407-22-75.
E-mail: ariy@optima.com.ua

Всегда в ассортименте новинки издательства «ВЕЧЕ»
в московских книжных магазинах:
ТД «Библио-Глобус», ТД «Москва», ТД «Молодая гвардия»,
«Московский Дом книги», «Букбери», «Новый книжный».

ПИШЕШЬ РЕФЕРАТ?
СДАЕШЬ ЭКЗАМЕНЫ?

«100 великих» помогут на все 100!

- 100 томов в серии
- Энциклопедическая полнота
- Отечественные и зарубежные авторы

Лучшие книги серии изданы в подарочном
исполнении в серии

Золотая коллекция
«100 великих»

- Цветные иллюстрации на мелованной бумаге
- Оригинальное оформление

ЗА СЕМЬЮ ПЕЧАТЯМИ...

СЕРИЯ КНИГ

ВЕЛИКИЕ

ТАЙНЫ

И. РЕЗАНОВ

ПЛАНЕТА
БУДУЩИХ
КАТАСТРОФ

- Полные загадок судьбы известных исторических лиц
- Загадки древних цивилизаций и народов
- Оригинальное оформление
- Множество иллюстраций и рисунков
- Более 70 томов в серии

ВЕЛИКИЕ ТАЙНЫ ВЕЛИКОГО ПРОШЛОГО

СЕРИЯ КНИГ

TERRA

H I S T O R I C A

- Забытые традиции древних культур
- Яркие страницы средневековой истории
- Уникальные исследования, необычные гипотезы, новые открытия

ЛЕГЕНДАРНЫЕ КНИГИ О ЛЕГЕНДАРНЫХ ВРЕМЕНАХ

Все романы
Валентина ПИКУЛЯ

Семейная жизнь государя — его личное дело или долг перед всей династией и его подданными? Потребовалось целое столетие дворцовых переворотов и смут, чтобы русские цари поняли, что их семейная жизнь — важнейший фактор устойчивости всей конструкции монархической государственности, живой пример для подданных. Как семейные драмы российских монархов оказывали влияние на ход русской истории — рассказывается в очередной книге из серии «Тайны Российской империи».

ISBN 978-5-9533-4841-6

9 785953 348416

